

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
• ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2014
ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

- Ефимова В.С., Желязкова В.* (Москва, София). К изучению лексики древнейших славянских рукописей Ветхого Завета в сопоставлении с лексикой рукописей Нового Завета и других рукописей «старославянского канона» 3

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- Соколовская О.В.* (Москва). Большие амбиции маленькой Греции в Первой мировой войне 15
- Каширин В.Б.* (Москва). Александру Авереску глазами военной разведки Российской империи: штрихи к портрету будущего маршала Румынии 27
- Тимошинов А.А.* (Москва). Польские добровольческие формирования на стороне России в 1914–1915 годах 39

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Галчева Т.Н., Голубович И.В.* (София, Одесса). Письма П.М. Бицилли к Н.И. Астрову о В.А. Мякотине 48
- Шруба М.* (Бохум, Германия). Гарвардский эпизод биографии Д.И. Чижевского (по переписке с М.М. Карповичем) 57

СООБЩЕНИЯ

- Кочегаров К.А.* (Москва). Казацкое посольство М. Родкевича-Портянки к турецкому султану в 1667 году 65

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

- Заметки и впечатления участников съезда 73

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Antoni A. Kamiński. Michał Bakunin. Życie i myśl	101
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева	105
<i>Косик В.И.</i> Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания	108
<i>Корзо М.А.</i> Л. Довга. Система цінностей в українській культурі XVII століття (на прикладі теоретичної спадщини Інокентія Гізеля)	111
<i>Валенцова М.М.</i> J. Zajonc. Premeny vlakna	113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Полехов С.</i> Научная конференция «Городло (1413–2013). Польское королевство и Великое княжество Литовское в эпоху Городельской унии»	116
<i>Клопова М.Э.</i> Конференция «Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу»	121

НЕКРОЛОГИ

<i>Сератионова Е.П.</i> Памяти Любви Николаевны Белошевской	125
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, **М.М. ВАЛЕНЦОВА**, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **А.А. ГИПШИУС**,
Р.П. ГРИШИНА, **В.И. КОСИК**, **М.В. ЛЕСКИНЕН**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **К.В. НИКИФОРОВ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**, **А.С. СТЫКАЛИН**,
Б.Н. ФЛОРЯ, **О.В. ХАВАНОВА**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2014

© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2014

© 2014 г. В.С. ЕФИМОВА, В. ЖЕЛЯЗКОВА

К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛЕКСИКОЙ РУКОПИСЕЙ НОВОГО ЗАВЕТА И ДРУГИХ РУКОПИСЕЙ «СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО КАНОНА»

В статье излагаются условия, представляющиеся авторам необходимыми для проведения лингвистического анализа, направленного на дифференциацию лексики книг Ветхого Завета с точки зрения возможности ее принадлежности лексическому инвентарю времени мефодиевского перевода либо несколько более позднего преславского перевода или редактирования. Авторы предлагают проводить сопоставительные исследования лексики Ветхого Завета с лексикой Нового Завета и других рукописей «старославянского канона» при помощи метода «от греческой лексемы к старославянской». В статье приводятся также некоторые наблюдения, касающиеся лексических особенностей древнейших славянских рукописей Ветхого Завета, уже сделанные авторами в отношении наименований лиц.

The article sets out the conditions presented by the authors as needed to conduct a linguistic analysis in order to differentiate the vocabulary of the Old Testament books from the viewpoint of its belonging to the lexical inventory of the St. Methodius's translation or to the later Preslav translation or editing. The authors suggest a study to be performed on the vocabulary of the Old Testament in comparison with the vocabulary of the New Testament and other manuscripts of the «Old Slavonic canon» using the method «from the Greek lexeme to Old Slavonic lexeme». The article also features some observations on the lexical peculiarities of the oldest Slavonic Old Testament manuscripts, already made by the authors concerning the denomination of persons.

Ключевые слова: старославянская лексика, рукописи Ветхого Завета.

Тексты Ветхого Завета – за исключением Псалтыри и некоторых цитат из других книг – не дошли до нас, к сожалению, в древнеболгарских рукописях X–XI вв., составляющих «старославянский канон»¹. Значительно лучше в рукописях пос-

Ефимова Валерия Сергеевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Желязкова Веселка – доктор, доцент, Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской академии наук.

Статья написана в рамках работ по проекту сотрудничества РАН и БАН «Лексика древних славянских текстов Ветхого и Нового Завета в сопоставительном плане». По техническим причинам не передается как и.

¹ Определение состава рукописей «старославянского канона» в основном совпадает в работах Р.М. Цейтлин [1; 2] и в словарях «Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten» Л. Садник и Р. Айцетмюллера (1955), «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» (1994), «Старобългарски речник» (Т. 1. 1999; Т. 2. 2009). При некоторых очень незначительных расхождениях в определении разными авторами круга рукописей, составляющих «старославянский канон», в него обычно включают 17 древнеболгарских рукописей X–XI вв.: Зографское четвероевангелие, Маринское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие-апракос, Саввину книгу (апракос), Охридские листки, Листки Ундольского, Зографский палимпсест, Боянское евангелие-апракос, Енинский

ледного представлены тексты Нового Завета: достаточно хорошо, в нескольких списках, зафиксирован в нем текст Евангелия; текст Апостола представлен только небольшими отрывками в Синайском евхологии и Енинском апостоле (сильно испорченной рукописи рубежа XI–XII вв.), однако в распоряжении исследователей все же имеется достаточно рукописей Апостола XII–XIII вв., причем разных изводов². Наиболее же древние славянские рукописи Ветхого Завета – рукописи Паримейника (сборника, содержащего используемые в богослужении отрывки книг Ветхого Завета). Древнейшая из них – Григоровичев паримейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII вв. Четий (полный) вариант книг Ветхого Завета сохранился только в еще более поздних рукописях. Так, до наших дней дошли 53 рукописи, содержащие толковую версию пророческих книг, наиболее древняя из которых, среднеболгарская рукопись F.I.461 РНБ, относится к последней четверти XIV в., а древнерусская рукопись собрания Троицко-Сергиевской лавры № 89 (положенная в основу издания Туницкого, см. [1]) – к рубежу XV–XVI вв. Науке известны свыше 40 рукописей Пятикнижия (Восьмикнижия), и только одна из них – рукопись собрания Троицко-Сергиевской лавры № 1 (фл. I, ф. 304) – относится ко второй половине XIV в., все остальные более позднего времени. Древнейшая рукопись, отражающая южнославянскую традицию Восьмикнижия – рукопись № 3 собрания Е. Барсова в ГИМ, относится к 80–90 годам XV в. Очень малую изученность лексики старославянского перевода Ветхого Завета следует, видимо, объяснить трудностью собласта корректность и не поступиться научной точностью и четкостью в лексикологических исследованиях языкового материала довольно поздних списков, отстоящих по времени написания на века от своих протографов.

Восстановление облика первоначальных переводов книг Св. Писания на славянский язык, выполненных свв. Солунскими братьями, – задача, которую ставила перед собой палеославистика, кажется, с самого начала своего зарождения в XIX в. Тем не менее состояние исследований истории перевода Ветхого Завета в настоящее время таково, что представляется целесообразным несколько «отступить» от попыток непосредственного решения задачи восстановления первоначального перевода четъей версии с тем, чтобы сначала провести по рукописям лингвистический анализ, направленный на дифференциацию лексики книг Ветхого Завета с точки зрения возможности ее принадлежности лексическому инвентарю времени мефодиевского перевода либо несколько более позднего преславского перевода или редактирования. Старославянская лексика Нового Завета и других рукописей «старославянского канона» изучена к настоящему времени уже довольно хорошо. Изучение лексики рукописей Ветхого Завета путем сопоставительных исследований с лексикой собственно старославянских рукописей может оказаться плодотворным. В статье излагаются условия, представляющиеся нам необходимыми в подобных исследованиях, а также некоторые наблюдения, касающиеся лексических особенностей древнейших славянских рукописей Ветхого Завета, уже сделанные нами в отношении наименований лиц на материале книг Двенадцати малых пророков с толкованиями, книги пророка Иезекииля с толкованиями, а также книги Исход³.

апостол, Синайскую псалтырь (далее Син), Синайский евхологий и Синайский служебник (далее Евх), Клоцов сборник (далее Клоц), Супрасльскую рукопись (далее Супр), Хиландарские листки, Рыльские листки, Зографские листки.

²Характеристика древнейших славянских рукописей Апостола и их группировка даны в статье Ш. Пилата [3].

³В исследовании материала книг Двенадцати малых пророков с толкованиями и книги пророка Иезекииля с толкованиями мы опирались на уже опубликованные первые три тома серии «Старобългарският превод на Стария завет» (София, 1998; 2003; 2013), где в основу издания положена рукопись F.I.461, а в сопоставление вовлечены и другие рукописи Ветхого Завета (подробнее об этих рукописях см. [4]). Материал по книге Исход собран В. Желязковой по подготовленному ею (но еще не опубликованному) тому той же серии, где в основу издания будет положена рукопись № 3 собрания Е. Барсова в ГИМ, относящаяся к 80–90 годам XV в., а в сопоставление вовлечены и другие рукописи Ветхого Завета (подробнее о рукописи см. [5]).

Как неоднократно отмечалось в литературе, действительный объем старославянского лексического инвентаря как лексического инвентаря реально существовавшей во второй половине IX – начале XI в. языковой системы, называемой большинством славистов «старославянским языком» или «(литературным) древнеболгарским языком», был значительно больше, чем объем лексического инвентаря рукописей «старославянского канона» [6; 7]. В «старославянский канон» вошли рукописи, сохранившиеся довольно случайно. Как частотность лексем, так и само их наличие или отсутствие обусловлено специфичностью содержания текстов, представленных в этих рукописях. Очевидно, например, что высокая частотность в переводе Евангелия таких слов, как **УЧИТЕЛЬ** или **УЧЕНИКЪ** обусловлена его содержанием. Только в Зографском евангелии Р.М. Цейтлин насчитывала 44 употребления слова **УЧИТЕЛЬ** и 203 употребления слова **УЧЕНИКЪ** [1. С. 104, 88]. С другой стороны, ни слово **УЧИТЕЛЬ**, ни слово **УЧЕНИКЪ** не встречаются в тексте обрешедованных нами ветхозаветных книг Двенадцати малых пророков, Иезекииля и Исход, так как не требуются для передачи их содержания. Вместе с тем **УЧИТЕЛЬ** встречается дважды в толкованиях на книгу пророка Иезекииля: на Иез 16,30 (256а 7–8 по F.I.461) и Иез 38,8 (310б 28–29 по F.I.461), а **УЧЕНИКЪ** – однажды в толковании на книгу пророка Ионы 3,3 (206б 12 по F.I.461) и однажды в Житии пророка Авдия (204а 6 по F.I.461). Если же мы посмотрим на употребление слова **УЧЬ** ‘любовник’, то в старославянских переводах текстов Нового Завета оно не встретится нам совсем, в других рукописях «старославянского канона» – лишь однажды (в Житии Павла Препростого в Супрасльской рукописи, Супр 169,13), тогда как в книге пророка Иезекииля 12 раз – как в самом библейском тексте, так и в толкованиях [8. С. 499], что также обусловлено специфичностью содержания текстов разных частей Св. Писания и агиографических текстов. Значение слова **НАСЕЛЬНИКЪ** ‘местный житель’ не характерно для содержания рукописей Нового Завета, но оно встречается в тексте книги Исход (Исх 12,49) и в некоторых других ветхозаветных книгах. Подобные примеры можно умножать. В силу этого следует вывод, что лексический инвентарь древнейших славянских рукописей Ветхого Завета содержит старославянскую лексику, неизвестную нам по рукописям «старославянского канона», но которую необходимо включать в старославянский лексический инвентарь. Опасность для исследователя заключается, однако, в том, что имеющиеся в нашем распоряжении только довольно поздние списки Ветхого Завета неизбежно содержат и лексические инновации, внесенные в течение нескольких веков в ходе переписываний протографов. Полагаем поэтому, что незафиксированная в рукописях «старославянского канона» лексика изучаемых нами списков Ветхого Завета должна рассматриваться как потенциально старославянская и верифицироваться затем в ходе сопоставительных исследований более поздних списков со старославянских протографов – не только рукописей Ветхого Завета, но и рукописей, содержащих другие произведения. Наличие слова в разных местах более поздних списков разных произведений и, особенно, списков разных изводов (русского, сербского, среднеболгарского) повышает степень вероятности принадлежности лексемы старославянскому инвентарю [7; 9. С. 4–7 и др.].

Старославянский лексический инвентарь формировался постепенно в процессе переводов на славянский язык (главным образом, с греческого языка) как текстов Св. Писания, так и других произведений (житий, гомилий, текстов юридического содержания и т. д.), выполняемых и самими свв. Кириллом и Мефодием, и их учениками и последователями. Таким образом, выполнению определенной группы переводов соответствует и определенный этап становления старославянского лексического инвентаря. Начиная с самых первых переводов старославянский лексический инвентарь не только питался лексикой народной славянской речи, но и обогащался книжной лексикой, по большей части являвшейся резуль-

татом словотворчества славянских книжников – понятной славянам (поскольку использовались славянские морфемы), но «высокого регистра». Наши исследования последних лет показывают, что свв. Кирилл и Мефодий стремились к созданию лексического инвентаря именно л и т е р а т у р н о г о языка, создавали специально для перевода книжные слова даже в тех случаях, когда в их распоряжении имелись слова народной речи с подходящим значением (см. [10; 11] и др). По мере становления старославянского языка менялись и переводческие установки – как в употреблении лексики, так и в способах создания новой книжной лексики. Их смену можно наблюдать даже в пределах старославянских евангельских кодексов. Например, исследование в них перевода греческих наименований лиц показало, что переводческие установки в передаче греческих композитов для самого евангельского текста и текста оглавлений и календарей были разными: явное предпочтение употреблению наименований лиц в виде однокорневых наименований с продуктивными суффиксами в самом евангельском тексте уступает место тенденции калькирования двукорневых греческих композитов двукорневыми же старославянскими композитами уже в языке переведенных несколько позже оглавлений и календарей [12. С. 33.].

Следует здесь отметить, что лексический состав отдельных рукописей зависит не только от переводческих установок славянских книжников (переводчиков и редакторов), но также и от стиля переводимых текстов. В отношении более хорошо изученных новозаветных старославянских переводов уже известно, что сравнительно простой по стилю язык греческого Евангелия не провоцировал переводчиков на создание большого количества старославянских семантически сложных номинаций, однако семантически сложными номинациями насыщен греческий текст Апостола, особенно текст посланий Апостола Павла [13; 14]. Такие, например, наименования лиц, как явно книжные двукорневые композиты ἀρσενοκοίτης, εἰδωλολάτρης, κοσμοκράτωρ и т.п. Р. Поповский считает неологизмами, созданными самим Апостолом Павлом [13. С. 60–62]. В свою очередь подобные номинации служили образцом для славянских переводчиков и редакторов текста Апостола при создании двукорневых поморфемных калек: *мѣжжельжнѣкъ* (Слепч, Шиш) или *мѣжжележьнѣкъ* (Христ) в 1Кор 6,9 (ср. взятое, видимо, из народной славянской речи наименование *стѣудолѣи* в 1Тим 1,10 в Слепч и Шиш при *мѣжжельжѣ* в Христ), *идолослужитель* в Еф 5,5, *миродръжитель* в Еф 6,12 и под.⁴.

Особенность старославянского перевода Ветхого Завета с греческого языка заключается в том, что он был выполнен (как и старославянский перевод Нового Завета) во второй половине IX – начале X в. поэтапно. Современной палеославистикой признается, что древнейший перевод ветхозаветных текстов содержится в Паримейнике, который был переведен славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием одновременно с Евангелием-апракосом, служебным Апостолом и Псалтырью, поскольку принадлежал к числу книг, без которых не могло совершаться богослужение. Четый перевод ветхозаветных текстов появился позже паримейного. Очевидно, первоначальный перевод почти всех книг Ветхого Завета был выполнен Мефодием («мефодиевский перевод») – в этом переводе, например, сохранилась книга Руфь в хорватском глаголическом бревиарии 1396 г. На рубеже IX–X вв. Иоанн Экзарх Болгарский указывал на существование только одного перевода четьего текста Священного Писания – перевода, сделанного Мефодием. Однако, по-видимому, уже в начале X в. в Болгарии был предпринят новый перевод Восьмикнижия: в приписке, завершающей Восьмикнижие в Архивском хронографе XV в., сообщается, что это – ветхозаветные книги, «преложенные от греческого языка в словенский» Григорием-пресвитером по повелению болгарского

⁴ Принадлежность лексем *идолослужитель* и *миродръжитель* старославянскому лексическому инвентарю не вызывает сомнений [9. С. 98–99].

царя Симеона. Считается, что сохранившиеся славянские списки Восьмикнижия содержат именно этот новый перевод, в котором в какой-то мере использован перевод Мефодия. Несомненно, что толкования на библейский текст в толковых версиях были переведены в Восточной Болгарии при царе Симеоне книжниками Преславской школы письменности. Как рукопись F.I.461, так и другие известные древнейшие славянские рукописи, содержащие текст Ветхого Завета в четвем варианте (с толкованиями или без них), в большей или меньшей мере содержат лексику, характерную для книжников Преславской школы письменности. Вопрос, представлен ли в этих рукописях перевод ветхозаветных книг, сделанный заново преславскими книжниками, или ими был сделан перевод только толкований, а в основу самого библейского текста был положен первоначальный мефодиевский перевод, преславскими книжниками лишь редактированный в разных книгах Ветхого Завета в различной степени, представлялся одним из важнейших вопросов палеославистики по крайней мере с начала XX в. [15. С. CXLVII, CCCXX и след.], однако остается нерешенным до сих пор. Исследователи по-разному оценивают наличие грамматических архаизмов и «кирилло-мефодиевской» лексики в одних и тех же рукописях: если, например, в ряде южнославянских рукописей И.Е. Евсеев, а за ним и Т. Славова видели следы первоначального мефодиевского перевода [16. С. XXVI; 17. С. 53–70], то А.В. Михайлов считал сохранившийся в них перевод «симеоновским» (т.е. в принятой сейчас терминологии преславским) и писал, что в этих списках «мы “мефодиевского” почти ничего не найдем» [15. С. CCCXXI]. Издатели текста книги пророка Иезекииля (с опорой на рукопись F.I.461) Л. Тасеева и М. Йовчева [18], несмотря на наличие «кирилломефодиевизмов», считают сохранившийся в этой рукописи перевод книги Иезекииль преславским, а «единичные схождения с кирилломефодиевскими текстами обязаны прямому или косвенному влиянию более ранних авторитетных образцов» [19. С. 52]. После текстологического анализа паримейных чтений книги пророка Иезекииля они устанавливают разные переводческие решения (грамматические и лексические) в толковом и в паримейном переводах и разные греческие образцы, что позволяет им утверждать, что «паримейные чтения в толковой версии представляют собой новый независимый перевод» [18. С. 556-а]. Т. Славова, однако, приводит текстологические свидетельства, указывающие, что «в толковой версии были использованы уже готовые, но отредактированные паримейные части» [20. С. 114]⁵. Т. Илиева, сопоставившая калькированную лексику в книге Иезекииль по рукописи F.I.461 с лексикой произведений, связанных с Преславской школой, приходит к выводу, что в книге Иезекииль имеются как кальки, известные по первым кирилло-мефодиевским переводам, так и кальки, создававшиеся преславскими книжниками: «Эта общая лексика ясно говорит о наличии в исследованном тексте определенного количества калек, известных еще по классическим древнеболгарским памятникам, созданных, вероятно, в процессе первых кирилло-мефодиевских переводов; свидетельствует о связи EzF.I.461 с Преславской книжной школой; показывает одинаковые тенденции и близость переводческой техники EzF.I.461 как с творческим наследием Солунских братьев, так и с переводными сочинениями Семионовской эпохи» [22]. Анализ лексики среднеболгарских списков книги Исход с точки зрения употребления более архаической и более новой лексики показывает довольно пеструю картину; в большинстве

⁵ Важные наблюдения об отношении рукописи F.I.461 к первоначальному переводу Мефодия приводит Л. Мошинский. Анализируя текст книг Двенадцати малых пророков и молитву пророка Ионы, находящуюся в новонайденной части Синайской псалтыри, он приходит к выводу, что «известные по Синайской псалтыри ветхозаветные стихи были включены в полный перевод Библии без изменения, так как различия в лексике, возникшие в процессе многократного копирования, как и переписывания других рукописей, сравнительно невелики». С другой стороны, он утверждает, что «не представляется правдоподобной гипотеза, согласно которой рассредоточенные в Паримейнике перикопы были без изменения включены в выполненные под руководством Мефодия полный перевод Библии. Скорее всего они были переведены заново вместе со всей Библией» [21. С. 415].

случаев, однако, кирилло-мефодиевские и преславские варианты употребляются как синонимы, и очень трудно говорить о преобладании одних или других форм [23]. Приходится согласиться с постулатом, упомянутым в свое время А.А. Алексеевым, что редакционную переработку текста бывает трудно, иногда даже невозможно отличить от нового перевода, и переводы, представляющиеся, на первый взгляд, вполне независимыми, «в действительности обычно связаны с более ранними переводами» [24]⁶.

Деятельность книжников Преславской школы письменности, продолживших дело свв. Солунских братьев, – новый этап обогащения старославянского лексического инвентаря. Выявление особой «преславской» лексики, т.е. старославянской лексики, характерной для узуса преславских книжников, было начато в трудах палеославистов еще конца XIX – начала XX в., особенно в трудах И.Е. Евсеева, А.В. Михайлова, В.А. Погорелова. Со второй половины XX в. это направление исследований интенсивно развивалось в трудах И. Добрева, Т. Славовой, И. Карачоровой, Д. Дункова и других ученых. Представляется, однако, что изучение лексического узуса преславских книжников должно быть продолжено. При этом мы исходим из положения, что термином «старославянский язык» (или «литературный древнеболгарский язык») определяется языковая система, хотя и переживавшая во время своего существования во второй половине IX – начале XI в. интенсивный процесс развития по мере выполнения новых переводов, но все же система единого языка (ср. [26. С. 25]). Следовательно, лексический узус преславских книжников должен как бы включать в себя лексический узус их предшественников, а употребление особой «преславской» лексики должно носить характер тенденции, а не жесткого нормативного регулирования.

В начале нами изучении лексики рукописей Ветхого Завета в сопоставлении с лексикой рукописей Нового Завета и других рукописей, входящих в «старославянский канон», мы пробуем применить метод исследования «от греческой лексемы к старославянской» (уже опробованный нами в ряде работ [27; 9]). Применение этого метода подразумевает, что анализ языкового материала начинается с определения подлежащей переводу греческой лексемы в греческих оригиналах старославяnskikh текстов (в нашем случае – греческого наименования лица), путь пополнения старославянского лексического инвентаря прослеживается по памятникам письменности, начиная от этой подлежащей переводу греческой лексемы, и выясняются обстоятельства вхождения в старославянский лексический инвентарь каждой переводящей ее славянской лексемы. Таким образом выявляются все изменения в «переводческих установках» славянских переводчиков и редакторов, а старославянская лексика дифференцируется в зависимости от этапов становления старославянского (литературного древнеболгарского) языка. В настоящее время применение этого метода обусловлено соответствующим сбором материала самими авторами, однако в будущем ему немало будет способствовать издающийся в Праге «Греческо-старославянский индекс» [28].

Как было замечено палеославистами еще в конце XIX в., в первых славянских переводах с греческого свв. Кирилл и Мефодий и их ученики стремились следовать принципу «определенной греческой лексеме соответствует определенная славянская лексема». Путь исследования номинации лиц «от греческой лексемы к старославянской» также в большинстве случаев показывает одинаковый перевод греческих наименований в рассматриваемых нами, с одной стороны, ветхозаветных текстах и, с другой стороны, новозаветных текстах и других текстах в рукописях «старославянского канона». Мы видим, что переводчики пользовались уже сформировавшимся лексическим инвентарем с закрепившимся соответствием греческих и старославяnskikh лексем. Такое положение вполне согласуется с

⁶История перевода книг Двенадцати малых пророков так, как она представляется на сегодняшний день, и группировка рукописей изложены в статье Я. Милтенова [25].

тем, что первоначальный четий перевод книг Ветхого Завета был сделан незадолго до смерти св. Мефодия (согласно свидетельствам исторических источников, скорее всего, в течение 884 г.), и, следовательно, старославянский лексический инвентарь был к этому времени разработан уже в достаточной мере. Тем более ко времени перевода толкований к услугам переводчиков был совершенно сложившийся старославянский лексический инвентарь. Показательно, например, использование лексемы **дѣлатель** в толковании на Иез 3,6 (231а 25 по F.I.461) для перевода греч. γεωργός ‘земледелец’ (в метафорическом употреблении). Слово **дѣлатель**, однокорневая лексема с продуктивным в старославянском языке суффиксом *-tel'(b)*, с широким значением ‘тот, кто делает что-либо; работник’ было создано, возможно, самими переводчиками Евангелия для передачи греч. ἐργάτης – слова со сходной морфемной и семантической структурой. Однако уже в тексте Евангелия-апракос оно использовалось и для перевода греч. γεωργός – двукорневого композита с более конкретным значением ‘земледелец’. Использовалось оно затем для перевода γεωργός и в Апостоле, и в Супрасльской рукописи [15. С. 63–65]. Как видим, несмотря на различие морфемных и семантических структур этих слов, соответствие γεωργός – **дѣлатель** оказалось достаточно устойчивым в старославянском лексическом инвентаре для передачи греч. γεωργός словом **дѣлатель** и в толковании на Иез 3,6.

Случаи перевода в ветхозаветных текстах уже укоренившимися в старославянском лексиконе лексемами «необычных» для них греческих соответствий (т.е. греческих соответствий, не известных для них по рукописям «старославянского канона») лишь подтверждают факт становления старославянского лексического инвентаря: очевидно, что переводчикам представлялось возможным пользоваться уже сложившимся лексиконом для передачи греческих наименований со значением, сходным с тем, что демонстрируют «обычные» для определенных старославянских лексем в рукописях «старославянского канона» греческие соответствия. В отношении использования таких закрепившихся в старославянском лексиконе слов из сферы обывденной лексики, заимствованной из народной славянской речи, интересен случай перевода в книге пророка Амоса греческого двукорневого композита ὁ αἰλόλος ‘козопас’ хорошо укоренившимся в старославянском лексическом инвентаре с самых первых переводов словом **пастырь** (Ам 7,14, 199а 29 по F.I.461) – при том, что словом **пастырь** во всех известных нам древних славянских текстах переводится греч. ποιῆν ‘пастух, пастырь (в прямом и переносном значении)’⁷. Неудивительно также, что такие случаи чаще встречаются в тексте толкований, чем в самом библейском тексте. Так, например, обычно слово **жжѣдъ**, начиная с текста Евангелия-апракос, в том числе и в Паримейнике (т.е. в кирилло-мефодиевских переводах), переводит греч. γείτον ‘сосед’ (И 9,8; Л 14,12; Пс 30,12; Пс 43,14; Исх 12,4 и др.). В тексте толкований на Иез 8,18 (242а 16 по F.I.461) мы встречаемся с использованием слова **жжѣдъ** для перевода наименования лица в виде субстантивно употребленного причастия ὁ γειτονεύων ‘сосед’. Также начиная с текста Евангелия-апракос в старославянский лексикон вошло слово **жжика** ‘родственник; родня’. Это слово, взятое, видимо, из народной славянской речи, употреблялось сначала для перевода префиксальных образований ὁ, ἡ συγγενής, ἡ συγγενίς (И 18,26; Л 1,36); в Паримейнике это слово переводит и субстантивно употребленное прил. ὁ οἰκείος (Ис 3,6). В тексте толкований на Иез 14,22 (252б 26 по F.I.461) слово **жжика** используется для перевода двукорневого композита ὁ ὀμόφυλος ‘одноплеменный, соплеменный’, т.е. слова с совершенно другой морфемной и семантической структурой. Или посмотрим, например, на употребление в тексте книги Исход слова **домашьнии**. Это слово,

⁷ По предположению В.А. Дыбо, высказанному в приватной беседе, этот случай может свидетельствовать о том, что у славян не было специального наименования для козопаса, так как они не пасли мелкий рогатый скот отдельно от крупного.

которое, вероятно, тоже можно отнести к народной речи, известно нам из текста Евангелия, где оно переводит греч. οἱ οἰκίαιοι ‘члены семьи; люди, живущие в доме’. В Исх. 16,16, однако, оно соответствует греч. ὁ συσκήνιος, которое имеет другую морфемную структуру. (Отражение последней видим в кальке **сѣхрѣльнѣнѣ**, древнейшее употребление которой находим в Новгородских минеях.)

Подобное употребление закрепившихся в старославянском лексическом инвентаре слов характерно и для сферы книжной лексики. Например, начиная с перевода Псалтыри (кирилло-мефодиевский перевод) в старославянском лексиконе прочно утвердилось соответствие ἄσεβής – **нечьстивъ(ыи)** (т. е. греческое прилагательное с отрицательным префиксом ἄ- – калькированное с него прилагательное с отрицательным префиксом не-). Как слово ἄσεβής в греческих текстах, так и слово **нечьстивъ(ыи)** в старославянских текстах употребляются и адъективно, и субстантивно, в последнем случае обозначая нечестивца, грешника (Пс 9,34; Пс 9,23; Пс 25,5 и мн. др.). В тексте толкований на Иез 1,3 (227а 2 по F.I.461) мы встречаемся с субстантивным употреблением прил. **нечьстивъ(ыи)** для перевода другого субстантивно употребленного греческого прилагательного, а именно ὁ δυσσεβής со сходным значением ‘грешник, безбожник’. Отметим при этом, что Супрасльская рукопись (входящая в «старославянский канон») дает нам пример передачи субстантивно употребленного ὁ δυσσεβής более точной его калькой **зълочьстивни** (в Житии Исакия, Супр 191,27–28), хотя в этой рукописи есть и два случая перевода прил. δυσσεβής словом **нечьстивыи** (Супр 146,29 и Супр 521,8–9). Еще пример. Слово **казатеѣ** ‘воспитатель, наставник’ было создано, возможно, самими переводчиками Апостола для перевода в стихе Евр 12,9 греч. παιδευτής, которому оно подобно по своей морфемной и семантической структуре [9. С. 170.]⁸. В толковании на Иез 3,26 (233б 2 по F.I.461) мы встречаемся с использованием слова **казатеѣ** для перевода греческого слова с другой морфемной и семантической структурой, а именно композита παιδοτρίβης – с несколько другим, но сходным значением ‘учитель гимнастики’ → ‘воспитатель, наставник’. Примеры можно умножать.

Вместе с тем переводчики толкований в своих переводческих приемах номинации лиц во многом продолжали традиции создания новых наименований способами, наметившимися в кирилло-мефодиевских переводах. Как мы уже отмечали в предыдущих работах, не менее половины наименований лиц в старославянском переводе Евангелия представляют собой субстантивно употребленные прилагательные и причастия, и эта черта старославянского перевода обусловлена влиянием греческого оригинала, особенностью его греческого языка [30; 12]. Перевод как самого библейского текста, так и толкований показывает продолжение этой традиции. Греческий язык ветхозаветного текста, особенно толкований, изобилует субстантивно употребленными причастиями, и в старославянском переводе мы видим не только уже знакомые по рукописям «старославянского канона» «устоявшиеся» примеры перевода их субстантивно употребленными причастиями, но и новые образования такого же рода, легко создаваемые переводчиками «по потребности»: ὁ ἀπολαύων ‘испытывающий наслаждение, удовольствие (человек)’ – **наслаждади сѣ** (толкование на Иез 12,20, 248б 5–6 по F.I.461 – ср. такое же соответствие в Клоц 8а 39–40, Супр 23, 24), ὁ ἀδικῶν ‘угнетающий, насилующий кого-л.’ – **вбидди** (Исх. 2, 13, ср. такое же соответствие в Синайской псалтыри в Пс 34,1); ὁ ἀνατρούμενος ‘уничтожаемый, подлежащий уничтожению (человек)’ – **избываеми** (толкование на Иез 11,13, 246а 6 по F.I.461 – при отсутствии ὁ ἀνατρούμενος в новозаветных текстах и греческих оригиналах других рукопи-

⁸ В Супрасльской рукописи **казатеѣ** используется и для перевода композита φωταγωγός со сходным значением ‘воспитатель, букв. проводник света’ (Супр 52,3), в Номоканоне – для перевода также и διδάσκαλος ‘учитель’ [29. Т. II. С. 3.].

сей «старославянского канона» и, следовательно, отсутствии необходимости его перевода) и многие другие.

Продолжается действие и отмечавшейся нами тенденции: греческие существительные и имена, употребляющиеся как в качестве существительных, так и в качестве прилагательных, переводятся существительными или субстантивно употребленными прилагательными; греческие субстантивно употребленные причастия переводятся субстантивно употребленными причастиями [9. С. 52–53.]. Например, со времени кирилло-мефодиевских переводов прочно установилось соответствие κριτής ‘судья’ – **с҃дди**. Такой перевод встречаем (при отсутствии других вариантов) 10 раз в Мариинском евангелии, трижды в Синайской псалтыри и т.д. В то же время субстантивно употребляемое причастие ὁ κρίνων с тем же значением ‘судья’ в кирилло-мефодиевских переводах передавалось субстантивно употребляемым причастием **с҃дди** (И 12,48; Пс 2,10; Пс 9,5; Пс 93,2). То же соотношение переводимых и переводящих лексем видим и в языке толкований: в толкованиях на 18 главу книги Иезекииля κριτής переведено как **с҃дди** (на Иез 18,8, 262а 30 по F.I.461), а ὁ κρίνων – как **с҃дди** (на Иез 18,18, 263а 8 по F.I.461). Или, например, в древнейших рукописях (в том числе отражающих кирилло-мефодиевские переводы) широко употребляется и слово **тѣть** ‘вор’, передающее греч. ὁ κλέπτης; такое же соответствие находим и в книге Исход в Исх. 22,2. Однако, в Исх. 22,7 встречаем форму **ч҃к҃р҃дди**, соответствующую греческому субстантивно употребленному причастию ὁ κλέψας.

Вместе с тем специального внимания заслуживают случаи перевода греческих наименований лиц, отличающиеся от известных нам по рукописям «старославянского канона», так как они могут указывать на особый узус преславских книжников. Приведем несколько примеров.

К приметам узуса преславских книжников можно, как кажется, уже надежно отнести перевод субстантивно употребляемого прилагательного ὁ δίκαιος ‘праведник’ не как **правѣдникъ** или **правѣдныи**, а как **правѣдыви**. В рукописях «старославянского канона» употребление прилагательного **правѣдывз(ыи)** в сравнении с употреблением прилагательного **правѣднъз(ыи)** очень ограничено: «Старославянский словарь» 1994 г. указывает у **правѣдывз(ыи)** 29 употреблений (адъективно и субстантивно), тогда как у **правѣднъз(ыи)** – более 100 употреблений (адъективно и субстантивно). При этом почти все случаи употребления прилагательного **правѣдывз(ыи)** (26 из 29) приходятся на Супрасльскую рукопись, части которой были либо переведены, либо в большей или меньшей мере отредактированы преславскими книжниками (см. [31; 32; 33] и др.). В пределах рукописей «старославянского канона», кроме употребления в Супрасльской рукописи, имеется лишь один случай употребления **правѣдывз(ыи)** в Синайском евхологии (Евх 60b 2) и один случай – в Л 2,25 в Ассеманиевом евангелии и Саввиной книге (при **правѣднъз(ыи)** в других кодексах). Характерны наблюдавшиеся нами ранее замены в тексте Апостола слов **правѣдникъ** и **правѣднъз(ыи)** на **правѣдывз(ыи)** в тех списках, где наблюдаются и другие следы редакционной правки преславских книжников [14. С. 264–265]. Характерна и замена сущ. **правѣдникъ** (так во всех старославянских кодексах) на **правѣдыви** при цитации стиха Мт 27,19 в Супрасльской рукописи (Супр 434,7). В обследованных нами ветхозаветных книгах Двенадцати малых пророков с толкованиями и книги Иезекииля с толкованиями по рукописи F.I.461 преобладает употребление прилагательного **правѣдывз(ыи)** – как в тексте толкований, так и в самом библейском тексте, причем как адъективно, так и для номинации лица. Для книги Иезекииля Т. Илиева указывает 38 употреблений (адъективных и субстантивных) лексемы **правѣдывз(ыи)** при 11 употреблениях лексемы **правѣднъз(ыи)** [8. С. 341–342] (при неупотребительности вообще суффиксального существительного **правѣдникъ** для номинации праведника). В книгах Двенадцати малых пророков также преобладает употребление прилагательного **правѣдывз(ыи)**: субстантивно, для номинации праведника, **правѣдывз(ыи)** употреблено дважды в

толкованиях (на Ион 1,16 и на Мих 3,12) и дважды в самом библейском тексте (Ам 5,12 и Авв 2,4); адъективно **правьднѣз(ыи)** употреблено пять раз в толкованиях (на Ам 3,8, на Ам 5,25, на Ам 7,6, на Авв 3,2, на Мих 6,10), в начале к книге пророка Авдия (222а 11 по F.I.461) и дважды в самом библейском тексте (Иоиил 3,19; Ион 1,14). Слово **правьднѣз(ыи)** употребляется только адъективно: дважды в самом ветхозаветном тексте (Зах 9,9 и Мал 4,2), в толкованиях на книгу пророка Аввакума (Авв 3,17) и в начале к книге пророка Наума (216б 6 по F.I.461). Трижды встречается здесь для номинации праведника и употребление существительного **правьдникѣ** (Ам 5,21, Мал 3,18 и Житие пророка Иоила). В греческом тексте книги Исход наименование лица $\acute{\omicron}$ $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\omicron\varsigma$ ‘праведник’ встретилось лишь однажды (Исх 23,7), и в этом случае находим его перевод тоже как **правьднѣз**.

Неоднократно отмечали мы случаи замены поздних списка слова первоначального перевода на народное как инновацию более поздних списков [34; 10. С. 37]. Возможно, использование народных слов для перевода греческих в тех случаях, когда кирилло-мефодиевский перевод демонстрировал создание книжного слова, тоже следует отнести к характерным чертам лексического узуса преславских книжников. Типичный пример такого «другого» перевода словом народной речи представляет собой перевод субстантивно употребляемого прилагательного $\acute{\alpha}\delta\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ ‘несправедливый, неправедный человек’ как **кривьини**, однако пока не ясно, указывает ли он на узус преславских книжников. Кирилло-мефодиевский перевод $\acute{\alpha}\delta\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ – перевод калькированными лексемами, а именно существительным **неправьдникѣ** (Лі 18,11; 1Пет 3,18; 2Пет 2,9) или субстантивно употребляемым прилагательным **неправьдныи** (Мт 5,45; 1Кор 6,1; 1Кор 6,9), причем по спискам наблюдается вариативность употребления этих наименований лица [9. С. 79, 186–187]. В Толстовском списке Апостола, отражающем другие следы редакционной правки преславских книжников, встречаемся с заменой **неправьдныи** на **неправьдыви** [9. С. 186]. С таким же калькированным наименованием лица «в преславской модификации» **неправьдыви**, переводящим субстантивно употребляемое прилагательное $\acute{\alpha}\delta\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$, встречаемся и в книге пророка Иезекииля – как в толкованиях (на Иез 14,4, 251а 16 по F.I.461), так и в самом библейском тексте (Иез 21,3, 299б 26 по F.I.461). Однако в книге Исход $\acute{\alpha}\delta\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ ‘несправедливый, неправедный человек’ переводится как **кривьини** (Исх 23,1) – при отсутствии разночтений в обследованных списках. С субстантивным использованием прилагательного **кривьини** для номинации неправедного человека встречаемся и в толкованиях на книгу пророка Михея (на Мих 3,12, 211б 19 по F.I.461), хотя не ясно, какое греческое слово оно переводит, так как известный нам греческий текст толкований в этом месте не совпадает со старославянским переводом [35. S. 1757–1760]. Интересно, что в толкованиях на книгу Михея (на Мих 3,12, 211б 19 по F.I.461 и на Мих 7,1, 214б 21 по F.I.461), а также и в Исх 22,9, употребляется и однокоренное сущ. **кривина** – для номинации понятия неправедности, несправедливости. Вместе с тем круг рукописей, в которых Пражский словарь фиксирует слова с этим корнем, вряд ли указывает на лексический узус преславских книжников [29. Т. II. С. 63–64]. Интересен в этом плане и перевод в книге Исход субстантивно употребляемого прилагательного $\acute{\alpha}\theta\acute{\eta}\omicron\varsigma$ ‘невинный’ как **чистыи** (Исх 23,7), в то время как в Синайской псалтыри перевод осуществлен путем калькирования, а именно словом **неповинныи** (Пс 9,29; Пс 14,4).

Возможно, лексическому узусу преславских книжников обязан уникальный перевод $\acute{\alpha}\sigma\epsilon\beta\eta\acute{\iota}\varsigma$ в библейском тексте книги пророка Иезекииля (Иез 20,38, 268б 9 по F.I.461) как **вещьныи**, т.е. субстантивно употребленным для номинации лица прилагательным, образованным от сущ. **вещь** в предполагаемом нами значении ‘материя, относящаяся к материальному миру’⁹ с суффиксом *-iv-*, знаменующим

⁹Ср. другое образованное от него прил. **вещьныи** со значением ‘материальный, присущий материи’ – перевод греч. $\epsilon\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, зафиксированный в Супр 272,27.

словообразовательные предпочтения преславских книжников [14. С. 264–265]. Как уже отмечалось в данной статье выше, в кирилло-мефодиевских переводах прочно утвердилось соответствие ἄσβεβής – **нечьствивъ(ли)**. Пока нельзя утверждать с абсолютной точностью (так как поиски лексемы **вещивын** в обширном славянском письменном наследии должны быть продолжены), но скорее всего перевод в библейском тексте ἄσβεβής – **вещивын** обязан своим появлением либо редакционными правками преславскими книжниками, либо новому переводу.

Интересен в этом отношении и отмеченный Т. Илиевой среди других редких слов, встречающихся в книге пророка Иезекииля, перевод греческого субстантивно употребляемого причастия ὀφείλων как **сдльжъ** [36. С. 218]. Возможно только, что существительное **сдльжъ** мотивировано не предложно-падежным словосочетанием **съ дльгомъ**, как считает Т. Илиева, а представляет собой отглагольное образование с нулевым суффиксом от глагола ***сдльжати**, не найденного пока нами в письменных памятниках, но от которого должно быть также образовано указанное Ф. Миклошичем существительное **сдльжаникъ** [37. S. 921]¹⁰. При том, что кирилло-мефодиевский перевод греч. ὀφείλων – **дльженикъ** (Л 11,4), перевод ὀφείλων – **сдльжъ** можно, видимо, считать преславским вариантом – тем более, что такие отглагольные существительные с нулевым суффиксом были употребительны в языке Иоанна Экзарха Болгарского, одного из самых видных представителей Преславской школы письменности.

Итак, древнейшие славянские рукописи Ветхого Завета имеют исключительно богатый лексический инвентарь, который пока не изучен достаточно хорошо. Наблюдения над лексическими особенностями нескольких ветхозаветных книг в сопоставлении с лексикой рукописей «старославянского канона» показывают, что славянские списки Ветхого Завета содержат как архаичные черты, присущие первоначальным кирилло-мефодиевским переводам, так и лексемы, принадлежащие более позднему преславскому переводу или редактированию. Изучение лексико ветхозаветных книг при помощи применяемого нами метода «от греческой лексемы к старославянской» позволяет сделать выводы о становлении старославянского лексического инвентаря, о переводческих установках древних книжников, об употреблении слов народной славянской речи, о способах создания новой книжной лексики, о лексических инновациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
2. *Цейтлин Р.М.* Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986.
3. *Pilát Š.* Cyrilometodějský překlad apoštola a jeho další vývoj v slovanské rukopisné tradici // Cyrilometodějská misie a Evropa – 1150 let od příchodu soluňských bratří na Velkou Moravu (в печати).
4. *Николова С.* Въведение // Старобългарският превод на Стария завет / Под ред. С. Николова. София, 1998. Т. 1.
5. *Желязкова В.* Орфографические и фонетические особенности книги Исход по рукописи № 3 из собрания Е. Барсова в Государственном историческом музее в Москве // Jews and Slavs. Jerusalem; Sofis, 2005. Vol. 15. Judaeo-Bulgarica, Judaeo-Russica et Palaeoslavica.
6. *Ефимова В.С.* О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке // Славяноведение. 1999. № 2.
7. *Ефимова В.С.* Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М., 2002.

¹⁰ Встречающееся в рукописях наименование лица **сдльжъ** с тем же значением [38. Вып. 28. С. 271] может быть или модификацией слова **сдльжъ**, или независимым от него сложением приименной приставки **сж-** с предполагаемым именем ***дльжъ** (что представляется нам менее вероятным). Также и наименование лица с тем же значением **сдльженикъ** [37. S. 976; 38. Вып. 28. С. 271] может быть и образованием с суффиксом **-никъ(ь)** от глагола ***сдльжати**, и сложением приименной приставки **сж-** со словом **дльженикъ** (что тоже представляется нам менее вероятным).

8. *Илиева Т.* Старобългарски-гръцки словоуказател към книгата на пророк Иезекиил: Старобългарският превод на Стария завет / Под ред. С. Николова. София, 2013. Т. 3.
9. *Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
10. *Ефимова В.С.* О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов) // Славянский альманах 2012. М., 2013.
11. *Ефимова В.С.* Как создавался первый литературный язык славян // Родина. 2013. № 5.
12. *Ефимова В.С.* Некоторые наблюдения над номинацией лиц в старославянском евангельском тексте (на материале древнейших кодексов) // Язык Библии: лингвотекстологические исследования. М.; СПб., 2012.
13. *Popowski R.* Struktura semantyczna neologizmów w listach św. Pawła z Tarsu // Rozprawy Wydziału Historyczno-Filologicznego. T-wo naukowe Katolickiego Un-tu Lubelskiego. 4. Lublin, 1978. № 43. Studia Hellenskie.
14. *Ефимова В.С.* К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.
15. *Михайлов А.В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. 1. Паримейный текст. Варшава, 1912.
16. *Евсеев И.Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
17. *Славова Т.* Следы от Методиев превод на библейската книга Битие // Palaeobulgarica. XIX. 1995. № 4.
18. Книга на пророк Иезекиил / Изданието е подготвено от Л. Тасева и М. Йовчева. Подбор на гръцкия текст Т. Илиева. София, 2003 (= Старобългарският превод на Стария Завет. Т. 2).
19. *Тасева Л., Йовчева М.* Преводачески особености в Книга на пророк Иезекиил по ръкопис F.I.461 от Руската национална библиотека // Palaeobulgarica. XIX. 1995. № 4.
20. *Славова Т.* Първо издание на Книгата на пророк Иезекиил в средновековна славянска версия // Palaeobulgarica. XXVIII. 2004. № 3.
21. *Moszyński L.* Problem autorstwa staro-cerkiewno-słowiańskiego przekładu tzw. «proroków mniejszych» w świetle leksyki // Slavia. 2001. Roč 70. Seš 3–4.
22. *Илиева Т.* Поморфемният принцип на превеждане в EzF.I.461 // Lettera et lingua, пролет – лято 2013. Електронно списание за хуманитаристика, <http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2013/1-2/ilievat>.
23. *Желязкова В.* Наблюдения върху лексиката на среднобългарските преписи на Книга Изход // Преславска книжовна школа. Шумен, 2006. Т. 9.
24. *Алексеев А.А.* Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы. (Переводы св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 125.
25. *Милтенов Я.* Текстологически наблюдения върху старозаветните книги на Дванадесетте малки пророци с тълкувания // Язык Библии: лингвотекстологические исследования. М.; СПб., 2012.
26. *Иванова-Мирчева Д.* Въпроси на българския книжовен език до Възраждането IX–X до XVIII век. София, 1987.
27. *Ефимова В.С.* Лексический критерий в истории изучения памятников древнеславянской письменности и новые возможности его применения // Славянский альманах 2010. М., 2011.
28. *Řecko-staroslověnský index.* Praha, 2008. Т. 1–.
29. *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1958–1997. Т. I–IV.
30. *Ефимова В.С.* К проблеме выявления факторов, влиявших на выбор способа номинации в древнейших славянских переводах // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012.
31. *Благова Э.* Лексика Супрасьельской рукописи и лексика Иоанна Ексарха // Проучвания върху Супрасьельския сборник – старобългарския паметник от X век. София, 1980.
32. *Дунков Д.* Супрасьельският сборник и етапите в развитието на преславската редакция на старобългарските книги // Език и литература. София, 1985. № 5.
33. *Дунков Д.* Библейските цитати в старобългарската книжнина. 1 // Die slawischen Sprachen. Salzburg, 1995. Bd. 43.
34. *Ефимова В.С.* К вопросу о путях формирования старославянского лексического инвентаря // Преславска книжовна школа (в печати).
35. *Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1864. Т. 81.
36. *Илиева Т.* Редки думи в старобългарския превод на книгата на пророк Йезекиил // Преславска книжовна школа. Шумен, 2008. Т. 10.
37. *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-greco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
38. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 2008.

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Славяноведение, № 4

© 2014 г. О.В. СОКОЛОВСКАЯ

БОЛЬШИЕ АМБИЦИИ МАЛЕНЬКОЙ ГРЕЦИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Статья посвящена политической борьбе в Греции между сторонниками премьера Э. Венизелоса и короля Константина по вопросу о вступлении в Первую мировую войну на стороне Антанты или сохранении нейтралитета, выгодного Германии, что привело к расколу страны. К 1918 г. Греция оказалась в стане победителей.

The article is devoted to political struggle in Greece between Prime-Minister Eleftherios Venizelos and King Constantine on the question of whether to support Serbia and enter World War One taking the part of Entente powers, or to remain neutral in benefit of Germany. As a result, the country split. By 1918, Greece was already in the camp of the winners

Ключевые слова: История Греции, Первая мировая война, венизеллисты, роялисты, Мегали идея.

Накануне Первой мировой войны Грецию «захлестнула волна национальной гордости от того, что теперь она может стоять наравне с другими европейскими державами» [1. Р. 14]. Не удивительно, так как по Бухарестскому и Афинскому мирным договорам с Болгарией (от 10 августа 1913 г.) и Турцией (от 14 ноября 1913 г.), завершивших Балканские войны, королевство получило богатые области Южной Македонии, включая крупный морской порт Салоники, часть Западной Фракии с портом Кавалой, города Янину, Драму и Серры, остров Крит и большинство островов Эгейского моря. Территория и население увеличились вдвое по сравнению с 1907 г. – до 120 тыс. кв. км, на которых теперь проживали около 5 млн человек [2. С. 8–9; 3. Р. 193; 4. Р. 201]. Значительно вырос торговый флот Греции, занимавший по объему тоннажа 11 место в мире. Под греческим флагом плавало 884 парусных судна и 475 пароходов, которые можно было встретить во всех уголках земного шара, улучшились железнодорожное и шоссейное сообщение, усилился прилив иностранного капитала. При этом Греция находилась в зависимости от западных кредиторов, принадлежавших как к Антанте (Франции, Англии), так и к Центральному блоку (Австро-Венгрии и Германии).

Ни Бухарестский, ни Афинский договоры не разрешили противоречий между балканскими государствами. 215 тыс. греков по-прежнему оставались на территории других балканских государств. Греко-болгарская граница, протянувшаяся

Соколовская Ольга Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

на сотни километров, была плохо разграничена и слабо защищена. Болгары, по выражению короля Фердинанда, лишь ожидали наступления «лучших времен», чтобы возвратить себе потерянные земли. Австро-Венгрия и Германия разжигали реваншистские настроения в Болгарии в отношении Греции и Сербии. В результате в Македонии не прекращались беспорядки, чинимые греческими и болгарскими вооруженными отрядами, которые действовали при неофициальной поддержке своих правительств. Греция отказывалась вывести войска из Южной Албании («Северного Эпира»), хотя в июле 1914 г. под нажимом Англии и Франции официально одобрила албано-эпирское соглашение.

Еще более острыми были греко-турецкие противоречия. Греческое население Малой Азии, снабженное контрабандным путем оружием, готово было в случае высадки греческих войск на малоазиатском побережье присоединиться к ним [5. Ф. Генмор. Оп. 1. Т. 3. Д. 4371. Л. 310, 311]. Державы Антанты пытались не допустить греко-турецкого конфликта, не только опасаясь закрытия Дарданелл, что нанесло бы ущерб их торговле, а также присоединения в этом случае Османской империи к Германии. Англия потребовала от Греции уступок и призвала обе державы сесть за стол переговоров. Вечером 21 июля 1914 г. премьер Венизелос выехал на переговоры в Брюссель, однако вспыхнувшая австро-сербская война помешала его встрече с турками.

Вернувшись в Афины, премьер обсудил с членами правительства и королем вопрос о помощи Сербии в соответствии с обязательствами по греко-сербскому союзному договору и военной конвенции от 1 июня 1913 г. Договор содержал много лазеек для сохранения Грецией нейтралитета и король легко убедил Венизелоса отказаться от военного вмешательства, боясь, что это могло бы привести к сговору Болгарии с Турцией для пересмотра Бухарестского мира [6. Т. V. С. 345; 7. P. 73; 8. Σ. 15–16]. Греция согласилась помогать Сербии любыми путями за исключением военного [6. С. 77, 157, 162; 9. Ф. Канцелярия. 1914. Д. 28. Л. 16]. Так, свободная зона в Салониках, выделенная Сербии по греко-сербскому торговому соглашению от 6 апреля 1914 г стала путем снабжения Сербии военным снаряжением и провиантом.

Хотя политику нейтралитета поддержали все правящие круги Греции, в стране с самого начала определилось два лагеря: проантантовский, который возглавил Э. Венизелос, глава либеральной партии, и прогерманский во главе с Константином I, получившим военное образование в Германии, женатом на сестре кайзера Вильгельма II Софии. Венизелос, который был «панэллинистом из самых крайних», пользовался огромной популярностью в широких слоях греческого общества. Население присоединенных к Греции в 1913 г. территорий называло его «великим освободителем греков» [10. P. VII, 129]. На него возлагали надежды националистически настроенные круги греческой буржуазии, видевшие «в победе Антанты открытые дороги к Константинополю и Малой Азии» [11. Σ. 90]. Вокруг короля Константина I, который был главнокомандующим вооруженными силами в двух победоносных Балканских войнах, сгруппировались политические и военные деятели Греции – министр иностранных дел Г. Стрейт, Д. Гунарис, Г. Теотокис, начальник генштаба генерал В. Дусманис, полковник И. Метаксас и другие, связанные с Центральными державами и убежденные в неизбежной победе германского милитаризма. Эти убеждения поддерживал и развивал германский посланник в Афинах Л. Квадт. В группировке центральных империй они видели единый монархический фронт, победа которого была бы и их победой [11. Σ. 80]. Греческий король считал основной целью политики сохранение завоеваний, сделанных в Балканских войнах, укрепление армии и возможное вступление в войну позже, когда победа Германии станет очевидной. Он писал Вильгельму II, что греческий нейтралитет в условиях господства англо-французского флота в Средиземноморье может быть полезен Германии и заверял кайзера, что Греция не тронет никого из своих соседей – Турцию и Болгарию – которые являются дру-

зьями Германии. Греческий монарх и его сторонники выдвинули программу создания «Малой Греции», означавшую расширение Греции на север (в частности, получение Южной Албании).

Уже 6 августа 1914 г. премьер-министр призвал правительство изменить первоначальное решение и присоединиться к Антанте. «Мы не должны ждать, – сказал он, – когда державы Антанты пригласят нас вступить в войну, мы должны просить их об этом» [2. С. 26]. Роялисты с возмущением встретили выступление премьер-министра и продолжали настаивать на политике абсолютного нейтралитета. Такой шаг Венизелоса был вызван, по его словам, тревожными донесениями дипломатических и военных агентов из Стамбула и Софии, в которых говорилось об ускоренной подготовке Турции к войне, о мобилизации двух болгарских дивизий в Македонии, а также о болгаро-турецких переговорах, на которых, по-видимому, было достигнуто какое-то соглашение. 18 августа он сделал посланникам держав Антанты официальное заявление, в котором говорилось, что место Греции – на стороне держав Антанты. Венизелос обещал выставить 250 тыс. солдат, предоставить в распоряжение Антанты весь свой флот и порты [12. Р. 43]. Вместе с тем, он просил державы Антанты предоставить Греции гарантию от болгарского нападения [13. С. 24; 7. Р. 70; 6. Т. VI. Ч. 1. С. 121; 14. Р. 100; 15. Р. 100].

«Предложение Греции, – позже написал в мемуарах министр иностранных дел Великобритании Э. Грей, – до вступления Турции в войну ставило нас в очень трудное положение и [...] могло оказаться роковым для дела союзников». Греции посоветовали оставаться нейтральной, пока Турция не нарушила своего нейтралитета [2. С. 30]. 29 октября 1914 г. Россия, Франция и Англия объявили войну Турции. В соответствии с политикой доброжелательного нейтралитета по отношению к державам Антанты 30 октября 1914 г. греческий премьер информировал их о том, что «в силу нового положения [...] Греция предоставляет свои силы в распоряжение держав Тройственного согласия и с их стороны ожидает распоряжений. Сама же Греция не думает приступать к мобилизации, пока Болгария не приступит к мобилизации или к выступлению» [6. Т. VI. Ч. 1. С. 451; 12. Р. 50]. В ответ на запрос германского посланника 4 ноября 1914 г. о возможном выступлении Греции против Турции Э. Венизелос ответил, что пока Греция останется нейтральной, но «так как у нее много неоконченных счетов с Турцией, то за будущее он ручаться не может» [5. Ф. Генмор. Д. 3432. Л. 35].

Еще в августе 1914 г. У. Черчилль во главе группы туркофобских деятелей приступил к разработке плана Дарданелльской операции. В феврале 1915 г., когда русская Ставка перенесла военные действия на территорию Турции, англичане поторопились с началом Дарданелльской операции, которая «давала возможность диктовать условия в Константинополе» [16. Р. 94]. В этой операции важная роль отводилась греческим легким судам, построенным в Англии накануне войны. Венизелос, считая, что «час пробил для вступления Греции в войну», сообщил английскому посланнику в Афинах Ф. Эллиоту о намерении послать на Галлиполи три греческие дивизии, прося не сообщать об этом союзникам. Г. Асквит, Э. Грей и У. Черчилль были удовлетворены этим предложением, но указывали на желательность участия как армии, так и флота. Венизелос безуспешно уговаривал короля примкнуть к державам Тройственного согласия: Метаксас и король отказались, угрожая ему отставкой [17. Р. 20; 1. Р. 35, 36; 18. Σ. 407–413]. Кайзер Вильгельм предостерег короля «от шага, который [...] может лишить Грецию завоеваний, сделанных в последних войнах, а короля – трона». Устно Константинопу было сообщено, что Болгария не нападет на Грецию до тех пор, пока последняя не нарушит нейтралитет [19. Р. 222, 223; 12. Р. 130]. Король, заручившись моральной поддержкой Вильгельма, отказался одобрить политику своего премьера, и отправил его в отставку [9. Ф. Политархив. 1915. Д. 338. Л. 46; Ф. Канцелярия. 1915. Д. 100. Т. 1. Л. 47; 1. Р. 262, 263]. Новое прогерманское правительство

Д. Гунариса, не отреагировало на высадку союзных войск в Галлиполи, начавшуюся 25 апреля 1915 г.

Неудачи Антанты на фронтах (в том числе, провал Дарданелльской и Галлипольской операций) укрепляли веру греческого двора и Генштаба в победу центральных держав, а также в то, что Болгария выступит заодно с Турцией и Германией [20. С. 7; 9. Ф. Канцелярия. 1915. Д. 100. Т. 1. Л. 180]. В беседах с посланниками Антанты Константин I не стеснялся более высказывать германофильские убеждения и желание сохранять нейтралитет. Многие бывшие сторонники Венизелоса перешли в лагерь нейтралитетов, а предвыборная кампания летом 1915 г. прошла под девизом: «Венизелос должен вернуться к власти, но Греция не вмешается в войну» [21. Ф. Обзоры печати. Д. 357, 193; 22. С. 24]. В Афинах была создана антивенизелитская военная лига с официальной целью защиты короля, которой предписывалось организовать покушение на Венизелоса. Константин всеми силами стремился оттянуть его возвращение к власти и оказать эффективную помощь Германии. Центральные державы использовали греческое побережье, Ионические острова в качестве баз снабжения подводных лодок, постов беспроволочного телеграфа и проч. Было обнаружено, например, что греческий пароход «Хиос» возит контрабанду из Румынии в Константинополь [5. Ф. Генмор. Д. 2969. Л. 38]. В Греции совершались всевозможные сделки агентами из Австрии и Германии, а порты являлись удобными транзитными пунктами для перевозок их различных товаров и материалов, причем на греческих судах. Тайная помощь Греции в это время была для Германии полезней, чем ее открытое выступление на стороне центральных держав.

В августе Венизелос вновь стал председателем Кабинета министров и министром иностранных дел, однако его оппоненты не дремали: Генштаб требовал отзыва английской военно-морской миссии (срок пребывания которой истекал в сентябре); в печати восхвалялась доблесть германского императора Вильгельма II, а на улицах появились портреты кайзера, в книжных лавках – многочисленная литература о нем. В Греции создавалась атмосфера недоверия к державам Антанты и поборнику курса на союз с ними – Венизелосу. Бывший греческий посланник в России И. Драгумис, симпатизировавший политике короля, записал в дневнике в июне 1915 г.: «Венизелос – бесконечно эгоистичный человек, который ради своих интересов готов утопить целую нацию в крови» [23. С. 101].

После подписания болгаро-турецкого соглашения и союзного договора между Болгарией, Германией и Австро-Венгрией в сентябре 1915 г. позиции Центральных держав значительно усилились. После мобилизации болгарской армии греческий король также подписал декрет о мобилизации греческой армии, взяв курс на *вооруженный нейтралитет*.

23 сентября 1915 г. Дарданелльская комиссия одобрила в принципе решение об открытии фронта в Салониках для помощи Сербии. По просьбе Венизелоса Лондон сделал официальное сообщение, что английские войска отправляются в Грецию для защиты Бухарестского мира. 5 октября английские, сербские и французские войска высадились в Салониках, а за два часа до этого король Константин уволил Венизелоса в отставку, телеграфируя Вильгельму: «Я избавился от Венизелоса!» [6. Т. VIII. Ч. 2. С. 468; 20. С. 15; 12. Р. 244]. Расчеты Сербии и держав Антанты на привлечение Греции на свою сторону рухнули. Греция заняла позицию неприсоединения ни к одной из воюющих коалиций и рассматривала присутствие войск Антанты на своей территории как гарантию от нападения Болгарии. Новый греческий премьер-министр А. Заимис официально отказал в помощи Сербии, ссылаясь на то, что при заключении греко-сербского договора 1913 г. Э. Венизелосом было оговорено, что этот союз не направлен против Австро-Венгрии [6. Сер. III. Т. VIII. Ч. 2. С. 447, 453]. Последней попыткой привлечь Грецию было предложение Англии, сделанное 20 октября, передать Греции Кипр, а также болгарскую Фракию. Но все было тщетно, и уже 25 октября Англия дезавуировала

предложение [12. Р. 252; 9. Ф. Секретный архив. Д. 510/530а. Л. 3]. Греческое правительство осталось равнодушным и к начавшимся в ночь с 13 на 14 октября военным действиям Болгарии против Сербии. Обстановка на Балканах складывалась в пользу Центрального блока, которому удалось, нейтрализовав Грецию и Румынию, привлечь на свою сторону Болгарию. Сербия была оставлена союзниками на произвол судьбы. Первоначальная цель высадки англо-французского десанта в Греции достигнута не была, и перед союзниками встала задача решить дальнейшую судьбу Салоникского экспедиционного корпуса.

Предложение Англии об эвакуации союзнических сил, на чем особенно настаивали военный министр Китченер (который во время поездки в Грецию получил заверения Константина I, что Греция не начнет военных действий против союзных сил или Сербии), Асквит, Грей, Бальфур и некоторые другие, вызвало резкий отпор со стороны военных и государственных руководителей Франции и России, считавших необходимым не только оставить войска в Салониках, но и увеличить их численность, чтобы поддержать пошатнувшийся престиж Антанты на Балканах. На Парижской конференции союзников 10 декабря 1915 г. было принято решение об укреплении обороны на Салоникском плацдарме [24. Р. 304; 16. Р. 232–234; 25. Р. 454, 455]. Еще в ноябре союзники заверили короля, что оккупация греческих территорий носит временный характер, а ущерб будет компенсирован [9. Ф. Секретный архив. Д. 510/530а. Л. 3]. В связи с этим встала задача удалить «опасную занозу», которой, по выражению Ллойда Джорджа, была непокорная Греция в тылу союзнических сил, хотя конечной целью дипломатии стран Антанты было привлечение ее на свою сторону.

В декабре 1915 г. главнокомандующий союзными силами на Салоникском фронте генерал М. Саррайль заявил греческому правительству, что союзниками будут предприняты меры по укреплению обороны Салоник, а также предъявил требование об отводе греческих войск из города. В свою очередь, союзники на случай нарушения греческой границы Германией обещали не покидать Салоник, но и не воевать на территории Греции без ее согласия. Однако, греческое правительство, надеясь дожидаться прихода германо-болгарских сил, чинило различные препятствия Саррайлю: разоружило отступавшие на греческую территорию сербские войска, распорядилось, якобы для нужд греческой армии, угнать в Серры 70 вагонов, которые использовались союзниками для перевозки войск. Франция, Англия и Италия в качестве ответных мер строго ограничили греческий импорт и сократили экспорт, задерживали в своих портах большую часть греческих пароходов [9. Ф. Политархив. 1915. Д. 4261. Л. 52]. 31 декабря французы разрушили все мосты от Килиндра до Демир-Хиссара на железнодорожной линии Салоники – Дедеагач, чем вызвали возмущение в Греции, так как отрезанные от Салоник гарнизоны Серр и Драмы остались без провианта.

10 января 1916 г. началась высадка новых англо-французских войск в Салониках. Союзники, особенно французы, не считались с греческими властями, и все приказы издавались в их штабах; они прервали телеграфное сообщение Греции с внешним миром. Англо-французские войска заняли Халкидикский полуостров, большую часть Македонии, а также распорядились на островах Лемнос, Лесбос, Самофракия, Аргостоли, Кефалония, Имброс, на Крите. 15 января французы высадились на острове Корфу, заняв под казармы замок Ахиллейон, собственность германского императора. Во Франции и Англии сторонники радикальных мер предлагали даже убрать короля в целях привлечения греческой армии на сторону союзников. В. Эрскин, английский консул в Афинах, предложил послать эскадру в Пирей «в нужный момент» [26. Р. 204].

Изменение военной обстановки на фронтах в пользу Антанты в феврале 1916 г. побудило принца Николая «сгладить» неприятное впечатление от прогерманских выступлений своего брата-короля, в интервью газете «Temps». Он заявил, что Греция будет приветствовать сближение с державами Согласия. В феврале 1916 г.

в Париже состоялся съезд греков-эмигрантов, осудивший внешнюю политику короля.

Другой причиной заигрывания с державами Антанты стал финансовый кризис: армия голодала, что вызывало всеобщее недовольство мобилизацией. Смелое предложение министра финансов И. Драгумиса обложить налогами судовладельцев, непомерно разбогатевших за время войны, стоило ему поста. В марте 1916 г. премьер-министр С. Скулудис обратился к правительствам Англии и Франции с просьбой предоставить Греции заем в 150 млн франков на любых условиях, угрожая демобилизацией. Греции пообещали денег.

Венизелос на страницах своей газеты «Κήρυξ» последовательно доказывал преимущества вступления Греции в войну на стороне Антанты [9. Ф. Политархив. 1915. Д. 466. Л. 528; 1916. Д. 340. Л. 25, 46]. Король по-прежнему заявлял, что он скорее «рискнет трон и жизнью, чем примет политику Венизелоса» [9. Ф. Политархив. 1916. Д. 3815. Л. 138; 27. 1916. 17 VI; 28. 1916. 22 V], а в мае сдал наступавшим болгарским войскам форт Рупель, являвшийся «ключом от обороны греческой Македонии» [9. Ф. Политархив. 1916. Д. 3818б. Л. 53, 127; Д. 3818. Л. 66]. Королю пришлось оправдываться, что он действовал в рамках «нейтралитета» – предоставления одинаковых прав обеим воюющим сторонам.

Позиция, занятая королем, осложняла положение англо-французских войск в Салониках. С целью «привести короля в чувство» [12. Р. 370] французское правительство предложило также создать правительство в Салониках во главе с Венизелосом, которое, организовав добровольческие отряды, окажет союзникам помощь в наступлении против болгаро-германских сил. Сарраиль объявил осадное положение в Салониках, войска союзников заняли здания префектуры, почты, телеграфа, таможни [29. Р. 115, 116]. 7 июня была установлена частичная блокада греческого побережья и державы приступили к установлению контроля над внутренним управлением страны.

В конце июня в связи с началом крупной операции русских войск на Юго-Западном фронте, ослаблением натиска германцев под Верденом и началом операции англо-французских сил на Сомме, а также после решения Румынии присоединиться к Антанте. Англия дала согласие начать наступательные операции из района Салоник. Начавшееся 17 августа 1916 г. наступление германо-болгарских войск, ожидавшееся позднее, создало критическое положение на Салоникском фронте и по сведениям разведки имело целью установление немецкого господства в Греции. Деятельность греческого Генерального штаба (устройство складов оружия, взрывчатки, посылка вагонов навстречу германо-болгарским войскам и т.д.) свидетельствовала о содействии и искреннем сочувствии роялистов делу Германии. 18 сентября Антанта установила блокаду греческого побережья Эгейского моря. Венизелос отбыл 8 октября на Крит, где 9 октября сформировал временное правительство и обратился с «Воззванием к эллинскому народу и королю». Он призвал Константина встать во главе национального движения, сохранив единство страны и присоединиться к Антанте, угрожая, в ином случае, «прибегнуть к революционным средствам» [9. Ф. Политархив. 1916. Д. 340. Л. 175]. Однако Константин не откликнулся и старался «удержать политический курс Греции в [...] старой колее» [9. Ф. Политархив. 1916. Д. 341. Л. 32]. Все это означало раскол страны на две части – на Старую и Новую Грецию. Центром временного правительства Венизелоса вскоре стали Салоники, где находились англо-французские войска. В городе был создан Комитет национальной обороны, к которому постепенно стали присоединяться отдельные части греческой армии и добровольцы, увлеченные националистической пропагандой возрождения Великой Греции со столицей в Константинополе. Вскоре силы «национальной обороны» насчитывали 20 тыс. солдат и 700 офицеров [9. 1916. Л. 87–90; 12. Р. 419].

В военных кругах России с осени 1916 г. крепло убеждение в необходимости радикального разрешения греческой проблемы: поддержке Венизелоса и свер-

жения Константина I. Однако царская дипломатия под нажимом русского двора (где решающую роль играла находившаяся все годы Первой мировой войны в России греческая вдовствующая королева Ольга Константиновна, тетка императора Николая II, ненавидевшая врага своего старшего сына-короля Венизелоса), не вникая в доводы военных и промышленных кругов России, выступила против признания временного правительства.

23 ноября 1916 г. правительство Венизелоса объявило войну Болгарии и Германии и передало добровольческие отряды и флот в распоряжение генерала Саррайля и Антанты. Была создана нейтральная зона между территориями, подконтрольными войскам короля и силам Венизелоса.

Державы, за исключением России, решили подавить недовольство в Старой Греции с помощью трехтысячного отряда англо-французских войск, высадившихся в Пирее с намерением оккупировать отдельные стратегические пункты в Афинах и вынудить королевское правительство подчиниться. Неожиданно союзнические войска оказались в окружении, а греческие батареи открыли стрельбу, завязался бой. Англо-французские орудия начали обстреливать Афины. Однако перевес был на стороне греков, и 2 декабря союзнический десант был выведен из Афин. Союзники потеряли 194 человека убитыми и ранеными, греки – 82, включая жертвы среди мирного населения. Все улицы, названные в честь Венизелоса, были переименованы в улицы «Первого декабря». Греческая королева София телеграфировала брату Вильгельму II, что была одержана «великая победа над четырьмя великими державами» [30. 1917. 16 I; 31. P. 158]. «Гордость греческого народа была сильно возмущена захватом союзниками греческих островов, портов, кораблей и блокадой греческого побережья», но декабрьские события развязали руки державам Антанты. Ллойд Джордж, вслед за французами, предлагал «проводить более жесткий курс в отношении короля Константина», который, по его словам, кругом «одурачил» союзников и «сделал их посмешищем Востока» [32. С. 171, 234].

8 декабря державы Антанты установили строгую блокаду всей территории Греции. 27–31 декабря на конференции в Лондоне было формально признано временное правительство Венизелоса, но королю давалось обещание не распространять венизеллистское движение на территорию Старой Греции, однако державы оставляли за собой право оккупировать в военных целях любые территории [32. С. 231, 232, 251–254, 271; 12. P. 450, 451]. По совету кайзера король Константин пошел на все уступки державам Согласия и принял все условия их ультиматумов. С января в Афинах и других городах началось освобождение из тюрем венизеллистов, арестованных во время декабрьских событий (всего около 1600 человек) [33. 1917. 22 I; 30. 1917. 23 I], а правительство принесло свои извинения за декабрьские события.

На Салоникском фронте в течение всей зимы 1917 г. наблюдалось общее затишье, прерываемое лишь артиллерийским огнем, локальными столкновениями и удачными действиями союзных летчиков. В феврале сильные туманы и дожди сменились обильными снегопадами. Офицеры великих держав заполняли кофейни и ночные клубы Салоник, давая заработать местным предпринимателям; солдаты, в большинстве случаев плохо экипированные и голодные, мерзли в сырых окопах, страдали от малярии и дизентерии.

В начале января 1917 г. после официального признания временного «национального» правительства в Салоники прибыли дипломатические представители великих держав. Теперь державы поддерживали тесные отношения как с афинским, так и с салоникским правительствами. Не давая силам Венизелоса проникать в пределы Старой Греции, союзники закрывали глаза на их действия в отношении островов, которые они начали занимать еще в декабре, где провозглашалось низложение короля, совершившего предательство. На жалобы королевского правительства, державы отвечали, что их гарантии не распространяются на острова.

По инициативе Англии почти весь торговый греческий флот за исключением 23 судов, перевозивших продовольствие для Старой Греции, вслед за военным флотом оказался в распоряжении союзников, причем на весьма выгодных условиях фрахта.

С начала 1917 г. президент США В. Вильсон заинтересовался балканскими делами. Его мирная декларация произвела такое впечатление на греческого короля, что он обратился к президенту с жалобой на несправедливых союзников [34.1917. 25 II]. Вступление 6 апреля 1917 г. в мировую войну США перевело стрелку политического барометра многих нейтральных стран, в том числе Греции, в сторону держав Соглашения. В 1917 г. в войне на стороне Антанты участвовало 23 государства, четыре оказались в составе центральной коалиции.

В соответствии с решениями, принятыми в Шантильи, Париже, Риме, Петрограде в начале апреля 1917 г. «восточные армии» Саррайля активизировали военные действия против германо-болгарских войск, приурочив их к весеннему наступлению Антанты на Западном фронте. Было достигнуто «полное согласие» по греческим делам между Парижем и Лондоном (в Фолкстоне), а на совещании премьер-министров Англии, Франции и Италии в Сен-Жан-де-Морьенн (Савойя) был подписан секретный договор, определивший долю Италии в разделе Азиатской Турции, что фактически лишало Грецию надежды получить территорию в Малой Азии.

В связи с наступлением армии Саррайля (к весне 1917 г. она состояла из 660 тыс. человек – 240 тыс. англичан, 200 тыс. французов, 130 тыс. сербов, 50 тыс. итальянцев, 23 тыс. греков и 17 тыс. русских) Салоникскому правительству позволялось приступить к восстановлению единства Греции и начать мобилизацию на островах. Союзники оказывали помощь в занятии островов, используя колониальные войска. Так, в оккупации Лефкаса участвовало 100 венизелитов и 500 сенегальцев [9. Ф. Политархив. 1917. Д. 3829. Л. 4, 14; Д. 3841. Л. 3]. К середине мая стало очевидным, что наступление Саррайля провалилось, оставшись без реальной поддержки Румынского фронта. Англия окончательно решила сократить военные силы на этом фронте до минимума, заменив их греческими [35. С. 327, 338, 344; 12. Р. 482]. Решение англичан неминуемо влекло за собой значительные уступки Франции: отречение Константина, занятие Фессалии с Ларисой и Волосом, установление военного контроля над страной. Операции должны были осуществляться войсками Саррайля, «по возможности, мирным путем» [26. Т. IЕ. 2. 44].

В конце мая англичане, пытаясь, видимо, избежать военного вмешательства в дела Греции, обратились к Венизелосу с предложением пойти на примирение с королем, однако получили категорический отказ. Либеральные круги греческого общества считали, что никакой компромисс не уничтожит болезнь – «необходима радикальная операция!».

Правительство Венизелоса, стремившееся в конце 1917 г. оживить боевой дух народа и, создав крепкую армию, принять участие в войне в качестве союзницы Антанты, пресекало все разговоры о грядущем мире. Однако, как Франция, так и Англия проявляли «равнодушие» к проблемам Венизелоса. В речах за декабрь 1917 – январь 1918 г. Ллойд Джордж ни словом не обмолвился о желании Англии оказать Греции поддержку. Когда же 5 января, говоря о целях Британии в войне, он прямо указал, что союзники воевали не для того, чтобы «выгнать Турцию из ее столицы или из богатых и прославленных земель Малой Азии и Фракии [...] населенных преимущественно турками», греки приуныли. Только в результате личных переговоров Венизелоса с Ллойд Джорджем и Ж. Клемансо было принято решение предоставить Греции 700 млн франков в ответ на обещание Венизелоса прислать необходимые 300 тыс. человек на Салоникский фронт [37. Р. 175–176].

В конце 1917 г. по требованию англичан руководство Салоникской армией перешло от генерала Саррайля, дискредитировавшего себя неудачей майского на-

ступления, к генералу Гийомэ, который имел опыт командования колониальными войсками (из восьми французских дивизий на Салоникском фронте три состояли из колониальных войск) [2. С. 194].

Генеральным инспектором греческих вооруженных сил стал генерал Бордо, до войны служивший во французской военной миссии в Афинах. В его задачу входило увеличить греческие силы в десять раз, убрать из ее рядов офицеров-германофилов. Однако новобранцы из Афин, Ларисы, Ламии, Патр и других городов и сел Старой Греции (всего к концу 1917 г. удалось собрать 22 тыс. человек), были в основном настроены враждебно по отношению к политике Венизелоса. Результаты всеобщей мобилизации, объявленной в феврале 1918 г., были также ничтожными (четыре дивизии). Кроме того, как писал Людендорф, «греческая армия не имела никакого боевого опыта» [38. Р. 175]. Так, во время боя на Струме, половину греческих потерь составили солдаты, подорвавшиеся на собственных гранатах.

Выступление американского президента с «четырнадцатью пунктами», разоблачения сепаратного договора о проливах 1915 г., сделанные Советским правительством, заставили Венизелоса еще раз усомниться в искренности английских заверений. В греческой ноте державам Антанты в феврале 1918 г. Венизелос просил обозначить интересы Греции при послевоенном устройстве. Однако Англия и Франция отказались официально признать греческие интересы, сообщив лишь 7 апреля 1918 г., что ее довоенные границы будут поддержаны на мирной конференции. В связи с этим весной 1918 г. Венизелос обратился к американскому президенту В. Вильсону с просьбой поддержать греческие территориальные требования. Каково было всеобщее изумление, когда в ответном послании президент обещал «сохранить ее (Греции. – О. С.) единство и поддержать ее права на любой мирной конференции» [37. Р. 58; 38. Р. 193, 196]. Поддержка Вильсона имела широкий резонанс в Греции и подняла боевой дух греческой армии, а греческая атака возле деревни Скра, предпринятая 30 мая, и сокрушительное поражение растерявшихся болгар (в плен было взято 1600 болгар и более 200 немцев), за один день сделало это малоизвестное местечко популярным в Греции. В афинских кофейнях победу при Скра сравнивали со сражением на Марне, Сомме и с прорывом Брусилова. Идея о сепаратном мире Греции с Болгарией разбилась о твердый отказ Венизелоса обсуждать македонскую проблему; он и слышать не хотел более об уступке Кавалы, вопрос о которой стоял в январе 1915 г. [9. Ф. Секретный архив. Д. 510/530а. Л. 2].

4 сентября Ллойд Джордж собрал совещание на Даунинг-стрит, где дал последний бой «западникам» и выиграл его: было решено начать крупные операции на Балканах против слабейшего звена – германо-болгарской армии. Доверие союзников к Греции на последнем этапе войны было достаточно велико, и операциями союзнических сил Антанты на Струме было поручено командовать греческому генералу П. Данглису. 19 сентября 1918 г. восточные армии Антанты прорвали болгарский фронт в районе Ветреник – Сокол, что открыло дорогу на Софию. 29 сентября Болгария капитулировала. Нарушилось прямое сообщение между Турцией и ее европейскими союзниками, Салоникская армия Антанты как бы нависла над тылом германских войск, отступавших в Румынию. Дальнейшее наступление войск Антанты против оставшихся австро-германских контингентов приняло характер очищения занятых территорий в направлении Албании, Сербии, Румынии и Турции (Стамбула) [39. С. 237, 245; 40. С. 268, 269]. Финал был близок.

Одновременно с наступлением греческий посланник в Лондоне Д. Какламанос передал в Форин Оффис документ с перечнем территориальных претензий. Предусматривалось возвращение части Македонии; присоединение Южной Албании в границах оккупационной греческой зоны, островов Додеканеса и Восточной Фракии, находившихся под частичной оккупацией иностранных государств (что,

как было сказано, «не затронет жизненных интересов государств и не осложнит международную жизнь»); присоединение, в случае полного или частичного распада Османской империи районов с преобладанием греческого населения или автономия тех областей, где население было преимущественно греческим; возвращение малоазиатских греков домой с передачей им всего их имущества. Какламанос, по указанию Венизелоса, не упоминал об острове Кипр, дабы не задевать интересы Британии [41. Р. 63, 64].

6 октября, когда греческие войска заняли Кавалу, Венизелос выступил с речью в Салониках, в которой намекал на значительное территориальное расширение страны, а 8 октября 1918 г. сообщил прибывшему в Афины лорду Грэнвиллю, что Греция, даже исполнив свой союзнический долг перед Сербией, готова продолжать совместную борьбу, если она получит за это справедливые компенсации во Фракии и Македонии. Это заявление имело принципиальное значение в виду продолжавшихся военных действий против Турции и перспектив вступления союзных войск в Стамбул. Только чрезвычайная осторожность Венизелоса не позволяла ему указать на Константинополь, говоря лишь о «реализации эллинских мечтаний». Еще больше такие настроения усилило предложение Франше д'Эсперэ отправить несколько греческих дивизий в Стамбул [41. Р. 66–68].

В конце октября после успешных действий британских войск Турция, исчерпав все возможности сопротивления, капитулировала, а 30 октября в Мудросской бухте на о. Лемнос было заключено перемирие. Это известие в Греции встретили без энтузиазма, хотя оно и означало конец Османской империи: считалось, что если бы греки воевали чуть дольше и вошли бы в Константинополь, «они могли бы предъявить более длинный счет, имея большие гарантии его оплаты на заключительном мирном конгрессе». Венизелос немедленно отбыл в Париж и Лондон. Он боялся, как писал лорд Грэнвилл А. Бальфуру, что «Турция может выжить» [41. Р. 43]. Однако Венизелос вскоре убедился, что Британский лев подписал перемирие лишь затем, чтобы жертва не сопротивлялась, когда он будет ее терзать.

14 декабря 1918 г. британский генерал Милн занял Стамбул; Франше д'Эспере последовал за ним. Основные силы греческой армии оккупировали Измир (Смирну) – жемчужину Турции, греческие военные корабли бросили якорь в Босфоре [38. Р. 166, 171; 42. Р. 203]. В Мосул въехал генерал Кассель со штабом, подтянув войска к городу. Через несколько дней, двинувшись из Алеппо, англичане оккупировали Киликию в Анатолии, итальянские войска высадились в Анталы. Мировая война была закончена, но для греческого населения это не означало перехода к мирной жизни.

Новый верховный комиссар держав Антанты М. Жоннар 14 июня 1917 г. от имени трех «держав-покровительниц» – Англии, Франции и России (без согласия последней) – ультимативно потребовал отречения короля, угрожая высадкой десяти тысячного десанта, и опубликовал воззвание к греческому народу о восстановлении конституционных прав и единства греческого государства.

Отречение Константина от престола состоялось, словно по иронии судьбы, в день, когда во всех церквах совершались богослужения по поводу падения в 1453 г. столицы Византийской империи. 15 июня в афинском дворце молодой король Александр, второй сын Константина, известный своими проантантовскими симпатиями, принес присягу на верность конституции. Мирному решению кризиса должно было способствовать сообщение держав о снятии блокады, начале снабжения страны хлебом и всем необходимым, общей амнистии и заверения, что «державы не добиваются выхода Греции из нейтралитета» [28. 1917. 14 VI; 19 VI; 20 VI; 20. С. 199, 205, 203; 12. Р. 483]. Из Афин было удалено более 100 сторонников кайзера.

Несмотря на настойчивые возражения России, Италии и Сербии, за вручением ультиматума греческому правительству последовала высадка англо-французских войск в Пирее и на Коринфском перешейке; была оккупирована Фессалия. При

занятии Ларисы произошла перестрелка, в которой обе стороны понесли потери. Общая численность оккупационных войск достигла 30 тыс. человек. Русский посланник сожалел, «что предназначенная для освобождения Сербии Салоникская экспедиция принимает форму похода на обезоруженную мирную Грецию». Александра признать в Петрограде отказались [5. Ф. Генмор. Д. 3774. Л. 49; 28. 1917. 14 VIII].

22 июня 1917 г. Венизелос был возвращен к власти, став одновременно премьером и военным министром Греции. Королевство объявило себя в состоянии войны с Центральными державами, пообещав оказать Сербии помощь в соответствии с греко-сербским договором 1913 г., который был ранее нарушен королем [28. 1917. 5 VII]. Была поставлена задача согласовать действия штабов обеих армий, чтобы сербско-греческие силы стали ядром Салоникской армии. В 1919 г. греческие войска приняли участие в параде победителей в Париже. Но дальнейшая судьба Греции, во главе которой стоял Венизелос, мечтавший осуществить в полном объеме Мегали идея, привели ее к полному краху.

21 ноября 1920 г. состоялось закрытие Парижской мирной конференции и стало ясно, что дипломатические и военные маневры греков, хотя и совершавшиеся весьма искусно, почти не дали результатов. В исторической литературе ответственность за такой финал греки возложили единодушно на Италию и даже на США, которые в конце миротворческого процесса изменили своим первоначальным обещаниям. Царившая в Греции эйфория очень скоро сменилась недовольством войной: Греция с населением в 5.5 млн человек держала под ружьем свыше 200 тыс. Этим воспользовались монархисты, вынудив Венизелоса удалиться в «добровольное изгнание» в Европу.

Продолжавшаяся война была крайне неудачной для Греции. Бывшие союзники оставили ее без помощи, и национальные силы во главе с Мустафой Кемалем (Ататюрком), получившим значительную помощь от большевистской России, которая не хотела видеть в Проливах и Константинополе диктат западных великих держав, полностью разгромили греческие войска. 11 октября 1922 г. в г. Муданья было подписано перемирие между Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией, Италией с другой. Через два дня к нему присоединилась также Греция. Греческие войска полностью очистили Малую Азию, была похоронена последняя надежда греческих националистов осуществить их грандиозные планы. Итог этой авантюры: 50 тыс. убитыми, 70 тыс. ранеными, 1.5 млн коренного греческого населения Малой Азии навсегда лишившегося привычного места проживания [43. С. 436].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Prince Nicholas of Greece. Political Memoirs. 1914–1917. Pages from My Diary.* London, 1928.
2. *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1990.
3. *Woodhouse C.* The Story of Modern Greece. London, 1968.
4. *Dakin D.* The Unification of Greece. 1770–1923. London, 1972.
5. Российский государственный архив военно-морского флота в Санкт-Петербурге.
6. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. В 10 т. Сер. III. М.; Л., 1931–1938.
7. *The Vindication of Greek National Policy. 1912–1917.* London, 1918.
8. *Κορδάτος Γ.* Ιστορία Της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1958. Т. V.
9. Архив внешней политики Российской империи.
10. *Alastos D.* Venizelos. Patriot. Revolutionary. Statesman. London, 1942.
11. *Λαμπρινός Γ.* Η Μοναρχία στην Ελλάδα. Αθήνα, 1965.
12. *Leon G.* Greece and the Great Powers. 1914–1917. Thessaloniki, 1974.
13. *Гурц А.* Письма и заметки. 1913–1915. Пг., 1916.
14. *Mavrogordato J.* England in the Balkans. A Hellenic Note on British Policy. London, 1916.
15. *Heurtley W., Darby H., Woodhouse C.M.* A Short History of Greece from Early Times to 1964. New York, 1966.
16. *Higgins T.* Winston Churchill and the Dardanelles. A Dialogue in Ends and Means. London; New York, 1963.

17. A Study of Greek Politics. 1910–1918. London, 1920.
18. *Μεταξας Ι.* Το Προσωπικό του ημερολόγιου. 1910–1920. Αθήνα, 1952. Τ. 2.
19. *Melas G.* Ex-king Constantine and the War. London, 1920.
20. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922.
21. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге.
22. Βεντήρης Γ. Η Ελλάδα, του 1910–1920. Αθήνα, 1931.
23. Δραγούμης Ι. Φύλλα Ημερολογίου. 1913–1917. Αθήνα, 1986. Τ. Ε.
24. *Callwell C.* Field-marshal Sir Henry Wilson. His Life and Diaries. London, 1927.
25. *Hankey M.* The Supreme Command. London, 1961. V. 2.
26. *Theodoulou C.* Greece and the Entente. Aug. 1, 1914 – Sept. 25, 1916. Thessaloniki, 1971.
27. Daily Graphic.
28. Новое время.
29. *Robertson W.* Soldiers and Statesman. 1914–1918. London, 1926. V. 2.
30. Русский инвалид.
31. *Miller W.* A History of the Greek People (1821–1921). London, 1922.
32. *Λloyd Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. 1–2.
33. Утро России.
34. Биржевые ведомости.
35. *Λloyd Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. 3.
36. Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1980.
37. *Mitsakos A.S.* France in Greece during World War I. New York, 1982.
38. *Palmer A.* The Gardeners of Salonika. London, 1965.
39. *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918. М., 1938. Т. 2.
40. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1924. Т. 2.
41. *Petsalis-Diomidis N.* Greece at the Paris Peace Conference 1919. Thessaloniki, 1978.
42. *Woodhouse S.M.* A Short Story of Modern Greece. New York, Washington, 1968.
43. *Соколовская О.В.* Греция: успех на мирной конференции и катастрофа в Малой Азии // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

© 2014 г. В.Б. КАШИРИН

АЛЕКСАНДРУ АВЕРЕСКУ ГЛАЗАМИ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ БУДУЩЕГО МАРШАЛА РУМЫНИИ

В центре внимания статьи, дающей среди прочего представление о методах аналитической работы российской военной разведки начала XX в., – оценка российскими военными экспертами видного румынского военачальника, будущего маршала Румынии и ее премьер-министра Александру Авереску (1859–1938), оставившего след в истории Первой мировой войны победами над войсками Германии и ее союзников при Мэрэшти и Ойтузе в 1917 г.

The article, which among others gives some insight into analytical work the Russian military intelligence in the early twentieth century, pays special attention to the evaluations given by the Russian military experts to the eminent Romanian military commander and the future marshal of Romania and her Prime-Minister Alexandru Averescu (1859–1938), whose participation in World War One is marked by victories over the German troops and their allies at Mărăști and Oituz in 1917.

Ключевые слова: Первая мировая война, балканские войны, Румыния, военная разведка.

Новая и новейшая история Румынии не слишком богата именами полководцев и военачальников, которые были бы широко известны за пределами страны. Исключение составляют деятели, сочетавшие военные функции со статусом главы государства. К числу таковых относятся князь (с 1881 г. король) Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген, командовавший русско-румынскими войсками под Плевной в 1877 г., и, между прочим, последний по времени производства генерал-фельдмаршал русской армии (1912); его племянник и наследник Фердинанд I, «король-Объединитель», августейший главнокомандующий армиями Румынского фронта в годы Первой мировой войны; и, наконец, кондуктор Румынии маршал Ион Антонеску, верный союзник А. Гитлера, казненный в 1946 г. по приговору Народного трибунала своей страны.

Однако есть в истории румынской армии один полководец, чья известность и слава не были производной от высокого государственного статуса. Напротив, в его случае именно профессиональные успехи на военном поприще и на поле брани позже открыли ему путь к политической карьере. Речь идет о маршале Александру Авереску (1859–1938), который был одним из самых выдающихся румынских государственных мужей эпохи Первой мировой войны, наравне со своим извечным недругом, главой национал-либерального правительства Ионом Брэтиану-младшим (1864–1927). Именно эти два деятеля с большим правом, чем

Каширин Василий Борисович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

кто-либо другой, могут быть признаны главными творцами военно-политических успехов своей страны.

Несмотря на слабость аграрной экономики, серьезные недостатки политического устройства и вопиющие изъятия в организации, боевой подготовке и технической оснащённости армии, Румыния в те годы сумела достичь поразительно больших результатов. Фактически, она полностью реализовала великодержавную национальную программу, присоединив Бессарабию, Трансильванию, Буковину, часть Темешварского Баната. Немалую роль в этом сыграл правильный стратегический выбор в пользу Антанты, искусная дипломатия Брэтиану, счастливое стечение обстоятельств – распад сначала Российской империи, а затем и Австро-Венгерской монархии. Но нельзя отрицать и того, что в значительной степени эти достижения были результатом деятельности всей румынской военной и государственной элиты того времени, к которой, без всякого сомнения, принадлежал маршал Авереску.

Выходец из небогатой сельской семьи, без связей, протекции и фамильного капитала, Александру Авереску исключительно благодаря своим личным качествам и талантам сумел пробиться в жизни, выделиться из массы армейского офицерства Румынии и подняться по лестнице военной карьеры на самый верх. Это позволило ему внести огромный персональный вклад в дело реформирования и модернизации румынской армии в начале XX в. Еще до Первой мировой войны, Авереску, в то время в чине всего лишь бригадного генерала, занимал должность военного министра (1907–1909), был начальником Большого генерального штаба Румынии накануне и во время балканских войн 1912–1913 гг. В годы Первой мировой войны, в ходе кампаний 1916–1917 гг. Авереску командовал армией и группой армий на Румынском фронте, затем с января по март 1918 г. занимал пост министра иностранных дел и одновременно с этим, с февраля по март, был премьер-министром Румынии. Именно на эти месяцы пришлась начальная фаза румынской оккупации Бессарабии, а также бесплодные попытки прекратить ее дипломатическим путем (известное соглашение Авереску – Раковский от 5–9 марта 1918 г.). И в дальнейшем Авереску оставался влиятельнейшей фигурой в политической жизни Румынии: он стал основателем и лидером правопопулистской Народной партии, еще два раза, в 1920–1921 и в 1926–1927 гг., занимал пост премьер-министра, получал и другие правительственные должности. Во время его активной политической деятельности Румыния стала одним из важнейших членом блока так называемой Малой Антанты и, одновременно, ключевым элементом системы «санитарного кордона» против большевистской России.

Популярность генерала среди солдат (а, следовательно, – и в крестьянских массах) была беспредельной; а поездки Авереску по стране, особенно по глубинке, сопровождались сценами экстатического обожания со стороны простого люда. Как пишет современный биограф, «в конце Первой мировой войны и в первые послевоенные годы румынское общество, в значительной мере, развивалось под созвездием “мифа Авереску”» [1]. В 1930 г. Авереску был произведен в чин маршала, которого за всю историю Румынии удостоивались только три человека – он сам, его сослуживец и давний соперник Константин Презан (1861–1943) и, позднее, уже упомянутый кондукэтор Антонеску.

Итак, Авереску несомненно был личностью исторического масштаба, фигурой первой величины не только для Румынии, но для всей Юго-Восточной Европы. Помимо прочего, он был плодовитым военным писателем; очень ценным источником по истории участия Румынии в Первой мировой войне является дневник Авереску, впервые изданный в Бухаресте в 1937 г. [2]. Также перу Авереску принадлежит подробное описание операции у Флэмынды – неудачной попытки румынской армии форсировать Дунай в сентябре 1916 г. [3]. В Румынии прославленному маршалу посвящено множество биографических работ, последней и лучшей из которых является книга Петре Оту «Маршал Александру Авереску:

военный, политик, легенда» [1] (см. также [4–5]). В России биографией этого незаурядного человека до сих пор никто всерьез не занимался; впрочем, в 2007 г. вышла на русском языке статья «Александру Авереску – румынский маршал из села Озерное», написанная одесским историком Артемом Филиппенко, однако без использования архивных материалов [6]. Между тем, ряд ценных характеристик и суждений о будущем маршале содержится в материалах военной разведки Российской империи, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в Москве. Эти документы позволяют расширить угол зрения историков на личность Авереску, добавить новые и красочные детали к его портрету, а одновременно с этим – дать ответ на вопрос о способности русской разведки верно судить о представителях военной элиты балканских государств и прогнозировать развитие их карьеры.

Особо важно, что эти оценки относятся к периоду до вхождения будущего маршала в пантеон национальных героев Румынии, и потому они свободны от любого влияния пресловутого «мифа Авереску», как положительного, так и отрицательного, а также от проявления партийно-политических симпатий и предубеждений. В этом отношении суждения русских разведчиков можно назвать объективными, так как они изучали румынских военачальников, прежде всего, с профессиональной точки зрения.

С 1880-х годов Румыния рассматривалась Генштабом Российской империи как потенциальный противник, и одним из приоритетных направлений работы русской разведки по этой стране было подробное, персональное изучение высшего и старшего командного состава румынской армии. В фондах РГВИА, в донесениях русских военных агентов за разные годы удалось выявить характеристики, иногда весьма развернутые, более чем на два десятка румынских генералов и старших офицеров начала XX в., вплоть до Первой мировой войны. Особо важно, что с момента учреждения в 1887 г. поста военного агента Российской империи в Румынии (до 1901 г. – одна совмещенная должность для Бухареста и Белграда) его последовательно занимали девять разных офицеров Генштаба, каждый из которых в донесениях давал характеристики румынскому генералитету, иногда подтверждая, а иногда корректируя оценки своих предшественников.

В целом русская разведка оценивала уровень румынского высшего командного состава весьма низко. Вот как характеризовал его в 1906 г. русский военный агент Генштаба в Бухаресте полковник М.И. Занкевич:

«Высшими назначениями в армии почти единолично заведует король Карл. В генералах король ценит не столько способности, сколько преданность себе, засвидетельствованную многими годами службы. Поэтому король выдвигает не молодые силы, а лично ему издавна известных офицеров, принимавших под его начальством участие в русско-турецкой кампании (1877–1878 гг. – *В. К.*); большое значение для быстрого движения по службе имеет также более или менее громкое восхваление всего немецкого, – этот верный способ для завоевания симпатий короля с успехом применяется многими генералами. Король Карл весьма высоко ставит свой собственный боевой опыт, приобретенный им 29 лет тому назад на полях Плевны; имея слабость считать себя выдающимся полководцем, он отличается большою инертностью в своих взглядах на военное дело и с недоверием относится ко всем новым явлениям в области тактики. Дух инертности главы армии сообщается и ее начальникам, что естественно ведет к тому, что и самая армия почти застыла в тех формах, которые, быть может, и выдерживали критику четверть века тому назад, но теперь уже устарели [...]

Естественно, что при таких условиях общий уровень высшего командного состава армии весьма невысок [...]

Среди более молодых румынских офицеров немало лиц с прекрасной научной подготовкой, полученной, главным образом, за границей, следящих за военным делом, мыслящих и работающих, но пока эти офицеры не имеют доступа к вы-

шим должностям, занятым старыми, угодными королю генералами» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 37–40].

Одним из таких молодых офицеров, способных существенно ускорить модернизацию румынской армии, при условии получения соответствующих должностей и полномочий, был, несомненно, и Александру Авереску.

Он родился 9 марта 1859 г. в селе Бабеле Измаильского жудеца (ныне село Озерное Измаильского района Одесской области Украины)¹. Как известно, за три года до его рождения Измаильский, Кагульский и Болградский уезды по Парижскому мирному договору 1856 г. были уступлены Россией княжеству Молдавия, а затем в 1878 г. вновь возвращены в состав империи по Берлинскому трактату. Таким образом, родные места Авереску, в ту пору молодого румынского кавалериста, перешли под власть чужого ему государства, и это, как мне представляется, не могло не оказать влияния на формирование его внешнеполитических симпатий и на его отношение к России, ее союзникам и противникам.

Отец будущего маршала Румынии Константин Авереску был уроженцем г. Бельцы в Бессарабии и служил в русской армии, однако затем оставил службу и переселился в румынскую Молдавию, где работал учителем и мелким чиновником. Очевидно, и в семье, и в родном селе Авереску знали русский язык, и это полезное качество, по многим отзывам, перенял и будущий маршал.

Александру окончил начальную школу в Измаиле, в течение года учился там же в семинарии, однако затем оставил ее и отправился в столичный Бухарест, где поступил в Школу искусств и ремесел. Затем он планировал поехать в бельгийский Льеж и изучать там инженерную механику. Однако обострение Восточного кризиса и начало войны с Турцией изменили его замыслы и всю дальнейшую судьбу. В 1877 г. Авереску добровольцем записался в Измаильский эскадрон конных жандармов и в его составе принял участие в походе румынской армии за Дунай.

Имея слабое от природы телосложение, Авереску был плохим наездником и мало подходил для строевой службы в кавалерии. Побывать в бою с турками ему так и не довелось. Однако хорошее образование позволило ему с успехом выполнять работу по канцелярии. За участие в войне 1877–1878 гг. Авереску был произведен в сержанты, и тогда же он принял решение навсегда связать жизнь с армией. В 1879 г., после двух лет службы, Александру был принят в дивизионную школу унтер-офицеров, расположенную в монастыре Дялу, близ г. Тырговиште, в центральной части страны. Это учебное заведение давало возможность унтер-офицерам с законченным средним образованием получить офицерский чин без прохождения курса офицерского военного училища. 15 июля 1881 г. Авереску окончил дивизионную школу и был произведен в первый офицерский чин сублотенента и назначен в 1-й полк рошиоров².

Поворотным моментом в судьбе и карьере Авереску стал конкурс-экзамен в 1884 г. на право поехать учиться в Туринскую военную академию в Италию. За два места в академии состязались 12 румынских офицеров, причем все соперники Авереску закончили офицерское военное училище. Тем не менее, по результатам он стал первым и отправился в авторитетную военную академию, основанную в 1867 г. и находившуюся под заметным влиянием прусской военно-научной школы.

В 1884–1886 гг. Авереску с высокими баллами окончил полный курс академии, после чего вернулся на родину. Помимо серьезного высшего военного образования из Турина он привез и жену. Избранницей будущего героя Первой мировой

¹ Здесь и далее факты биографии Авереску излагаются по уже цитированной биографии П. Оту.

² Рошиори – регулярная кавалерия румынской армии; красные гусары (по цвету формы). Помимо рошиоров, в состав румынской кавалерии в то время входили «кэлэраши» – полурегулярная конница казачьего типа.

войны стала Клотильда Калигарис, девушка из богатой семьи, выпускница Туринской консерватории по классу вокала и фортепиано.

В 1888–1894 гг. Авереску, с небольшими перерывами для отбывания строевого ценза, нес службу в 3-м оперативном отделе Большого генерального штаба Румынии. В 1894–1895 гг. он возглавлял румынскую военную академию – Высшую военную школу – и с того времени получил широкую известность в армейских кругах как военный писатель и теоретик. В 1895–1898 гг. Авереску занимал пост военного атташе Румынии в Берлине, что, с точки зрения военной карьеры того времени, было еще одним важным шагом на пути к высшим должностям Генерального штаба. После возвращения на родину Авереску в 1898–1899 гг. отбыл ценз командования кавалерийским полком и затем продолжил службу в организационно-мобилизационном отделе Генштаба; как и прежде, активно и много выступал на страницах военной печати. Публикации Авереску по истории осады Плевны привлекли внимание короля Кароля.

Примерно в то время Авереску попал в поле зрения русской разведки. Первое из обнаруженных мной упоминаний о нем содержится в рапорте русского военного агента в Бухаресте полковника М.Н. Леонтьева от 18 апреля 1904 г. Он сообщал, что начальник отдела Большого генерального штаба полковник Авереску был назначен на должность командира рошиорской кавалерийской бригады, расквартированной в городе Текуч, в уезде Галац, в южной части исторической Молдавии. Леонтьев докладывал: «Уход полк[овника] Авереску³ – большая потеря для румынского Гл[авного] штаба. Нет сомнения, что его назначение носит временный характер и что в ближайшем будущем он будет возвращен в Бухарест на более или менее видный пост» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 24–24об.]. Этот прогноз полностью сбился, тем самым подтвердив умение русских военных агентов разбираться в ситуации в румынской армии.

10(23) мая 1906 г. Авереску по случаю 40-летнего юбилея правления короля Кароля в Румынии был произведен в чин бригадного генерала. Ему тогда было 47 лет. И в том же году преемник Леонтьева на военно-агентурном посту в Бухаресте подполковник М.И. Занкевич, отличный знаток Румынии и ее армии, дал подробную характеристику Авереску, который тогда еще продолжал командовать рошиорской бригадой: «Из офицеров генерального штаба. Человек выдающихся способностей, основательных познаний в военном деле и большой инициативы; одинаково силен и в кабинете, и в поле. Хорошо ознакомился с русскою армией во время своих неоднократных поездок в Киевский военный округ по приглашению покойного генерала Драгомирова; весьма недурно владеет русским языком. Искренность его русофильских чувств подвержена большому сомнению. Ахиллесова пята этого выдающегося генерала – крайняя его слабость к женскому полу. В случае войны с Россией на генерала Авереску выпадет одна из самых важных ролей в румынской армии» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 37–40].

Авереску действительно доводилось посещать Российскую империю по делам службы, и эти поездки он использовал, с профессиональной точки зрения, весьма плодотворно. Насколько известно, первая его служебная поездка состоялась летом 1899 г., когда военный министр от имени короля Кароля дал Авереску почетное поручение отвезти картину в подарок 18-му пехотному Вологодскому полку, шефом которого был румынский монарх. Два года спустя полковник Авереску издал в Бухаресте книгу под названием «Моя миссия в России летом 1899 года», объемом 260 страниц [8]. Помимо общих впечатлений от Малороссии и русской армии, в том числе казачьих частей, книга содержит подробное описание больших летних маневров войск Киевского военного округа. Отдельная глава книги

³ В то время русские дипломаты и офицеры военного ведомства румынские фамилии с окончанием на «-у» почти всегда писали через «-о».

посвящена впечатлениям Авереску от общения с командующим войсками округа генералом М.И. Драгомировым.

Русские офицеры, соприкасавшиеся с Авереску, воспринимали его личные и моральные качества скорее в отрицательном свете, хотя никто не ставил под сомнение его служебные таланты. К примеру, Александр Щербачев, сын генерала Д. Г. Щербачева, помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта (короля Фердинанда), в дневнике так отзывался об Авереску, с которым он познакомился в Яссах в 1918 г.: «Кроме родовой аристократии, в этот круг (высшего военного и политического руководства Румынии. – В. К.) попали авантюристы, составившие состояние и положение темными путями, как Авереску (премьер-министр при заключении мира с немцами). Генерал Авереску – страшный честолюбец, без совести и чести, стремящийся все выше и выше. Прошлое его весьма темно и непонятно. Полагают, что он родился в Бессарабии. Он участвовал в войне 1877 года сержантом и дослужился до генерала» (цит. по [9]).

Вообще, названные черты характера Авереску – огромное честолюбие, амбиции, карьеризм, некоторая моральная неразборчивость – присутствуют почти во всех оценках русских военных наблюдателей, знавших его. Весь служебный и жизненный путь маршала фактически подтверждает их справедливость.

Однако вернемся в более ранний период – в 1907 г., когда Авереску довелось впервые выйти на сцену большой политики, причем произошло это в крайне непростые для Румынии и ее армии время. 12(25) марта 1907 г. присягу королю Румынии принесло новое правительство либеральной партии во главе с Димитрием Стурдзой, а на следующий день, 13(26) марта молодой и перспективный бригадный генерал Авереску был назначен на пост военного министра. Как докладывал русский военный агент Занкевич, «этот выдающийся и стоящий вне политических партий генерал призван к управлению военным министерством ввиду трудности переживаемого страной момента, когда спасение ее находится всецело в руках армии» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 42–43об.].

Имелось в виду, что и формирование правительства Стурдзы, и назначение Авереску были обусловлены крупными аграрными беспорядками в Румынии – восстанием 1907 г. Оно было вызвано крайне тяжелыми условиями жизни крестьянства, произволом арендаторов-управляющих, а также революционными событиями 1905–1907 гг. в соседней России. Восстание началось на севере Молдавии, распространилось затем на значительную часть территории страны и сопровождалось массовым кровопролитием, восставшие крестьяне даже пытались захватывать города.

Изначально подразумевалось, что в подавлении крестьянского восстания особую роль будет играть армия, и потому стоявшая перед Авереску задача была непростой. Однако он справился с нею, быстро подтянув вверенное ему ведомство решительными и четкими распоряжениями.

При подавлении мятежа армейские части широко применяли оружие, что позволило подавить восстание достаточно быстро. Точное число жертв вряд ли может быть подсчитано; в источниках и историографии приводятся различные данные, наиболее часто из которых повторяется цифра в 11 тыс. убитых (подробнее см. [10]). Левая печать клеймила Авереску как палача восставших, однако в правительственных кругах его называли спасителем династии и государства. Его репутация решительного, волевого и эффективного руководителя упрочилась, что было необходимо для реализации намеченной Авереску большой программы модернизации румынской армии. Занкевич докладывал: «Генерал Авереску как офицер, стоящий на высоте современных требований в военном деле, конечно, сумеет лучше отозваться на все насущные нужды армии, чем генерал

Ману⁴. Вопрос лишь в том, удастся ли генералу Авереско, человеку без всяких связей в здешнем политическом мире, создать себе в парламенте настолько твердое положение, чтобы проводить свои требования дальнейших кредитов на армию, без чего невозможно выполнение широких мероприятий, намеченных бывшим военным министром, – вернее, главою армии – королем» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 42–43об.].

Дальнейшие события показали, что позиции Авереску во власти действительно оказались весьма непрочны, но из-за того что, в условиях отсутствия авторитета в политической среде, он стал пытаться лавировать между различными партиями. 7 января 1909 г. Занкевич писал: «Положение военного министра генерала Авереско, столь много сделавшего для румынской армии за двухлетний срок своего пребывания на этом посту, сильно пошатнулось с назначением нового министра-президента. Причина тому – дурные личные отношения, установившиеся между генералом Авереско и г. Братиано, для которого не составляет тайны, что генерал Авереско, не доверяя долговечности настоящего кабинета, как человек ловкий и предусмотрительный, в надежде обеспечить за собой министерский портфель и при новом правительстве, ищет сближения с г. Таке Ионеско – лидером консервативной партии, которая рано или поздно сменит либералов у власти; при той страстности, которую вносят в политическую борьбу румыны, подобного факта совершенно достаточно для возбуждения живейшей ненависти в министре-президенте к военному министру» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 50–51об.]. Примечателен в этом отношении комментарий полковника Занкевича: «Нам, конечно, не приходится сожалеть о затруднениях, испытываемых генералом Авереско в деле усовершенствования румынской армии и о возможном оставлении им поста военного министра, но для Румынии уход его с этого поста был бы большой потерей» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 50–51об.].

И на этот раз представитель русского Генштаба не ошибся. Всего два месяца спустя, в начале весны 1909 г., последовала отставка Авереску с поста военного министра. Современные румынские исследования подтверждают, что главной причиной стало резкое ухудшение отношений между Авереску и новым лидером правящей либеральной партии И. Брэтиану-младшим. Если с прежним премьер-министром Д. Стурдзой у Авереску были самые добрые отношения, то с его премьерником они не сложились с самого начала.

В начавшейся кампании травли Авереску со стороны оппозиции глава правительства, фактически, был на стороне его противников. Конкретные обвинения, которые выдвигались против военного министра, заключались в допущении фаворитизма в армии, злоупотреблений при снабжении продовольствием и фуражом, закупке и распродаже боеприпасов и, наконец, в попытках установить в офицерской среде систему доноительства. Премьер-министр предложил Авереску подать в отставку, тот отказался, и тогда Брэтиану 4(17) марта 1909 г. объявил об отставке всего кабинета, а король в тот же день поручил ему сформировать новое правительство. Естественно, в его состав Авереску уже не вошел. Руководство военным министерством было вверено далекому от армейских дел адвокату Томе Стелиану. П. Оту справедливо оценивает отставку Авереску как византийскую по стилю и лишенную такта со стороны его противников [1. Р. 77].

Занкевич докладывал по поводу этого события: «Причина вынужденной отставки генерала Авереско – партийные интриги министра-президента, г. Братиано; поводом же послужили раскрытые в военном министерстве злоупотребления – всегда существовавшие и в которых генерал Авереско лично не замешан.

---

⁴ Ману Георге (1833–1911) – румынский военный и государственный деятель, генерал, военный министр Румынии (1869–1870, 1888–1889, 1904–1906). Получил военное образование в Пруссии, служил в прусской армии. В последние годы жизни Ману характеризовался русской разведкой как дряхлый старик, совершенно оставший от развития военного дела, но сохранивший огромное политическое влияние в Румынии.

Помогли также делу свержения Авереско его пристрастность, неровность с подчиненными и высокомерие» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 52–53об.].

Представитель русского Генштаба высоко оценивал результаты деятельности Авереску в министерской должности. Он писал: «За свое двухлетнее пребывание на посту военного министра генерал Авереско коренным образом реорганизовал на современных началах румынскую пехоту, введя двухлетний срок службы под знаменами и упразднив плохо обученную пехоту переменного состава; взамен существовавших на бумаге кадров милиционных батальонов, созданы небольшие кадры резервных частей, долженствующих войти в состав полевой армии в военное время; им же положено начало новой организации полевой артиллерии, а распределение инженерных войск приведено в соответствие с потребностями военного времени; мобилизация армии разработана почти заново и поставлена на более рациональные основания; упорядочена подготовка офицеров резерва, составляющих 50% офицерского состава мобилизованной румынской армии. Таковы главнейшие мероприятия, проведенные генералом Авереско за короткий срок его министерства» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 52–53об.].

Также очень показательно, что сходным образом оценивал значение отставки Авереску с поста военного министра и представитель разведки другого потенциального противника Румынии – Болгарии. Полковник М.Н. Леонтьев в апреле 1909 г. передавал в Петербург сведения, полученные им от болгарского военного атташе в столице Румынии майора Станчева. В изложении Леонтьева эта информация звучала так: «Нет прямых доказательств, что генерал Авереско лично замешан в злоупотреблениях, которые ему ставятся в вину, тем не менее, общественное мнение сильно против него восстановлено. Вернее, что его подвели собственные подчиненные, включительно до генерального секретаря военного министерства, которого обвиняют в лихоимстве. Общая сумма злоупотреблений достигает 2,5 млн франков.

Возможно, что Авереско совсем уйдет со службы, так как, видимо, в военном министерстве создалось против него враждебное течение, что можно заключить хотя бы из сделанного ему предложения получить каларашскую бригаду, да еще под начальством генерала Зосима, которого он сам преследовал в свое время.

Только король и, отчасти, принц Фердинанд по-прежнему его поддерживают; уже после его ухода, очевидно, по указанию свыше, один из флигель-адъютантов короля высказывался в том смысле, что в случае войны именно Авереско должен быть назначен главнокомандующим.

Собственно с болгарской точки зрения уход Авереско нельзя не приветствовать. За время его пребывания у власти румынская армия сделала чрезвычайные успехи. С назначением Стелиана уже чувствуется упадок. Это адвокат, ничем не замечательный и в военных делах совершенно несведущий. Его положение тем более затруднительно, что избранный им самим ближайший помощник генеральный секретарь Ботеану⁵ – полный рамоли⁶, да и от природы человек крайне ограниченный» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 85–88об.].

Итак, и русская, и болгарская военные разведки считали, что отставка Авереску была благоприятным событием для противников Румынии. После ухода с министерского поста Авереску был назначен начальником 1-й пехотной дивизии, расположенной в придунайском городе Турну Северин (ныне Дробета-Турну Северин), на западной границе страны. Однако такой человек, как Авереску, не мог долго оставаться в тени. 18 ноября 1911 г. новый русский военный агент в Румынии полковник Е.А. Искрицкий докладывал о назначении Авереску на пост начальника Большого генерального штаба Румынии, что в тех условиях казалось

⁵ Ботяну Михаил – румынский военный деятель, в 1909–1910 гг. – генеральный секретарь военного министерства, бригадный генерал.

⁶ Рамоли (фр. ramolli – расслабленный), немощный, впавший в слабоумие человек.

событием совершенно неожиданным. По данным Искрицкого, король Кароль и военный министр Николае Филипеску приняли решение о выдвижении Авереску на этот ответственный пост в преддверии приближающихся военных осложнений на Балканах. Его предшественник, дивизионный генерал Василе Зотту⁷ характеризовался как человек вялый и безынициативный; его деятельность никак не отвечала сложной военно-политической обстановке тех месяцев.

Авереску был военным руководителем совершенно иного склада. Однако он уже успел стать заметной в политическом отношении фигурой и приобрести множество врагов, поэтому его назначение на пост главы Генштаба сопровождалось громким скандалом. Дело в том, что у власти в Румынии тогда находилась консервативная партия Александру Маргиломана, та самая, которая двумя годами ранее требовала отставки Авереску, выдвигая против него обвинения в коррупции и в насаждении шпионства в армии. Теперь же либеральная оппозиция громко вопрошала, почему консерваторы выдвигают Авереску на столь важную должность. Полковник Искрицкий писал: «Вся история назначения генерала Авереску показывает, во всяком случае, что нужны были очень серьезные причины военного характера, чтобы и король, и правительство осуществили это назначение, зная несомненно, какой шум оно поднимет в стране» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7347. Л. 8–8об.].

Эти «причины военного характера» заключались, прежде всего, в служебных достоинствах самого нового начальника Генштаба. Искрицкий докладывал: «Бригадный генерал Авереску в настоящее время имеет 52 года от роду. Это еще вполне бодрый, моложавый генерал кавалерийской складки. Он участник последней русско-турецкой войны, был уже и начальником генерального штаба (здесь Искрицкий допустил неточность; эту должность Авереску ранее не занимал. – *В. К.*), и военным министром (до 1909 года). Это один из немногих наиболее выдающихся и образованных генералов румынской армии, бывший профессор Бухарестской высшей военной школы и бывший военный атташе в Берлине. В армии имеет много приверженцев и еще больше врагов. В России бывал несколько раз (в Киеве, при генерале Драгомирове, ярим последователем идей которого он является) и к русским относится скорее доброжелательно [...] Во всяком случае, румынское военное министерство в лице генерала Авереску приобрело в настоящее тревожное время опытного, деятельного и толкового начальника генерального штаба» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7347. Л. 6–7].

Русский военный агент справедливо судил о профессиональных способностях Авереску, но, как представляется, сильно упрощал ситуацию, говоря о «скорее доброжелательном» отношении начальника румынского Генштаба к России. Именно в период пребывания Авереску на этом посту укрепились и еще более оформились союзнические отношения Румынии и враждебного России блока Центральных держав. В ноябре 1912 г. австрийскому Генштабу удалось добиться важных конкретных договоренностей с румынским союзником о совместных операциях в случае войны против России. В ходе поездки в Бухарест Ф. Конрада фон Гетцендорфа (в то время инспектора армии Габсбургской монархии), им и начальником Большого генштаба Румынии генералом Александру Авереску был подписан меморандум о совместных действиях австро-венгерской и румынской армий в случае войны против России [11. Вд. II. S. 363–364].

Да и сам полковник Искрицкий еще в конце 1911 г. из агентурных источников в штабе румынского IV армейского корпуса (Яссы) получал сведения о том, что после вступления Авереску в должность начальника Большого генерального штаба там стали деятельно разрабатывать оперативные планы действий IV корпу-

⁷ Зотту Василе (1853–1916) – румынский военный деятель, дивизионный генерал, начальник Большого генерального штаба Румынии в 1911 и 1914–1916 гг. Под впечатлением от поражений румынской армии в осенней кампании 1916 г. 12 ноября покончил жизнь самоубийством.

са на случай вторжения русских войск в Северную Молдавию, разрабатывались они совместно с генштабом Австро-Венгрии и при условии участия в боевых действиях австрийского трансильванского XII армейского корпуса совместно с румынскими войсками [7. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 43–43об.].

Во время Второй балканской войны Авереску занимал должность начальника полевого штаба румынской армии, главнокомандующим которой был наследный принц Фердинанд. Как докладывал полковник Искрицкий, все планы сосредоточения и похода румынских войск за Дунай, против Болгарии, были и разработаны, и претворены в жизнь при личном участии Авереску, который, по наблюдениям русского военного агента, «работал добросовестно и много» и умел настаивать на своем, несмотря на давнее недоброжелательство к нему в высших правительственных кругах [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3124. Л. 36].

В ту кампанию румынской армии не довелось сразиться с болгарями, однако вся мобилизационная и логистическая часть кампании была осуществлена вполне успешно и заслужила высокую оценку иностранных специалистов [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3123. Л. 16–35; Ед. хр. 3118. Л. 62–65].

Однако сразу же после Второй балканской войны в Румынии пало правительство консерваторов и к власти вернулись либералы во главе с Брэтиану, личным недругом Авереску. Последний сразу же был смещен с поста начальника Большого генерального штаба. Как вспоминал Конрад фон Гетцендорф, полученное им 10 декабря 1913 г. известие о предстоявшей отставке генерала Авереску явилось для него «новым ударом», поскольку это фактически означало прекращение действия прежних договоренностей. «В нем я нашел верного, рыцарственно мыслящего партнера», – вспоминал о генерале Авереску глава Генерального штаба Австро-Венгрии [11. Vd. III. S. 494].

Генерал фон Гетцендорф, вероятно, сильно бы удивился, если бы ему выпала возможность прочитать донесение полковника Занкевича от 5 марта 1909 г., написанное в разгар Боснийского кризиса: «Вчера я зашел к генералу Авереску сообщить о неимении препятствий к назначению капитана Хольбана военным агентом в Петербурге. “Что Вы скажете, генерал, о политическом положении настоящего времени?” “Разбой, настоящий разбой! – горячо ответил мне генерал Авереску. – Существование маленьких государств зиждется на международных договорах, безнаказанное нарушение их, создавая опасный прецедент, ставит будущее этих государств в зависимость от одной только грубой силы. Как мы можем при таких условиях относиться к поведению Австрии в ее конфликте с Сербией? Мне кажется, что Австрия не осмелилась бы вести себя с такою дерзостью, если бы ваши политические деятели в своих официальных выступлениях не заявляли, что Россия не хочет войны и к ней не готова; последнее, как мне представляется, и не верно; одна война, проигранная благодаря особо тяжелым условиям, которые в настоящем случае места иметь не будут, – не может ослабить такую силу, как Россия; если в вашей армии, как и во всякой другой, есть недочеты, они не так существенны”. “Мы не хотим войны, но и не боимся ее, генерал”, – сказал я. “Конечно, – ответил генерал Авереску, – тем более что в этой войне вы столкнетесь с противником, который по своим нравственным качествам будет стоять неизмеримо ниже японцев. Не думаю даже, чтобы Австрия могла бы быть существенно поддержана своей союзницей, которая ведь тоже не будет свободна. Положение ваше, в случае вооруженного конфликта на западной границе, по моему мнению, чрезвычайно выгодно.

К несчастью, у нас не все правильно понимают обстановку данного момента; да, впрочем, Вы сами знаете, какое ничтожество стоит теперь во главе нашего правительства”, – сказал генерал, намекая на своего личного врага – министра-президента г. Братиано.

“Скажу Вам, полковник, что при всех комбинациях будущего я лично всегда буду на стороне того, кто выступит на защиту международных договоров. Если у

вас будет война с австрийцами, – искренно и от души желаю Вам разбить их!”» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 54–57].

Думается, цитированные источники достаточно демонстрируют нам византизм натуры Авереску. Если во внутривластной жизни Румынии он пытался лавировать между либералами и консерваторами, то в вопросах международных отношений он внушал представителям обоих антагонистических лагерей великих держав, что его симпатии всецело на их стороне. Подобное лукавство никак нельзя признать образцом «рыцарственного мышления», но с точки зрения государственного и карьерного прагматизма – оно представляется вполне оправданным.

После отставки с поста начальника Большого генерального штаба Авереску получил назначение на должность командира 1-го армейского корпуса, со штабом в Крайове, на западе Румынии. Год спустя, в начале 1915 г., новый русский военный агент Генштаба полковник Б.А. Семенов характеризовал его следующим образом: «Считается везде и всеми лучшим генералом в румынской армии, и заменить его по уму и личным качествам мог бы только один генерал Христеску⁸. Генерал Авереску оставил пост начальника Генерального штаба из-за политических причин и не был в хороших отношениях с королем. Известно также, что он не пользуется особыми симпатиями настоящего главы румынского правительства Братиану. Был бы самым подходящим генералом в роли начальника штаба Верховного главнокомандующего. Прекрасно говорит по-русски, открыто выражает свои симпатии к России и тройственному соглашению» [7. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3091. Л. 231]. К тому времени огромное большинство румынского офицерства и генералитета было преисполнено антиавстрийских настроений, и потому не было ничего удивительного в том, что теперь и Авереску, «верный, рыцарственно мыслящий» союзник Конрада фон Гетцендорфа, всем демонстрировал русофильство и сочувствие лагерю Антанты.

По оценкам полковника Семенова и всех его предшественников, Авереску был бы лучшим начальником полевого штаба всей действующей румынской армии. Однако после вступления Румынии в Первую мировую войну этого назначения он так и не получил, возможно, вследствие все той же своей вражды с министром-председателем И. Братиану. Вместо этого Авереску был назначен командующим румынской 3-й армией, прикрывавшей дунайскую границу Румынии и Добруджу от удара со стороны Болгарии. Одновременно он стал командующим группой армий, в которую входили его 3-я армия и смешанная русско-румынская Добруджанская армия генерала от инфантерии А.М. Зайончковского.

Кампания на Дунае и в Добрудже осенью 1916 г. закончилась крайне неудачно для Румынии, однако то было следствием не столько полководческой некомпетентности Авереску, сколько общей несостоятельности румынской армии с точки зрения требований современной войны. Действия Авереску вызвали острые нарекания со стороны генерала Зайончковского. В разговоре по прямому проводу со штабом русского Юго-Западного фронта 11 сентября 1916 г. Зайончковский жаловался: «Эта переправа у Рахово готовится уже третью неделю и, да простит мне доблестный генерал Авереску, напоминает собою [...] иерихонские трубы: он маневрирует против выборного пункта переправы целыми дивизиями, открыто строит к берегу шоссе, делает фундаменты под тяжелые орудия, то есть все то, чтобы показать болгарам, где он хочет переправляться, то есть я вправе сказать, что он совсем не хочет переправляться» [7. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 405. Л. 148].

Речь шла о намеченном большом наступлении 3-й и Добруджанской армий против болгаро-германских сил. В итоге все вылилось в заведомо неудачную попытку армии Авереску форсировать Дунай у Флэмынды и в безуспешные кро-

---

⁸ Христеску Константин (1866–1922) – румынский военный деятель, в 1915 г. – бригадный генерал, помощник начальника Большого генерального штаба Румынии.

вопролитные атаки войск Зайончковского, так и не получившего обещанную помощь от 3-й армии. «Генерала надо прежде провести через нашу школу прапорщиков», – говорил Зайончковский, имея в виду не только Авереску, но и весь высший комсостав румынской армии. И продолжал: «Румынскую армию надо взять в наши руки, и она теперь сама дается. Без этого победы на румынском фронте не будет» [7. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 405. Л. 153]. Впрочем, и сам Авереску судил тогда об этом вполне трезво, что делает ему честь. В декабре 1916 г. он писал: «У меня впечатление, что с передачей высшего руководства фактически в руки русских дела пойдут лучше. Кончится дилетантизм, и чувство реальности придет на смену теоретическим метаниям» (цит. по [6. С. 243]). Кстати, тот же Зайончковский признавал за Авереску ряд достоинств и полагал возможным сотрудничество с ним, но при соблюдении ряда условий. В письме тогдашнему начальнику Штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву командующий Добруджанской армией писал, что Авереску – «человек высокого благородства, но человек предвзятой идеи и одностороннего взгляда», что «за ним должен был быть строгий надзор со стороны нашей Ставки в отношении планов операции, но не через очки партии Ильеско⁹, с которым они враги» [7. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 5/6. Л. 10–11].

Впереди генерала Авереску ожидала трудная, но славная и в целом успешная для румынского оружия кампания 1917 г., в которой 2-я армия Авереску добилась выдающихся побед в сражениях при Мэрэшти и Ойтузе. Затем генералу предстояло восхождение к вершинам публичной политики и государственной власти. Однако на этом и следующих этапах за будущим румынским маршалом наблюдали уже другие секретные службы, в том числе и Советской России, а военная разведка Российской империи, выполнив отведенные ей историей задачи, канула в прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Otu P.* Mareşalul Alexandru Averescu: militarul, omul politic, legenda. Bucureşti, 2009.
2. *Averescu A.* Notiţe zilnice din război. Bucureşti, 1992. Vol. I–II.
3. *Averescu A.* Operaţiile dela Flămânda. [Bucureşti], [1930?].
4. *Stoika A.* Activitatea D-lui General Averescu înainte, în timp şi după război. Bucureşti, 1919.
5. *Vlădescu M.C.* Generalul Averescu: sămănătorul de ofensive. Bucureşti, 1923.
6. *Филиппенко А.* Александру Авереску – румынский маршал из села Озерное // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Одесса, 2007. Вып. 4.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
8. *Averescu A.* Misiunea mea în Rusia în vara anului 1899. Bucureşti, 1901.
9. *Рябинин-Скляревский А.* Оккупация Бессарабии Румынией // Летопись революции. 1925. № 1 (10).
10. *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года в Румынии. М., 1958.
11. *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Wien; Leipzig; München, 1922. Bd. II–III.

---

⁹ Илиеску Думитру – румынский военный деятель, в 1916 г. – бригадный генерал, генеральный секретарь военного министерства, выдвиженец И. Брэтиану.

© 2014 г. А.А. ТИМОШИНОВ

ПОЛЬСКИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА СТОРОНЕ РОССИИ В 1914–1915 ГОДАХ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием первых добровольческих отрядов в Царстве Польском в начале Первой мировой войны, которые принимали участие в боевых действиях на стороне России.

The article considers issues related to the organisation of the first volunteer corps in the Kingdom of Poland at the beginning of World War One, which were taking place in the warfare on the Russian side.

Ключевые слова: Польша, Первая мировая война, добровольцы.

В комплексе противоречий в Европе, обусловившем вступление царской России в Первую мировую войну, проблема судьбы разделенной Польши, так называемый польский вопрос, и планы захвата польских земель играли весьма существенную роль. Исключительно большое военно-стратегическое значение имели в ходе войны и сами входившие в состав империи польские земли, поскольку именно здесь в 1914–1916 гг. развернулись основные военные действия на Восточном фронте. Поэтому отношение к войне населения Царства Польского стало для России очень существенным как военным, так и политическим фактором.

Одним из показателей позиции поляков в начавшейся войне стало добровольческое движение. Его значение подтверждается также и тем, что в годы войны национальные добровольческие формирования, в том числе и польские, создавались на восточном театре военных действий как державами Антанты, так и Германией и ее союзниками.

В отечественной историографии Царству Польскому в годы войны уделено немного внимания, как и истории добровольческого движения в Привислинском крае. Лишь во втором томе «Истории Польши» (1955) достаточно подробно освещается создание добровольческих формирований на стороне России [1. С. 631–657]. Представляется, что в этом нашла отражение характерная тенденция в советской исторической науке, когда специалисты по российской и всеобщей истории, не владевшие польским языком, мало знакомые с источниками и литературой по истории Польши, сознательно избегали обращения к польской проблематике. Последняя оставалась в сфере научных интересов преимущественно историков-полонистов. Особое место среди работ, вышедших в 1960-е годы, занимает сборник статей «Первая мировая война. 1914–1918» и помещенная в нем статья И.И. Белякевича [2], в которой автор довольно подробно и непредвзято рассматривает историю создания польских добровольческих формирований на стороне российской армии, используя при этом практически только документы как польских, так и российских (советских) архивов.

Таким образом, задачей настоящей статьи является обобщение материалов российской и польской литературы по истории добровольческих формирований в Царстве Польском до его оккупации германскими войсками с привлечением вновь выявленных архивных документов и материалов периодической печати 1914–1915 гг.

С началом Первой мировой войны, сознавая военно-политическое и стратегическое значение Царства Польского и стремясь привлечь на сторону России симпатии населения польских земель и прежде всего Привислинского края, царское правительство решило обратиться к полякам с особой декларацией. Чтобы она не воспринималась как высочайший манифест, было решено издать ее от имени верховного главнокомандующего русской армией. Принималось в расчет и то, что со времен Петра I декларации российских главнокомандующих были одной из важнейших форм обращений российских властей к Речи Посполитой как к дружественной стране и своему союзнику.

Воззвание главнокомандующего в. кн. Николая Николаевича было опубликовано 1(14) августа 1914 г. главным образом с целью избежать трудностей при наборе поляков в русскую армию. Кроме того, посредством обещаний в будущем уступок национальным требованиям, правительство рассчитывало предотвратить угрозу нового польского восстания, страшившую царский режим [3. С. 15].

Воззвание главнокомандующего всколыхнуло польское общество, тысячи поляков, подлежащих призыву на военную службу, с охотой шли в российскую армию. Цели инициаторов воззвания были достигнуты, хотя они и не предприняли никаких шагов по реализации его положений. Воззвание зачитывали в переполненных костелах [4. 24 VIII], согласно официальным свидетельствам, оно было с энтузиазмом встречено населением, несмотря на декларативный характер. Перед лицом угрозы германского наступления мобилизация поляков в русскую армию прошла успешно. Развернулось и добровольческое движение. Однако участие в нем поляков ограничивалось рядом препятствий административного характера, обусловленных порядком поступления на службу в армию. Во-первых, добровольчество было возможным только для тех, кто был военнообязанным, но не состоял на действительной службе и не был резервистом или ратником первого разряда, вследствие чего не попадал под немедленную мобилизацию. Во-вторых, помимо военнообязанных существовало много людей, которые хотели, повинувшись долгу защитников Отечества, поступить на военную службу, однако по тем или иным формальным причинам не могли быть приняты в армию даже в качестве добровольцев.

Порыв жителей Царства Польского стал полной неожиданностью для властей. По свидетельству военного министра В.А. Сухомлинова, военное ведомство и администрация в целом даже не предполагали, что в военное время в Польше могут быть добровольцы [5. С. 207]. Известны случаи, когда поляки добирались до призывных пунктов даже с территорий, занятых войсками Центральных держав, несмотря на немецкий приказ о расстреле за это российских подданных на месте (см., например [6. 1 VIII]).

Иногда зачисление добровольцев в действующую армию затягивалось на несколько недель. Случалось, что записавшиеся, не выдержав ожидания, уходили домой, что могло трактоваться как дезертирство. Так, в Плоцком уезде в течение первой недели мобилизации из около двух тысяч призывников, явившихся на сборный пункт, более двухсот тут же вернулись назад [5. С. 207], столкнувшись с перспективой остаться в бездействии на длительное время. Однако подобные примеры были редкими.

Как и поляки, сражавшиеся в частях действующей армии, добровольцы, в нее не зачисленные и также стремившиеся участием в боях с врагом доказать верность императору и тем подтвердить право страны обрести автономию, вступали в партизанские отряды или в создаваемые в дальнейшем легионы.

Организация такого рода партизанских объединений стала возможной благодаря частной инициативе снизу, возникшей в среде самого польского населения [7. С. 181], особенно в деревнях, где такие созданные в целях самообороны отряды вели борьбу с врагом. Уже в августе 1914 г. отмечался значительный рост партизанского движения на большей части территории Царства Польского. По сообщению «Петроградских ведомостей» в Келецкой и Петроковской губерний организовывались партизанские отряды из крестьян и рабочих для борьбы с австрийскими и германскими разведывательными разъездами [4. 22 VIII].

Большое значение имели попытки создания добровольческих отрядов частными лицами. Широкою известность получили созданное в Варшаве с разрешения властей преподавателем келецкой гимназии Бонавентурой Снарским вербовочное бюро и набранный им отряд в 150–200 человек под польским командованием. Это стало свидетельством формирования на территории Царства Польского практически независимого от администрации военно-мобилизационного учреждения и созданных им военных отрядов. Осознав опасность, уже осенью 1914 г. власти его распустили, а бойцы присоединились к другим партизанским объединениям [7. С. 181].

Другой случай создания аналогичных формирований описан в докладной записке холмского губернатора Б.Д. Кашкарова министру внутренних дел России Н.А. Маклакову [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3882. Л. 1–1об.] о намерении помещика Станислава Домашовского организовать за свой счет отряд из ста конных добровольцев [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3882. Л. 2]. При этом тот ссылался на состоявшееся в Варшаве 3 августа 1914 г. совещание польских землевладельцев, на котором, в ответ на воззвание Николая Николаевича, было решено не ограничиваться лишь посылкой верноподданных телеграмм царю, а выступить с оружием в руках против «общего врага славянства». По мнению участников съезда, можно ожидать формирования землевладельцами до сотни таких отрядов. Их создание, по словам Домашовского, не только продемонстрировало бы приграничному и зарубежному польскому населению ложность утверждений правительств Центральных держав о якобы враждебном отношении польского населения к русскому народу, но и побудило бы сформированные австрийцами польские Сокольские отряды не только сложить оружие, но и перейти на сторону России. Домашовский предлагал назначить в формируемые отряды десять офицеров из действующей русской армии, в первую очередь для поддержания в них дисциплины и воинского порядка и уже во вторую очередь для какого-то политического надзора над поляками [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3882. Л. 1об.].

В начале октября 1914 г. прикомандированный к Павлоградскому гусарскому полку старший унтер-офицер запаса граф Владимир Тышкевич [8. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 555. Л. 295] на собственные средства сформировал отряд из 150 добровольцев-поляков [7. С. 181], исключительно кавалеристов. Он отмечал, что, если командование эскадрона будет поручено ротмистру действительной службы, то все произведенные на время его формирования из штатских офицеры станут в ряды легионеров в звании нижних чинов или прапорщиков [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2879. Л. 41], продемонстрировав намерение поставить добровольческий отряд под контроль офицеров действительной военной службы, даже за счет понижения польских офицеров эскадрона в чине.

Самое значительное военное формирование собиралась создать группа польских депутатов Государственной думы. 17 сентября 1914 г. национальные демократы Виктор Яроньский и Зигмунт Балицкий представили главнокомандующему и начальнику штаба главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу проект создания польского легиона как соединения русской армии. Командный состав легиона формировался из офицеров русской армии польского происхождения, но снабжался «лошадьми и упряжью – за счет польского народа». Легион должен был состоять из трех родов войск (пехоты, кавалерии и артиллерии). Военная форма

легионеров планировалась отличной от русской армии [7. S. 182]. Проект Яроньского и Балицкого был первым, где содержались предложения о формировании польского легиона именно с польским командованием, в чем нетрудно было усмотреть намерение не только драться с общим врагом, но самостоятельно сражаться за свое будущее.

Инициативы по созданию добровольческих формирований были предприняты в ответ на воззвание в. кн. Николая Николаевича и продиктованы национальными и патриотическими мотивами. Однако содержание последних представляется в значительной мере двойственным. С одной стороны, большинство населения Царства Польского расценивало опасность германизации как более серьезную угрозу национальному бытию Польши, нежели подчинение России. Эти настроения в полной мере отразили Роман Дмовский и возглавляемые им национальные демократы. В интервью «Русским ведомостям» лидер польских эндеков отметил, что «вся Польша соединится под великим словом (воззвания. – А.Т.) для того, чтобы выступить против общего врага – Германии» [6. 3 VIII]. Об основном противнике поляков напоминали и слова воззвания: «Не заржавел еще меч, который разил врага под Грюнвальдом».

Из всех известных случаев организации добровольческого движения о борьбе с монархией Габсбургов и об австрийских войсках как об основном противнике речь идет только в проекте Домашовского. Подавляющее же большинство поляков считали основным противником Германию, что подтверждается многочисленными источниками. Эта же мысль лежала в основе планов российского командования по использованию польских добровольческих формирований. Генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем Ю.Н. Данилов отмечал, что было бы более правильным использовать эти отряды лишь на левом берегу Вислы и особенно на тех участках фронта, где действуют германские войска. При этом направление польских легионов в Галицию, по его мнению, было нежелательно, ибо это могло вызвать политические осложнения [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 18].

С другой стороны, создание польских вооруженных формирований, системы их мобилизации, снабжения и тылового обеспечения неизбежно ставило вопрос об обретении польским национальным движением собственных вооруженных сил, которые при определенном стечении обстоятельств могли бы послужить инструментом польского суверенитета и быть направлены для достижения национальной независимости как против Германии и Австро-Венгрии, так и против России. Эту опасность несколько не исключало присутствие в польских формированиях русских офицеров, тем более польского происхождения. Следует иметь в виду, что отмеченные угрозы были отнюдь не гипотетическими: соответствующие планы имелись у радикального крыла польского освободительного движения.

В отличие от стихийных групп крестьянской самообороны, существенной чертой изложенных планов по формированию добровольческих отрядов (легионов) был их дворянский характер. Не случайно инициаторы ссылались на мнение съезда польских землевладельцев в августе 1914 г. и указывали, что отряды эти будут состоять из кавалеристов, что явно свидетельствовало об их шляхетском характере. Из этого следует, что именно интересы помещиков эти отряды защищали бы в первую очередь, а их создание должно было напомнить русскому правительству трагическую историю Польского восстания 1863–1864 гг., когда против России воевали аналогичные шляхетские «партии».

Добровольческие кавалерийских отрядов на национальной основе в Царстве Польском в начале Первой мировой войны было создано немного, да и по составу были они немногочисленные – в документах упоминаются формирования численностью не более 200 человек. Предполагалось использовать их как мелкие маневренные подразделения, не предназначенные непосредственно для ведения боевых действий совместно с регулярными частями русской армии. К таким от-

рядам поляки для поддержания дисциплины хотели прикомандировать офицеров из русской армии. Когда же в дальнейшем возник вопрос о привлечении в подобные формирования офицеров-поляков, такие предложения были отвергнуты российским военным командованием.

В отличие от проекта создания польского легиона представителей польской депутатской группы в Государственной думе Яроньского и Балицкого, успехом увенчалась другая инициатива, исходившая от помещика Витольда Остой-Горчиньского, владельца поместья Аукштельки в Ковенской губернии. В телеграмме, посланной им в. кн. Николаю Николаевичу, говорилось, «что лишь державная коалиция сможет дать нам после войны единую и независимую Польшу и что каждый из поляков должен [...] помогать всеми силами борьбе против германцев», поэтому Горчиньский «настойчиво просил [...] о разрешении формирования польских легионов для помощи русской армии, а тем самым коалиции» [7. S. 181]. Уже 15 сентября 1914 г. ему было дано подобное разрешение: отряд должен был находиться на кормовом довольствии военного ведомства, а все остальное следовало приобретать за собственный счет [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 2].

4 октября начальник штаба верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич приказал согласовать меры по формированию отряда с командующим Юго-Западным фронтом генералом Н.И. Ивановым [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 6] и в адресованном тому 30 октября обширнейшем пояснении указал, что образование Горчиньским отряда было допущено в виду выраженного самим Ивановым желания как исключение и лишь в качестве опыта. Согласно пояснению, отряд являлся добровольческим, предназначался для партизанских действий, согласованных с общими боевыми задачами и подчинялся войсковому начальству. Добровольческий и партизанский характер отряда, по предписанию Янушкевича, не требовал введения каких-либо уставных и организационных норм (включая вопросы командного состава, языка на службе и обмундирования). Оговаривалось только, что в состав отряда не разрешалось принимать состоявших в запасе, равно как молодых людей, подлежащих призыву на действительную службу в 1914 и 1915 гг. Вооружение и снабжение отряда должно было осуществляться из средств Юго-Западного фронта, если командующий сочтет это возможным без ущерба для русских войск. На отряд Горчиньского распространялись правила (права и обязанности), установленные для дружин государственного ополчения, и предусматривалось, что такие польские ополченческие дружины будут иметь командный состав из офицеров русской службы [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 9–10].

Поддержанная командованием русской армии инициатива Горчиньского по формированию польских легионов встретила отклик среди поляков. Число добровольцев в октябре 1914 г. в Царстве Польском непрерывно возрастало. Помещений для их расквартирования не хватало, поэтому дислокацию легионов перевели с прежних мест (из здания земской стражи в Белянах и дома на Каменьковской улице в Праге, под Варшавой [7. S. 185]) в Лесной и агротехнический институт в Пулавах. Позже для этого были выделены казармы в Люблине [7. S. 190]. Поэтому создаваемые легионы стали именоваться Пулавским и Люблинским.

9 ноября Горчиньским совместно с Яном Залуским было написано воззвание, в котором говорилось, что легионы будут «упреждать, затруднять и ослаблять движение немецких войск в Польше, умерять злодеяния их отдельных отрядов, делать все, чтобы как можно скорее изгнать прусского варвара с нашей земли и вместе с российской армией совершить великое для всего человечества дело – сокрушить прусскую военную мощь». Сначала воззвание распространили в Хелме и Бресте, несколько позже, 30 ноября, состоялась встреча Горчиньского с жителями Варшавы, после которой агитация за вступление в легионы стала проводиться и в столице, а в дальнейшем – в Восточной Галиции, занятой к тому времени русскими войсками. Правда здесь она не нашла поддержки даже среди

галицийцев, ориентировавшихся на Россию. Говоря об источниках пополнения рядов добровольцев «Gazeta Warszawska» в январе 1915 г. писала, что «поляки, которые служат в рядах русской армии, имеют право перейти в легионы. Число обученных военных в них могло бы возрасти также за счет пленных австрийских военных – поляков по происхождению, если бы они захотели записаться в легионы. Для борьбы с немцами, как рассчитывали организаторы добровольческого движения, желающих должно найтись достаточно» [9].

Задачи, организационная структура и правовой статус легионов были определены начальником штаба армий Юго-Западного фронта М.В. Алексеевым [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 12] и установлены приказом Н.И. Иванова 30 ноября 1914 г. В нем говорилось, что отдельные пешие отряды, называемые легионами, по штатной структуре будут соответствовать русским дружинам (батальонам), а конные отряды – сотням (эскадронам) кавалерии. Командный состав легионов комплектовался из уволенных со службы офицеров русской армии, а рядовые вербовались из лиц, прошедших ранее военное обучение, но не призванных на военную службу, а также из людей, кто в 1915 г. еще не подлежал мобилизации. Таким образом, русское командование принимало меры, дабы добровольческое движение не повлияло на сокращение армейского призывного контингента в 1915 г. Косвенно это обстоятельство опровергает распространенное в польской военной историографии мнение, что польские добровольцы якобы таким способом пытались избежать призыва в русскую армию. Вооружение, снабжение и довольствие легионов осуществлялось русской армией, за исключением обмундирования, которое легионеры должны были приобретать самостоятельно. Вероятно, это было связано с тем, что для легионов устанавливалась особая, отличная от русской, военная форма одежды.

Горчинский выхлопотал для легионов право иметь свое знамя, что было одобрено М.В. Алексеевым, и сам разработал его эскиз: красное с фиолетовым оттенком полотнище с изображением Ченстоховской Божьей Матери и с надписью: «Польские легионы 1914 г.». На верху древка должна была помещаться массивная фигура белого орла, но, поскольку не было соответствующего позволения, ее вклучивали лишь во время боя [7. С. 187]. Такого же цвета предполагалось сделать и отдельные детали обмундирования, например, тулью фуражки.

В работе по созданию польских легионов и в сложившейся вокруг общественно-политической ситуации вскоре произошла радикальная перемена. Причиной этому послужило создание Польского национального комитета (ПНК) в Варшаве. Во главе его стал Зигмунт Велёпольский-младший, а управление исполнительным отделом осуществлял Роман Дмовский. Интерес прорусски настроенных слоев польской аристократии и буржуазных верхов, а также лидеров национальных демократов, выступавших за соглашение с русским правительством на основе предоставления Польше автономии, к польским вооруженным формированиям проявился уже в конце ноября 1914 г. Это выразилось во встрече в Варшаве представителей комитета с Горчинским. Поддержка добровольческого движения со стороны национального комитета зависела от изменения статуса польских легионов и преобразования их в регулярную армию. При этом было высказано два пожелания. Во-первых, чтобы формируемым легионам был придан характер регулярных частей, составляющих неразрывное целое с русской армией. Во-вторых, чтобы привлечь к участию в формировании этих легионов лицо, более популярное в среде польского населения, чем помещик Горчинский, а также более сведущее как практически, так и теоретически, в военном деле. Популярный и пользующийся поддержкой в польских верхах генерал, опирающийся на организованную и вооруженную военную силу, был бы при известных условиях вполне перспективным кандидатом в диктаторы, что сознавали и российские власти, а именно от них целиком зависело решение о содействии польскому добровольчес-

кому движению, о целях и методах формирования добровольческих отрядов. В итоге переговоры Горчиньского с ПНК ни к чему не привели.

Одним из существенных направлений развития польского добровольческого движения было вовлечение в него поляков из-за рубежа. Вопрос этот оживленно обсуждался как в среде польских элит, так и в прессе. В ПНК высказывалось мнение, что, помимо ожидающегося прилива добровольцев в легионы, как следствие моральной поддержки этому формированию со стороны общества, следует ожидать прибытия из Америки 10-тысячного отряда, организованного в США спортивным обществом «Сокол». По этому поводу уже с начала войны велась переписка с эмигрантами-поляками, которые заявили о готовности немедленно прибыть в Россию, как только вопрос о формировании польских дружин будет решен положительно. По призыву Горчиньского из Америки приехали два представителя общества – Леон Сулковский и Адам Трыгар – исключительно с целью ознакомиться с перспективами развития легионов и их деятельности. Они отправили своим друзьям в Америку зашифрованную телеграмму, в которой констатировалось, что легионы признаны правительством и все ожидают приезда «американских соколов» с большим нетерпением. Американские поляки не намеривались сотрудничать с русским правительством и отправились воевать во Францию.

В декабре 1914 – январе 1915 гг. русским командованием и ПНК был предпринят ряд шагов по преобразованию польских добровольческих легионов в регулярные части русской армии. Дискуссионным в историографии по сей день остается вопрос об инициаторе этой трансформации. Для военного руководства России было ясно, что в 1915 г. территория Царства Польского станет главным театром военных действий на Восточном фронте, где, с одной стороны, русские войска готовились к взятию Перемышля, а с другой – немецкие дивизии стягивались для контрнаступления в Восточной Пруссии и Карпатах. В таких условиях в первую очередь политическое значение польских добровольческих формирований трудно было переоценить. Этим, в частности, было продиктовано адресованное 31 декабря 1914 г. Н.И. Иванову предложение М.В. Алексева о преобразовании легионов в дружины [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 20], т.е. о придании им статуса регулярных воинских частей.

С аналогичными требованиями выступал и ПНК. И они не остались без внимания. Уже 12 января 1915 г. квартирмейстер Юго-Западного фронта П.П. Лебедев разрешил преобразовать «партизанский» Пулавский легион в регулярную часть русской армии [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 20]. На следующий день ПНК издал распоряжение о создании Организационного комитета, а 24 января выступил с обращением, ознакомив с этим постановлением польскую общественность, провозгласив себя, таким образом, политическим руководителем легионов. Организационный комитет возглавил Эдмунд Свидзиньский (начальник легионов), членами комитета были Людомир Стемповский (заместитель), Петр Шимановский (казначей), В. Горчиньский (шеф организационного бюро) и др. После начала работы Горчиньского в ПНК командиром Пулавского легиона стал подполковник Антоний Реутт [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 21]. Главное вербовочное бюро в Варшаве координировало работу семи региональных отделений (в Варшаве, Седльцах, Ломже, Люблине, Киеве, Сувалках и Плоньске).

В обращении ПНК говорилось также, что создание легиона должно послужить в дальнейшем воссозданию регулярной польской армии, и только такая перспектива была бы поддержана польским народом. Помимо организации частей с польским командованием Организационный комитет планировал создание польских офицерских и унтер-офицерских школ, а также требовал, чтобы офицерам-полякам было разрешено оставлять службу в русской армии для вступления в польские войска. В связи с этим «Gazeta Warszawska» недвусмысленно предлагала русскому командованию «запомнить из обращения Национального комитета,

что поляки, которые служат в рядах русской армии, имеют право перейти в легионы», а также предлагала увеличить число обученных военных в легионах за счет пленных австрийцев [9].

И все же русское командование не намеревалось содействовать замыслам и проектам ПНК и Организационного комитета, не рассматривая эти организации как официальные органы и проводя в жизнь собственную программу создания польских добровольческих формирований. Н.Н. Янушкевич подчеркивал, что, как было оговорено ранее, в случае придания легионам характера регулярных частей, они должны быть обычными ополченческими дружинами, а не легионами, и иметь общую с остальными дружинами форму, русский командный язык и русских офицеров. При этом, по словам начальника штаба главнокомандующего, ему безразлично, знают последние польский язык или нет [9. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 33]. Рост числа добровольцев и сопутствующий ему рост национальных акцентов вызвали беспокойство у российских властей, в особенности у варшавского генерал-губернатора П.Н. Енгалычева, который еще раньше квалифицировал акт создания польских вооруженных формирований как незаконный и добивался от царя их роспуска. По его настояниям Николай II потребовал от главнокомандующего упразднить легионы. Сформированные отряды были зачислены в русское народное ополчение и подчинены не армейскому командованию, а генерал-губернатору [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 47]. В итоге приказом главнокомандующего от 31 января 1915 г. [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 63] было создано управление 104-й бригады государственного ополчения. Внешним результатом навязанных изменений была смена названий легионов. Пулавский был переименован в 739-ю Новоалександровскую дружину. Люблинский – в 740-ю, а первый и второй эскадроны улан стали соответственно 104-й и 105-й сотнями народного ополчения. Было отменено право на командование легионами на польском языке и создание артиллерийских подразделений.

Формирование легионов натолкнулось на различного рода административные препятствия, которые возникали вследствие бюрократической неповоротливости, однако носили и черты осознанного саботажа. Оказалось невозможным предоставление казарм в Люблинской губернии (Бяла-Подляска), отменены торжества по поводу вручения знамен, которые предполагались в варшавском кафедральном соборе св. Яна [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 23]. Позже были запрещены и сами знамена, что Н.Н. Янушкевич объяснил следующим образом: «Переходя далее к вопросу о хоругвях для дружин, долгом считаю указать, что присвоение таких признается недопустимым. К этому приводит то соображение, что в случае пожалования в будущем знамен за боевые подвиги, хоругви пришлось бы изъять, а это вызвало бы немало кривотолков» [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 45об.]. На улицах Варшавы стали случаться «ошибочные» задержания легионеров, которых принимали за лиц, подозреваемых в ведении вражеской пропаганды.

Систематическое ограничение свободы деятельности Организационного комитета польских легионов вынудило генерала Э. Свидзиньского сначала подготовить памятную записку [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3882. Л. 88–90об.], в которой он требовал предоставления дополнительного обмундирования и помещений для польских легионов, а после того, как его шаг проигнорировали, подать в отставку. С его отставкой был полностью остановлен набор добровольцев и ликвидировано вербовочное бюро. Добровольная отставка Свидзиньского может считаться концом формирования Пулавского и Люблинского легионов.

Весной 1915 г. наступил резкий спад вербовки добровольцев. Это объяснялось не только политикой российских властей в отношении польского добровольческого движения, противодействовавших национальным устремлениям поляков и опасавшихся даже самого ограниченного возрождения польских вооруженных сил. Главная причина состояла в изменении обстановки на фронте. К весне рус-

ские войска были вытеснены из Восточной Пруссии, а после Горлицкого прорыва в Карпатах в начале мая положение русской армии на территории Царства Польского стало крайне тяжелым. Отступление за Вислу и далее в Россию стало неизбежным. В этих условиях защита Польши как цель добровольческого движения утратила свою социальную базу. В мае 1915 г. армейские части, сформированные на основе бывшего Пулавского легиона, вступили в бой с немцами у Пакослава. С боями они отступали вместе с русской армией. Последний бой на польской земле они приняли у местечка Зельва, а в октябре 1915 г. уже в Белоруссии вошли в состав Полесской стрелковой бригады.

Точно определить численность личного состава легионов достаточно сложно, однако совершенно точно, что итоговый результат был многократно меньше ожидаемого. В беседе с журналистом газеты «Dzieln» в ноябре 1914 г. В. Горчинский на вопрос, сколько поляков он намерен собрать в польские легионы, ответил, что планирует набрать в целом 50 тыс. чел., то есть целый корпус [10]. Между тем, к концу 1914 г. численность легиона составляла всего лишь 400 чел., причем генерал Алексеев в телеграмме командующему фронту Иванову отмечал, что формирование в Ново-Александрии помещиком Горчинским польского легиона почти закончено и что «спустя месяц, возможно будет его направить в действующую армию для боевых задач» [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2878. Л. 20]. В таком случае обещание Горчинского, данное командующему Юго-Западным фронтом Н.И. Иванову 20 октября 1914 г., в течение двух недель набрать 10 тыс. дружинников, было очевидно, невыполнимо [8. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3882. Л. 5]. В марте 1915 г. во всех легионах насчитывалось не более 500 добровольцев [7. S. 193]. Всего же в период с осени 1914 г. по осень 1915 г. в составе польских образований, выступающих на стороне российской армии, находилось около 2,5 тыс. добровольцев [7. S. 198].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Польши. М., 1955. Т. 2.
2. *Белякевич И.И.* Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время Первой мировой войны // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968.
3. *Иванов Ю.В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. М., 2002.
4. Петроградские ведомости. 1914.
5. Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999.
6. Русские ведомости. 1914.
7. *Wrzosek M.* Polski czyn zbrojny podczas Pierwszej wojny światowej. Warszawa, 1990.
8. Российский государственный военно-исторический архив.
9. Gazeta warszawska. 1915. 27 I.
10. Dzień. Gazeta bezpartyjna. 1914. 27 XI.

© 2014 г. Т.Н. ГАЛЧЕВА, И.В. ГОЛУБОВИЧ

ПИСЬМА П.М. БИЦИЛЛИ К Н.И. АСТРОВУ О В.А. МЯКОТИНЕ

В публикации представлены три письма П.М. Бицилли по поводу назначения В.А. Мякотина преподавателем Софийского университета.

The article presents three letters of Petr Bitsilli on the occasion of Venedict Myakotin's appointment as a lecturer at the University of Sofia.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, В.А. Мякотин, Софийский университет, русские преподаватели-эмигранты.

Эмигрантская судьба проф. Венедикта Александровича Мякотина (1867–1937), одного из пассажиров «философского парохода»¹, оказалась в значительной степени связанной с историей Софийского университета им. св. Климента Охридского в Болгарии², но по сей день не выяснено как и почему это случилось. Первый биобиблиографический очерк о выдающемся ученом почти 60 лет оставался неопубликованным, т.е. – непрокомментированным, хотя в Интернете доступен раздел работы [3] представителя русской эмиграции в Болгарии князя Андрея Павловича Мещерского (1915–1992) (см. [4. С. 583–604]), включенный в его исследование «Заметки и материалы к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии» (1955, рукопись)³. Нет сомнения в том, что зять проф. Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) использовал материалы из личного архива проф. В.А. Мякотина, более того, в его распоряжении оказа-

---

Галчева Таня Неделчева – филолог, независимый исследователь (София).

Голубович Инна Владимировна – д-р философ. наук., профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

¹ Мы использовали как источник опубликованный в 2003 г. перечень лиц, высланных за границу в 1922–1923 гг., где имя В.А. Мякотина числится под номером 46.

² В перечне воспроизведено ошибочное утверждение, что профессор «возглавлял кафедру истории в Софийском университете» [1] (цит. по [2]).

³ В Болгарии, в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, когда вопрос о наследии русской эмиграции стал обсуждаться историками, философами, филологами, некоторые исследователи имели доступ к личному архиву Андрея Павловича, где хранился экземпляр его рукописи. К сегодняшнему дню издана небольшая часть «Заметок» – биографический очерк о Николае Сергеевиче Трубецком, первая и единственная публикация, которая застала автора в живых и для которой он специально написал свое предисловие [5]. В 2000 г. в приложении к сборнику Петра Михайловича Бицилли из рукописи кн. Мещерского напечатана вступительная часть «Заметок», а также биография П.М. Бицилли (см. [6]).

Сравнительно недавно реализованной и, к сожалению, не особенно популярной, осталась работа А.Н. Горяинова, в которой очерк об Эрвине Давидовиче Гримме воспроизведен с машинописного текста и прокомментирован (см. [7]).

лись личные документы, записки, а также книга, подаренная историком дочери – Нине Венедиктовне Мякотиной (1911–1998)⁴.

Несмотря на это, вопрос о переезде из Праги в Софию не занимал большое место в первой биобиблиографии А.П. Мещерского, он ограничился только упоминанием о том, что: «Прожив в Праге до конца 1927, В.А. Мякотин переехал в Софию, приняв предложение Софийского университета занять кафедру ординарного профессора по истории Восточной Европы. Первый контракт был подписан проф. В.А. Мякотиным 24 января 1928 г., с каковой даты и началась его преподавательская деятельность в стенах Софийского университета» [9. С. 3]⁵. В этих двух предложениях содержатся утверждения, которые затем многократно воспроизводились в историографии и их историческая правдивость не подвергалась сомнению. Наша реконструкция событий показывает неточность этих утверждений: не Софийский университет приглашал В.А. Мякотина, да и самостоятельную кафедру в нем он не занимал.

На состоявшейся в столице Болгарии в 1990-х годах конференции, посвященной изучению проблем белой эмиграции в Болгарии, болгарский исследователь Мария Велева выступила с докладом о жизни и наследии преподавателя истории России в Софийском университете; сборник докладов этого форума вышел несколько позже [10]. В нем впервые биографический материал был восстановлен на основе открытых протоколов Академического совета Софийского университета и корректно разграничен на установленные факты и исследовательские предположения. Публикуемые письма П.М. Бицилли дают с большой вероятностью ответ на вопрос, который М. Велева совершенно основательно сформулировала пятнадцать лет тому назад: «Из располагаемых нами документов, нельзя установить когда точно, как, почему и с помощью кого В.А. Мякотин обратился к болгарским властям, чтобы предложить свои услуги в качестве профессора» (цит. по [10. С. 134]).

В 2002 г. в Болгарии была составлена опись документов, хранящихся в архиве Софийского университета; именно тогда выяснилось наличие служебных дел некоторых преподавателей – русских эмигрантов первой волны. В конце 2013 г. опубликованы два доклада проф. П.М. Бицилли в связи с назначением проф. В.А. Мякотина на должность ординарного профессора историко-филологического факультета [11. С. 253–257]. К сожалению, они не снабжены научными комментариями и поэтому факты, установленные М. Велевой, не были сопоставлены со сведениями докладов. В качестве отправной точки для дальнейшего исследования доклады Бицилли более чем интересны. Во-первых, они содержат описание затруднений при выборе профессора: «Академический совет не воспринял мнение Историко-филологического факультета о выборе проф. В.А. Мякотина» [11. С. 256]. Во-вторых, сопоставление даты второго доклада – 4 октября 1927 г. – с утверждением проф. М. Велевой о том, что «3 марта 1927 г. (курсив наш. – И.Г., Т.Г.) Министерство народного просвещения отправило письмо Академическому совету Софийского университета с предложением заняться вопросом о принятии

⁴ «Кроме того, имеются подготовительные материалы В.А. Мякотина к работам по истории России, Литвы и Украины, два его договора с Министром народного образования Болгарии о преподавании в Софийском университете» [8. С. 67]. Как можно заключить, изучая дарственные надписи книг из библиотеки П.М. Бицилли, переданной в Пушкинский Дом, некоторые издания проф. В.А. Мякотина были получены в знак профессионального уважения. В опубликованном в «Ежегоднике» [8. С. 213] списке под №1121 отмечен отдельный оттиск работы В.А. Мякотина, вышедшей из печати в Берлине в 1933 г., на нем есть следующая надпись: «Моей дочери Нине на память, но едва ли для прочтения. В. Мякотин». Семья Бицилли, а также и семья Мещерских дружили много лет с семьей Мякотиных. Нина Венедиктовна Мякотина была личным врачом всех членов семьи. Именно поэтому мы предполагаем, что часть материалов из личного архива В.А. Мякотина, оставшаяся в Болгарии после его смерти, была передана наследниками историка А.П. Мещерскому, когда он начал заниматься биографией преподавателя истории России.

⁵ Рукопись находится в личном архиве Т. Галчевой, страницы указываются согласно этому источнику. Сохраняются и не комментируются все особенности авторского стиля.

русского профессора В.А. Мякотина на службу по договору» (цит. по [10. С. 134]) показывает, что процедура назначения длилась чуть ли не год⁶ и что особенно важно: шла она необычным путем: не Университет потребовал нужного ему преподавателя, а, наоборот, автономному учебному заведению было указано кого следует выбрать.

Именно этот «сюжет» мотивировал нас опубликовать письма П.М. Бицилли к Николаю Ивановичу Астрову (1868–1934). Их можно, с одной стороны, рассматривать только как источник биографических и исторических фактов. С другой стороны, взгляд на них в отрыве от конкретики, ставит вопросы не менее актуальные и сегодня: о границах академической автономии, о личном и действенном участии в судьбе коллег в профессиональной среде ученых, о механизмах адаптации «чужого» эмигрантского присутствия к требованиям местных нравов и порядков.

Все документы хранятся в личном фонде графини Софьи Владимировны Паниной (1871–1956) в Бахметьевском архиве при Библиотеке Колумбийского университета [12] и обнаружены Инной Владимировной Голубович. Письма П.М. Бицилли написаны от руки, черными чернилами на тетрадном в клеточку листе и подписаны. Иногда на полях встречаются дополнительные вставки, одна из них – карандашом. Текст воспроизводится без каких-либо изменений, лишь орфография приведена к правилам современного правописания. Полностью сохранены подчеркивания, сделанные П.М. Бицилли.

Мы выражаем благодарность наследникам проф. П.М. Бицилли – Елисавете Петровне Ивановой-Аначковой и Наталье Андреевне Галь (Мещерской) за полученное разрешение на публикацию писем без каких бы то ни было сокращений. Благодаря внучке проф. В.А. Мякотина – Нине Милушевой – мы имели возможность ознакомиться с последним изданным в наше время сборником его трудов [13]⁷. Мы весьма признательны куратору Бахметьевского архива Татьяне Чеботоревой, а также директору Архива Софийского университета Илонке Колевой, которые оказывали нам многостороннюю помощь. Нам засвидетельствовала внимание и проф. Мария Велева (София), отмечаем этот факт с благодарностью. И наконец, огромное спасибо всем коллегам, которые отзывались на наши просьбы и наводили для нас необходимые справки, а зачастую дарили и высылали необходимые для работы издания. Перечисляем их имена с глубокой признательностью: Е.П. Аксенова (Москва), М.А. Робинсон (Москва), М.В. Ковалев (Саратов), О.А. Коростелев (Москва), П.А. Трибунский (Москва), А. Вачева (София), Т. Георгиев(София).

Публикацию подготовила И.В. Голубович, вступительная статья и комментарии написаны И.В. Голубович и Т.Н. Галчевой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7.

⁶ О том, следует ли принять дату 3 марта 1927 г. как доказанную, см. ниже.

⁷ К сожалению, в приложении к сборнику допущена грубая фактическая ошибка, относящаяся к взаимоотношению П.М. Бицилли с В.А. Мякотиним. Автор биографической справки утверждает: «В 1928 г. Мякотин был приглашен в качестве профессора истории в Софийский университет, где он остался до своей смерти в 1937 г. В это время здесь работали 37 известных ученых-эмигрантов, среди которых одесский историк Кизеветтер, который стал большим другом Мякотина и его семьи» [13. С. 310]. Как известно из работы М. Велевой, проф. В.А. Мякотин был приглашен в Софийский университет в 1927 г., а приехал в столицу Болгарии в 1928 г. Но, допустим, что в этом отношении биограф допустил просто неточность. Совершенно очевидно, однако, что речь не может идти о русском историке Александре Александровиче Кизеветтере (1866–1933), который никогда не проживал в Софии, да и не был воспитанником Одесского университета. Единственным из русских преподавателей, который отвечает этим характеристикам является П.М. Бицилли. Мякотин состоял в многолетней переписке с А.А. Кизеветтером, о чем свидетельствуют опубликованные письма [14].

2. <http://russcience.chat.ru/papers/mak03vf.htm> (17. 01. 2014).
3. <http://www.savedarchives.net/ru/article/v-a-miakotin> (17. 01. 2014).
4. *Галчева Т.* Судьба свидетеля: «собрать все, что возможно, воедино» (неизвестное об А.П. Мещерском) // Свидетельство: традиции, формы, имена. Киев, 2013.
5. *Мещерский А.П.* Опит за библиография на професор Н. С. Трубещкой / Превод на български език и публикация Тая Галчева // Литературна мисъл. София. 1991. № 4.
6. *Мещерский А.П.* Заметки и материалы к биобиблиографии русских ученых в Болгарии. 1920–1949 // *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / Вступительная статья, составление и комментарии М. Васильевой. М., 2000.
7. *Мещерский А.П.* Из «Заметок и материалов к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии» / Вступ. ст. и примеч. А.Н. Горяинова // Славянский альманах 2005. М., 2006.
8. *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009.
9. *Мещерский А.П.* В.А. Мякотин. Рукопись. София, апрель 1955.
10. *Велева М.Н.* Професор Венедикт А. Мякотин в България // Бялата емиграция в България. София, 2001.
11. *Колева И.* Документални свидетелства за проф. Пьотр Бицилли, съхранявани в Архива на Софийския университет // Класика и канон в руската литература. София, 2013.
12. Bakhmetef Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book und Manuscript Library, Columbia University, New York. Panina Papers, Box 1.
13. *Мякотин В.О.* Вибрані твори у 2-х томах / Упорядкування, передмова, біобібліографічні матеріали О.О. Новикова. Київ, 2012. Т. 1.
14. Отечественные архивы. М., 2009. № 5.

Письма

1.

30/V-27^a.

София, 25 V. [1927]^b Университет.

Глубокоуважаемый Николай Иванович,
 то, что Вы мне говорили¹ о В[енедикте] А[лександровиче] Мякотине, подтвердилось. Дело с его приглашением сюда оказалось проведенным не совсем обыкновенным, вернее – совершенно необыкновенным – образом, т[ак] ч[то] наш Факультет до последнего времени ничего не знал. На днях же от Мин[истерства] н[ародного] пр[освещения] была получена в Университет бумага – предложение избрать Мякотина². Совет Ун[иверсите]та передал эту бумагу Ист[орико-] фил[ологическому] факультету, который поручил местному представителю Кафедры ист[ории] Восточной Европы сделать соответствующее представление о желательности усиления преподавания на этой кафедре, а мне – дать ревизию о

^a Пометка сделана чернилами, находится в левом верхнем углу письма. Почерк – по манере оформления даты, наклона цифр и специфическое написание цифры «7» – сильно похож на почерк человека, который карандашом добавил запись на третьем письме. Если автор двух дополнений в этих письмах совпадает, есть основания думать, что это П.М. Бицилли. Идентифицировать в третьем письме почерк историка можно и благодаря индивидуализирующей примете – графике буквы «т». Видимо, перед отправлением послания корреспонденту проф. П.М. Бицилли добавлял сообщения о некоторых дополнительно возникших обстоятельствах. Например, – в первом случае число «30» – возможно дата отправления уже написанного письма. Во втором случае, полагаем, что профессор напомнил, что уже выразил мнение о делах В.А. Мякотина в письме от 1 июля того же года. Такое предположение строится и на основании второго доклада Бицилли, в котором упоминается, что он получил от Венедикта Александровича дополнительные сведения, т.е. к этому моменту между историками уже был личный контакт. Когда и каким образом именно произошло знакомство Бицилли с Мякотиним, еще не выяснено. Можно предположить, что впервые они встретились во время III Съезда русских академических организаций, проходившего в Праге с 25 сентября по 2 октября 1924 г.

^b Год восстанавливается публикатором по содержанию письма.

научных трудах В[енедикта] А[лександровича] М[якотина]³. Вопрос о его избрании, я думаю, следует считать предрешенным, т[ак] к[ак] инициатива всего этого исходит от Милюкова, влияние к[ото]рого здесь громадно⁴. Все же, в интересах самого Мякотина и русской профессуры вообще, хотелось бы, чтобы избрание не носило характера просто формальной процедуры. Поэтому я желал бы, чтобы мое представление не сводилось бы к общим только хвалебным фразам, а вышло бы посодержательнее. Вот в связи с этим, т[ак] к[ак] я не знаю адреса Мякотина⁵, у меня и возникает просьба к Вам: просить его прислать, как можно скорее, его работу по истории Украины⁶. Дело в том, что я до сих пор ее не читал; в Университетской библиотеке ее нет⁷, выписать же ее для Универс[итетской] библиотеки в самом плачевном состоянии; не оплачены – и на большую сумму – старые заказы, и комиссионеры новых книг не хотят высылать, впредь до ликвидации прежних счетов. Если бы даже и удалось убедить директора купить, то это, как я знаю по опыту, будет осуществлено с большой проволочкой. Само собою разумеется, что я прошу Мякотина о присылке его книги в том расчете, что у него имеется свободный экземпляр. Если нет, то пусть он немедленно известит меня (ни в каком случае я не хотел бы, чтобы он расходовался на покупку собственной книги у издателя), и я тогда просто заявлю Ф[акультет]у, что книга Мякотина должна быть приобретена. Какие-ниб[удь] экстраординарные источники, конечно, так или иначе, найдутся.

Прошу Вас очень простить меня за беспокойство. Примите мой сердечный привет.

Искренне преданный
П. Бицилли

2.

София, 3 VII. [1927]^с

Глубокоуважаемый Николай Иванович, паки и паки злоупотребляю Вашей любезностью и, должно быть, порядком Вам надоел. На днях я писал Вам о затруднениях, чинимых Акад[емическим] советом⁸, касательно избрания В[енедикта] А[лександровича] М[якотина]; но затем я выяснил – и не один я не сразу понял смысл решения Совета, – что эти затруднения значительнее, нежели мне и моим коллегам показалось на первый взгляд. Совет действительно соглашается пригласить Мякот[ина] в качестве «преподавателя»⁹ (с профессорским высшим окладом), но при условии представления двух докладов, которые бы заключали в себе характеристику научной деятельности кандидата. Другими словами надлежало дополнить доклад моего коллеги, проф[ессора] Мутафчиева, к[ото]рый, не будучи знаком с работами В[енедикта] А[лександровича], ограничился первоначально только изложением мотивов о необходимости усиления преподавания по его кафедре¹⁰. Проф[ессор] Мутафчиев согласен был сделать это немедленно, с тем, стало быть, чтобы можно было успеть выполнить требуемую формальность теперь же, до заключения учебного года. Однако, я взял на себя ответственность отговорить его от этого намерения – и вот почему. У меня возникло подозрение – равносильное уверенности – в том, что, если бы такой доклад был представлен им, то один из членов нашего факультета¹¹ представил бы особое мнение, в котором заявил бы, что доклад Мутафчиева не может иметь силу, п[отому] ч[то] с работами Мякот[ина] докладчик за какие-ниб[удь] 2 дня очевидно ознакомиться не был в состоянии. И это особое мнение могло бы быть поддержано и Акад[емическим]

^с Год установлен по содержанию письма.

советом. Вы легко поймете, что таким образом создается бы положение весьма неловкое и для В[енедикта] А[лександровича] М[якотина,] и для всей русской профессуры вообще и что, кроме того, – это могло бы повредить В[енедикту] А[лександровичу] М[якотину] и в дальнейшем. Поэтому мы с проф[ессором] Мутафчиевым уговорились подождать до осени¹². По истечении 3-х месяцев уже никто не будет иметь оснований к отводу его доклада. К первому же заседанию Факультета доклад его будет представлен, а так как и наш Факультет, и Министерство живо заинтересованы в привлечении сюда В[енедикта] А[лександровича], то утверждение последует немедленно¹³ и, значит, В[енедикт] А[лександрович] с начала же осеннего семестра сможет прибыть сюда и приступить к лекциям.

Шлю Вам искренний привет и от меня и от моей семьи.

Еще раз, простите за беспокойство.

Ваш П. Бицилли

3.

Предъявлено В.А. Мякотину
1/VII–27^d

София, 27 VIII. [1927]^e

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

обращаюсь вновь к Вашей любезности. Раздобыв, наконец, с большими усилиями книгу В[енедикта] А[лександровича] Мякотина, я представил Факультету доклад¹⁴ о его научной деятельности, на основании к[ото]рого Факультет почти единогласно (2 воздержавшихся)¹⁵ постановил избрать В[енедикта] А[лександровича] М[якотина] профессором по каф[едре] ист[ории] Вост[очной] Евр[опы]. К сожалению Академич[еский] совет признал по формальным основаниям выборы неправильными: в моем докладе я не представил данные о том, что Мяк[отин] был профессором Университета. Ак[адемический] сов[ет] нашел, что Мяк[отин] может быть приглашен в качестве «преподавателя», но с профессорским окладом¹⁶. Факультет решил остановиться пока на этом; как только же я представлю дополнительно необходимые данные, произвести новые выборы. Для В[енедикта] А[лександровича] разница будет состоять в том, что, в качестве «преподавателя», а не «профессора», он не будет участвовать в заседаниях Факультета, – во всем остальном он будет, разумеется, пользоваться всеми правами профессора. Все же мне очень хотелось бы как можно скорее дать факультету необходимые данные¹⁷. Мне помнится, что после Революции Мякотин получил доступ в Университет. Чтобы проверить себя, я справился в «Minerva»¹⁸, но там не нашел ничего. Очень жаль, что В[енедикт] А[лександрович] не прислал своевременно своего Curriculum vitae. Повторяю, все это несколько не прельщает Мякотину заключить контракт, как только постановление Факультета и Совета о приглашении его «преподавателем» будет утверждено министром¹⁹, и я надеюсь, что к осени он будет в нашей среде²⁰, что меня очень радует²¹.

Примите искренний привет и наилучшие пожелания от меня и от моей семьи.

Преданный Вам
П. Бицилли

^d Вставлено от руки, карандашом, в правом верхнем углу письма, почерк по всей вероятности принадлежит проф. П.М. Бицилли.

^e Год указан публикатором по содержанию письма.

Примечания

¹ 14 марта 1927 г., письмом под номером 325, в качестве председателя Ученого комитета Русского народного университета, проф. П.М. Бицилли отправил следующее предложение Н.И. Астрову: «Многоуважаемый Николай Иванович. По примеру Парижа, Праги и Белграда в Софии открывается Русский Народный университет. В прилагаемом объявлении кратко очерчены задачи и сущность организации его.

Не сомневаясь в Вашем сочувствии к этой, наконец осуществленной идее, Ученый комитет льстит себя надеждой, что вы поддержите наше начинание и не откажете нам в просьбе пожаловать в Софию и прочесть хотя бы 2–3 лекции в Университете [...]

Выбор тем и время лекций предоставляется Вашему усмотрению, но нам хотелось бы, чтобы Вы прочитали 2 двухчасовые лекции в период 25–30 апреля с[его] г[ода]» (*Фонд графини С.В. Паниной*).

В фонде графини С.В. Паниной [12] также сохранился и черновик ответа Астрова от 22 марта 1927 г., который приводим в сокращении: «Многоуважаемый Петр Михайлович, Позвольте мне поблагодарить Вас за Ваше письмо от 14 марта и вместе с этим выразить мою полную готовность быть в Софии в указанное Вами время [...]

С своей стороны я мог бы предложить Народному университету мою лекцию «Москва в образах и картинах». Лекция иллюстрируется несколькими десятком диапозитивов. Для ее устройства требуется проекционный фонарь и экран.

Эта лекция, по разным программам, была прочитана в Словакии три раза, во Франции два раза, в Женеве и в нескольких городах Югославии. В Сараеве лекция была прочитана по приглашению местного сербского Народного университета с переводом на сербский язык, а в Загребе [–] по приглашению хорватского Красного Креста, тоже с переводом. Рассказ о Москве был несколько раз повторен в гимназиях, институтах и корпусах.

Если бы Народный университет пожелал, я охотно прочел бы лекцию о Москве от имени Университета и в других городах Болгарии и особенно в учебных заведениях Союза городов.

Думаю, что этой темой о Москве можно было бы занять все указанные Вами дни моего пребывания в Болгарии. Мог бы привести с собой несколько диапозитивов картин Московской Третьяковской галереи.

Если бы понадобились другие темы, то мы могли бы договориться с Вами, но уже на месте, о Лиге Наций или о культурной работе городских общественных управлений в России» (*Фонд графини С.В. Паниной* [12]).

² Возникает вопрос, почему так долго задержалось датированное 3 марта 1927 г. письмо Министерства народного просвещения. Мы не имели возможности проследить за датами документов, на которые ссылается проф. Велева. Но в архиве Софийского университета, в служебном деле проф. В.А. Мякотина, хранится письмо министра народного просвещения изх. № 3605 от 3 V 1927 г., полученное Университетом 4 V 1927 г., зарегистрированное под № 1086. В документе министр обращается к ректору с просьбой принять на службу русского профессора В. Мякотина (*Архив Софийского университета. Ф. 1. Оп. 35. Ед. хр. 83*). Поскольку М. Велева цитирует не сами документы, а скорее всего, упоминание о них в протоколах Академического совета, мы считаем, что следует воспринять датировку письма 3 мая как более достоверную.

³ Академический совет 7 V 1927 г. письмом № 327 переслал декану историко-филологического факультета полученное письмо министра народного просвещения. На том же документе Академического совета, на левом поле, карандашом отмечено от руки по-болгарски: «Има нужда» [«Есть необходимость»], затем следует подпись Петра Стоянова Мутафчиева (1883–1943), который к этому моменту состоял доцентом кафедры истории Восточной Европы в университете, и проф. П.М. Бицилли.

⁴ М. Велева предположила, что В.А. Мякотин «в начале 1927 г. обратился с просьбой к Министерству народного просвещения» [10. С. 134]. Вынужденные искать себе место в разных странах, русские профессора, оказавшиеся в эмиграции, особенно рассчитывали на личные рекомендации. За конкретными фактами, отраженными в официальных документах, обычно неосведомленной и неразгаданной остается именно та сторона коллегияльного сопричастия, когда знакомство с кем-то или влияние на важного человека оказывались решающим фактором для успешного решения вопроса. Так складывается «персональная история» отдельного назначения, которая часто остается вне публичной канвы исследуемой биографии каждого ученого.

⁵ Семья Мякотинных в Праге проживала в так называемом профессорском доме. Дом этот находился по адресу: XIX-Vubeneč, Vuckova 597 (сегодняшний его адрес: 27–29, Radeckého, Rooseveltova).

⁶ К тому моменту уже вышли из печати все три выпуска первого тома «Очерков социальной истории Украины в XVII–XVIII вв.» В.А. Мякотина. В первом докладе на факультетском совете проф. Бицилли указал, что они изданы в Праге в 1924–1925 гг. [11. С. 254]. Как известно, только первый выпуск опубликован в 1924 г., второй и третий вышли из печати в 1926 г.

⁷ К сегодняшнему дню в собственности Центральной университетской библиотеки в Софии находятся четыре экземпляра книги В.А. Мякотина. Нам не удалось выяснить историю их приобретения, но можно обоснованно предположить, что один экземпляр «Очерков», несмотря на затруднения, был выписан П.М. Бицилли.

⁸ К сожалению, нам не удалось найти такое письмо П.М. Бицилли. Оно могло бы уточнить характер «затруднений, чинимых Академическим советом», поскольку сохраненные документы в служебном деле В.А. Мякотина в Архиве Софийского университета не относятся к этому периоду.

⁹ Здесь впервые проф. П.М. Бицилли употребляет понятие «преподаватель», вкладывая в него субъективное значение, на котором мы остановимся подробнее ниже.

¹⁰ Доклады П. Мутафчиева сохранены в служебном деле В.А. Мякотина в Архиве Софийского университета и готовятся к публикации И. Колевой, поэтому мы не останавливаемся на их содержании. Здесь важно отметить, что первый доклад, о котором идет речь, датирован 17 июня 1927 г., т.е. следует полагать, что в первый раз Факультетский и Академический совет обсудили вопрос о приглашении В.А. Мякотина во второй половине июня 1927 г.

¹¹ Кто из членов факультета стал бы противодействовать назначению Мякотина выяснить пока не удалось. В это время факультет был историко-филологическим, т.е. в него входили не только историки, но и филологи.

¹² К началу осенне-зимнего семестра, 16 августа 1927 г. проф. П.М. Бицилли подготовил свой доклад [11. С. 253].

¹³ Ожидания проф. П. М. Бицилли не сбылись из-за новых требований, выдвинутых Академическим советом (см. письмо № 3).

¹⁴ Проф. П.М. Бицилли имеет в виду доклад от 16 августа 1927 г.

¹⁵ Заседание Факультетского совета состоялось 17 августа 1927 г., «за» проголосовали 19 его членов, два бюллетеня были «белыми» (*Архив Софийского университета. Ф. 1. Оп. 35. Ед. хр. 83*).

¹⁶ В письмах в разные годы Бицилли повторяет утверждение, что Мякотин был «преподавателем». Такой взгляд соответствует субъективному пониманию – в глазах заведующего кафедры Новой и новейшей истории назначение специалиста по истории России с договором ординарного профессора, но без своей, самостоятельной кафедры, которой он бы заведовал, выглядит как обычная преподавательская работа. В письме к Антонию Васильевичу Флоровскому (1884–1968) уже после смерти своего коллеги, Бицилли это разъяснил более подробно: «Покойный Мякотин здесь не занимал кафедры, для него лишь персонально и в виде исключения была создана ординатура при кафедре истории Вост[очной] Европы. Сейчас, после его кончины, никто не читает курсов по ист[ории] России». Датировать данное письмо можно, по упоминанию о том, что проф. П. Мутафчиеву приходится читать и курс по истории Болгарии, «т[ак] к[ак], за смертью Златарского и Никова, нет, кроме него, никого» (*Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 13*). Выдающегося болгарского историка Васи́ла Никола́ва Златарского (1866–1935) не стало 15 декабря 1935 г., другого представителя болгарской исторической науки Петра Нико́ва – 15 ноября 1938 г., следовательно письмо отправлено не раньше последней даты. Публикаторы выражают благодарность М.В. Ковалеву за предоставленные копии писем П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому. На сайте РАН, где они оцифрованы, их читабельность весьма сомнительна.

¹⁷ Эти данные составляют основную часть второго доклада проф. Бицилли, представленного Факультетскому совету и датированного 4 октября 1927 г. В самом его начале сказано: «Я обратился к самому проф. Мякотину и попросил его сообщить мне сведения о своей преподавательской деятельности в России. Проф. Мякотин ответил мне» [11. С. 256]. Детали того, как проф. Бицилли получил нужную ему информацию, позволяют предполагать, что к тому времени между двумя историками уже была налажена переписка. Кроме второго доклада Бицилли Факультетскому совету был представлен еще и второй доклад Мутафчиева, который датирован 5 X 1927 г.

¹⁸ Редакция ежегодного справочника «Минерва» выпустила с 1892 по 1970 г. 35 томов. Первый перерыв в истории издания был с 1914 по 1920 г. Скорее всего проф. П.М. Бицилли имел в виду данные, включенные в первый после возобновления периодичности том.

¹⁹ Со стороны Университета процедура выбора В.А. Мякотина была закончена 9 ноября 1929 г., когда Академический совет одобрил решение Факультетского совета. 12 ноября 1927 г., письмом № 10316 ректор ответил на письмо министра народного просвещения № 3605 от 3 мая, в котором просил министра «издействовать согласие Совета министров», чтобы русский поданный В.А. Мякотин был назначен по договору на три года. Совет министров высказал свое одобрение письмом № 1373/13 XII 1927 г. Ректор Софийского университета уведомил Мякотина о назначении письмом 22 XII 1927 г. На подписанном министром народного просвещения и В.А. Мякотиним договоре от руки отмечена дата вступления в должность новоназначенного на кафедру истории Восточной Европы профессора: 24 I 1928 г. 10 марта 1928 г. в 45-й аудитории состоялась вступительная лекция проф. Мякотина «Условия и процесс создания русской народности» (*Архив Софийского университета. Ф. 1. Оп. 35. Ед. хр. 83. Л. 3, 5, 8, 10–11, 61*).

²⁰ На письмо ректора университета от 22 XII 1927 г. В.А. Мякотин ответил письмом от 28 XII того же года, в котором выразил намерение приехать в Софию «к концу Рожд[ественских] каникул, т.е. в середине января». 10 января 1928 г. последовало новое письмо Мякотина ректору университета, в котором объяснялось, что приезд откладывается по следующим причинам: «Сегодня я хотел получить визу в болгарском посольстве, но там мне сказали, что без разрешения из Софии, у меня, несмотря на Ваше письмо, могут возникнуть неприятности на границе и предложили подождать, примерно до 20-го числа, пока путешествие свяжется с министерством. Таким образом я могу быть в Софии вероятнее к 23 февраля». Что изменилось в ситуации, неизвестно – получил ли В.А. Мякотин быстрее разрешение из Софии или все-таки поехал, не дождавшись других документов, на

свой риск? Установлено, что 24 января 1928 г. он уже был в Софии, а на следующий день, 25 января, письмом № 356 ректор университета вернул Министерству народного просвещения подписанный В.А. Мякотиным договор (*Архив Софийского университета. Ф. 1. Оп. 35. Ед. хр. 83. Л. 60, 59, 9*).

²¹ В письме без даты П.М. Бицилли с радостью сообщил А.В. Флоровскому: «Приезд В[енедикта] А[лександровича] Мякотина очень меня оживил. Хоть поговорить есть с кем об исторических материях» (*Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 31*).

© 2014 г. М. ШРУБА

ГАРВАРДСКИЙ ЭПИЗОД БИОГРАФИИ Д.И. ЧИЖЕВСКОГО (ПО ПЕРЕПИСКЕ С М.М. КАРПОВИЧЕМ)

Переписка Д.И. Чижевского с М.М. Карповичем, отложившаяся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), бросает свет на некоторые аспекты гарвардского периода биографии Чижевского (1949–1956). В статье рассматривается, в частности, предыстория приглашения ученого в Гарвард и разразившийся в это время вокруг Чижевского скандал вследствие козней его коллег по Марбургскому университету. В центре внимания стоят любопытные, порою резкие суждения Чижевского о некоторых представителях американской славистики, а также трения с коллегами по институту и мотивы возвращения Чижевского в Европу.

Dmitry Chizhevsky's correspondence with Mikhail Karpovich preserved in the Bakhtmeteff Archive (Columbia University, New York) throws light on some aspects of the Harvard period of his biography (1949–1956). The essay considers in particular the events preceding the scholar's invitation to Harvard, especially the scandal which had broken out around Chizhevsky due to the intrigues of his colleagues at the Marburg University. Furthermore, it also considers Chizhevsky's interesting and at times brusque opinions about some American Slavists, his conflicts with the colleagues at Harvard and finally the motives of Chizhevsky's return to Europe.

Ключевые слова: Д.И. Чижевский, М.М. Карпович, Р.О. Якобсон, В.В. Набоков, Гарвардский университет, история славистики.

Гарвардский эпизод биографии Дмитрия Чижевского длился с осени 1949 г. по начало 1956 г. Заведующим Славянским отделением был в это время Михаил Михайлович Карпович (1888–1959), видный историк, главный редактор нью-йоркского «Нового журнала». В бумагах Карповича, хранящихся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, отложилась его переписка с Чижевским за 1949–1958 гг. В соответствующей папке имеются всего 13 писем Чижевского к Карповичу, две машинописные копии (точнее, два вторых экземпляра) писем Карповича к Чижевскому, а также некоторые другие материалы, связанные с Чижевским, – в частности четыре газетные вырезки из немецких газет весны 1949 г., рекламная листовка гаагского издательства «Mouton» с библиографическими пометами Чижевского, а также две машинописные копии писем других адресантов – в том числе письмо Романа Якобсона к Георгию Флоровскому от 16 мая 1953 г. на английском языке, посвященное Чижевскому [1].

Переписка двух ученых бросает свет на преподавательскую, научную и публикационную деятельность Чижевского в эти годы, на суть ряда конфликтов с коллегами по институту, на мотивы его ухода из Гарварда и возвращения в Европу. Интерес представляют некоторые – порою пристрастные и резкие – оценочные высказывания Чижевского о других ученых. Эти содержательные, как правило,

---

Шруба Манфред – д-р филол. наук, приват-доцент Института славистики Рурского университета в Бохуме.

письма представляют собой, не в последнюю очередь, также штрихи к портретам как Карповича, так и Чижевского.

Один из сюжетов, затронутых в переписке, – это обстоятельства приглашения Чижевского в Гарвард. Для восстановления контекста напомним вкратце о предыдущих этапах университетской карьеры ученого. В июне 1945 г. Чижевский покинул город Галле, в университете которого он преподавал с 1932 г. После войны город оказался в зоне, занятой советскими войсками, а попасть в ведение советских властей Чижевскому совсем не хотелось – ему как представителю меньшевистской оппозиции еще в конце 1910-х годов довелось побывать в тюрьмах киевской Чeka (см. [2]).

В период с конца 1945 по лето 1949 г. Чижевский преподавал в Институте славистики Марбургского университета. Его позиция в Марбурге была непрочной. К началу 1949 г. ему там все еще не была предоставлена обещанная в свое время ординарная профессура и кафедра славистики – по всей видимости, в результате интриг коллег Чижевского по университету.

В Гарварде, между тем, 4 января 1949 г. было основано Отделение славянских языков и литератур (см. [3]); назначенный его руководителем Карпович пригласил в Гарвард Романа Якобсона, а тот в свою очередь немедленно позаботился о том, чтобы привлечь ряд видных ученых, в том числе и Чижевского. Приглашение поступило в середине февраля, как явствует из письма Чижевского к С.И. Гессену от 27 февраля 1949 г.:

«Кстати, недели две тому назад я получил приглашение в Гарвард на год как гость. Но получу ли я визу, это после испытаний прошлого года весьма сомнительно. Кроме того, и делать мне там, при моем незнании языка и при неспособности к практическому овладению языками, в общем, нечего» [2. С. 187].

Почти одновременно с приглашением Чижевского в Гарвард вокруг него вследствие козней и доносов коллег разразился скандал, когда гессенский министр народного просвещения Эрвин Штейн – в ответ на газетную статью о несостоявшемся назначении Чижевского ординарным профессором (см. [4]) – высказал в печати сомнения «относительно научной и личной квалификации» Чижевского, объявив его к тому же чуть ли не советским агентом. Приведем соответствующие пассажи из выступления министра:

«Так как министерству было предъявлено особое мнение, в котором относительно научной и личной квалификации против профессора Чижевского выдвигались сильнейшие сомнения, референт по делам университета был обязан сначала рассмотреть эти сомнения [...] Не завершено пока также рассмотрение вопроса, могут ли хабилитация господина Чижевского в Украинском университете в Праге и его профессорское звание быть признанными юридически действительными в Западной Германии.

Кроме того, моему министерству было сообщено другим членом профессуры Марбургского университета, что профессор Чижевский подозревается в деятельности в пользу советских властей»¹.

Два дня спустя в местной печати появился ответ ученого на инсинуации министра Штейна. Чижевский пишет, в частности:

«Министр считает уместным [...] выдвигать против меня резчайшие личные обвинения: в мошенничестве путем притязания на неподобающее мне звание и в

---

¹ «Da dem Ministerium ein Sondervotum zur Besetzung des Lehrstuhls für Slawistik vorlag, in dem hinsichtlich der wissenschaftlichen und persönlichen Qualifikation gegen Professor Tschiszewskij [sic!] die stärksten Bedenken erhoben wurden, war der Universitätsreferent verpflichtet, zunächst diesen Bedenken nachzugehen [...] Auch ist die Prüfung darüber noch nicht abgeschlossen, ob die Habilitation des Herrn Tschiszewskij an der Ukrainischen Universität in Prag und die Führung des Professorentitels als rechtswirksam in Westdeutschland anerkannt werden kann. Ferner ist meinem Ministerium von einem anderen Mitglied des Lehrkörpers der Universität Marburg mitgeteilt worden, dass Professor Tschiszewskij im Verdacht der Tätigkeit für die Sowjetbehörden stände» [5].

шпионаже в пользу иностранной, т.е. советской державы. Это, похоже, уникальный случай, что министр народного просвещения может высказывать в дневной печати совершенно необоснованные тяжелейшие подозрения против ученого, который предается в течение почти двух десятилетий в Германии и в течение двух лет в Марбурге ответственной общественной университетской деятельности, не будучи при этом в состоянии привести и тени доказательства»².

Чижевский опровергает утверждение о его якобы неясном научном статусе и о возможном отсутствии необходимой ученой степени:

«Что касается вопроса о моей хабилитации, то министр умалчивает факт, что я хабилитировался с 5 марта 1947 г. также в Марбургском университете, то есть что я обладаю “*venia legendi*”, а не одним лишь приглашением для проведения занятий (*Lehrauftrag*)»³.

Латинское выражение «*venia legendi*» («разрешение читать лекции») – это, в немецкой традиции, именно синоним хабилитации как высшей ученой степени.

Чижевский требует указать ему фамилию доносчика, чтобы он мог дать ход искомому заявлению о клевете, и завершает свой ответ министру восклицанием:

«Это возмутительно, что я должен встречать в демократическом Гессене опять те же методы, с которыми мне пришлось познакомиться уже трижды в моей жизни: со стороны царской полиции, со стороны большевистской Чeka и со стороны Гестапо»⁴.

Неделю спустя в защиту Чижевского публично выступил также философский факультет Марбургского университета (см. [7]).

Чижевский послал вырезки всех четырех газетных выступлений Карповичу в письме от 9 апреля 1949 г., где следующим образом изложил инцидент:

«До последнего времени настроение консульства, как казалось, было благоприятным. Каково оно сейчас, сказать трудно. Дело в том, что три недели тому назад гессенский министр нар[одного] просвещения, которого газеты упрекали в нечистоплотных методах при замещении кафедр, счел возможным выступить против меня, как одного из не утверждаемых им кандидатов, с обвинениями – в отсутствии научной квалификации и в том, что я советский агент! В основе и того и другого обвинения лежит типичная “Тресотиниусиада”, т.е. разного рода юмористические “обиды” двух коллег по университету, имеющих в министерстве более легкий доступ, чем декан или ректор, и тем более, чем я»⁵.

Не лишним будет, пожалуй, прокомментировать слово «Тресотиниусиада» – это намек на комедию А.П. Сумарокова «Тресотиниус» (1750), в которой изображен псевдочученый педант; имя сумароковского героя восходит, в свою очередь, к персонажу комедии Мольера «Ученые женщины» *Trissotin* – это говорящее имя со значением «трижды дурак».

Чижевскому вся эта история была, конечно, далеко не смешна. Следует учитывать, что дело происходит в период маккартизма с его маниакальным стремлением выявить повсюду антиамериканские происки, с его борьбой против мнимых

---

² «Der Minister hält es für angebracht, [...] die schärfsten persönlichen Vorwürfe gegen mich zu erheben: den der Hochstapelei durch Anmaßung eines mir nicht zustehenden Titels und den der Spionage für eine ausländische, d.h. die sowjetische Macht. Es ist wohl einzig dastehend, daß ein Kultusminister gegen einen seit fast zwei Jahrzehnten in Deutschland und seit zwei Jahren in Marburg in verantwortungsvoller öffentlicher Tätigkeit der Universität stehenden Gelehrten völlig unbegründete Verdächtigungen von so schwerwiegendem Charakter in der Tagespresse aussprechen kann, ohne auch nur einen Schatten eines Beweises dafür anführen zu können» [6].

³ «Was die Frage meiner Habilitation betrifft, so verschweigt der Minister die Tatsache, dass ich auch an der Universität Marburg seit dem 5. März 1947 habilitiert bin, also die “*venia legendi*” und nicht nur einen *Lehrauftrag* besitze» [6].

⁴ «Es ist empörend, daß ich im demokratischen Hessen wieder den gleichen Methoden begegnen muß, die ich bereits dreimal in meinem Leben: seitens der zaristischen Polizei, seitens der bolschewistischen Tscheka und seitens der Gestapo kennen gelernt habe» [6].

⁵ Письма Чижевского и Карповича цитируются здесь и в дальнейшем по материалам фонда Карповича в Бахметьевском архиве [1].

агентов советского влияния в США. Подобные обвинения могли запросто оборвать американскую карьеру Чижевского, прежде чем она началась⁶. Чижевский продолжает:

«Но обвинение такого характера (второе) вряд ли останется без влияния на американцев. В основе лежат сплетни здешних рус[ских] эмигрантов, конечно, совершенно патологического характера. Америк[анские] учреждения, к которым я обращался (университетский офицер), к сожалению, ограничились выражением мне полного сочувствия [...] Во всяком случае, я вынужден прежде всего добиться полного разъяснения этого нелепого обвинения.

Простите за откровенность, но мы здесь привыкли ни одному *обещанию* американских учреждений не верить. Поэтому, пока у меня не будет визы и паспорта (выдаваемого марбургским военным управлением) в руках, я считаю наиболее вероятным, что я вынужден буду остаться здесь. Поэтому я не могу “запустить” своих здешних “дел”, начиная с писания или печатания книг и кончая ведением дел семинара и т.д.

Должен упомянуть, что вся эта история возникла не без участия американцев. Где есть полит[ическая] полиция, там есть “подозрения”. А если есть подозрения, то естественно, что по Марбургу будет ходить америк[анский] чиновник (формально занятый вопросом о нем[ецком] коннозаводстве) и расспрашивать частных лиц (напр., служащих книжных магазинов) о моих политических взглядах. Странно выглядит сейчас Европа!»

Доносы и наветы коллег по университету и ложные обвинения в шпионаже все же не достигли цели; Чижевский получил американскую визу и летом 1949 г. перебрался в Кембридж, Массачусетс, уже осенью приступив к занятиям.

В дальнейшей переписке с Карповичем много места занимает научная и преподавательская деятельность Чижевского, а также его отношения с издательствами в связи с попытками опубликовать свои работы – в частности с нью-йоркским Издательством имени Чехова. Еще одна сквозная тема этих писем – деньги, точнее, жалобы Чижевского на их отсутствие. Ему так ни разу и не предложили хороший оклад. 22 ноября 1956 г., т.е. уже после завершения гарвардского периода, Чижевский писал Карповичу:

«Для того, чтобы удержать меня в Гарварде, *ничего* не было сделано: все-таки работать за 380 долл. просто стыдно (не мне, а департаменту)».

Второй сюжет переписки Чижевского с Карповичем, на котором хотелось бы остановиться подольше, – это трения с коллегами по институту и с начальством. Подобные мотивы встречаются довольно часто в имеющихся письмах, и возникает впечатление о некоторой неуживчивости Чижевского. Однако налицо тут скорее некая аберрация восприятия – писем к Карповичу в общей сложности не так уж много, а писались они нередко именно по поводу возникших конфликтов.

Как ученый Чижевский был явлением исключительным; с высоты его энциклопедических знаний в области русской, украинской, польской и чешской культуры, истории и философии даже вполне солидные исследователи могли показаться ему недостаточно квалифицированными.

Пристрастной оценке ученого подвергается, например, ученик Якобсона Г.Г. Лант (1918–2010), в будущем профессор Гарвардского университета – известный филолог и языковед, специалист по древнецерковнославянскому языку, автор стандартного пособия «Грамматика церковнославянского языка» («Old Church Slavonic Grammar», 1955, 7-е изд. 2001). Чижевский сообщает Карповичу в недатированном письме 1952 г.:

«Вопрос о постоянном месте для коллеги Ланта для меня не настолько ясен, чтобы можно было о нем говорить без всякого материала: как преподаватель он

⁶ Ср. примыкающую по теме статью о маккартизме в среде Колумбийского и Гарвардского университетов [8].

мне известен с наихудшей стороны, как ученый вообще неизвестен. В нормальных условиях предполагалась бы рассылка какой-то докладной записки о нем. У нас все предрешено желанием Роман Осиповича, в данном случае совершенно неосновательным. Если Лант будет сделан Вашим преемником, то, по моему мнению, это означает ликвидацию Гарвардской славистики на десятилетия».

Неблагоприятную оценку получает в письме Чижевского к Карповичу от 8 июня 1952 г. также Роман Степанович Смаль-Стоцкий (1893–1969), украинский языковед и публицист, в прошлом общественно-политический деятель, дипломат, член правительства Украинской народной республики в изгнании, в 1947–1965 гг. профессор Маркетского университета в Милуоки:

«Появилась книга Р. Смаль-Стоцкого (Маркетт Унив.), обвиняющего печатно Р.О. [Якобсона] в коммунизме и иных грехах. Книга вышла в Канаде и здесь ее пока нет (кажется, есть экземпляр в Русском центре), поэтому трудно судить, насколько автору – вообще, довольно глупому – удалось написать что-либо хоть в некоторой степени правдоподобное (для неинформированных читателей)».

Речь идет о монографии «Национальная проблема в Советском Союзе и русский коммунистический империализм» [9]; правда, книга Смаль-Стоцкого вышла не в Канаде, а в Милуоки в штате Висконсин. Якобсону там отведена – действительно, смахивающая на донос – целая главка в 20 страниц под названием: «Роман Якобсон, ныне в Гарварде, апологет сталинской языковой политики» [9. P. 163–182]⁷.

К 1952 г. относятся также гарвардские лекции Владимира Набокова, прочитанные по приглашению Отделения сравнительного литературоведения. Чижевский был совсем невысокого мнения о способностях Набокова в качестве академического преподавателя. Карповичу он писал 8 июня 1952 г.:

«Что касается курсов, посвященных новой литературе, то их, действительно, м.б., недостаточно. Но улучшить положение одним увеличением количества без внимания к качеству невозможно! Большим разочарованием оказались курсы Набокова, очень повредившие нам даже в глазах студентов».

Карпович оспаривал мнение Чижевского в ответном письме от 17 июня 1952 г.:

«Более или менее удачные курсы всегда будут во всяком, даже хорошо организованном отделении. Дело не в этом, а в программных требованиях и в общей системе преподавания. В частности, не думаю, чтобы курсы Набокова (напоминаю, что его приглашение было рекомендовано единогласно) могли действительно нам повредить. Я, конечно, знаю, что он не академический ученый и знаю все его причуды (о чем даже предупреждал в дипломатической форме своих студентов в общем курсе русской литературы), но я не могу представить себе, чтобы его лекции были неинтересны и ничего студентам не дали бы. Между прочим, по моим сведениям (полученным не от П[оджоли]) были и положительные реакции на его лекции. Студенты вообще говорят разные вещи о курсах, почему я отношусь к этому голосу народа с большой осторожностью».

Сохранившиеся в архиве Карповича письма свидетельствуют также о тренингах Чижевского с Романом Якобсоном. Обоих ученых связывала личная дружба, и они взаимно ценили друг друга как ученых. Но как раз в период совместной работы в одном и том же институте («их личные отношения заметно охладились» [10. С. 128]). Конфликты возникали, в частности, на почве повседневной жизни института, административных вопросов и т.п. Эта конфликтная обстановка упоминается в воспоминаниях тогдашней гарвардской студентки А.С. Гумецкой о Чижевском:

---

⁷ В приложении к книге [9. P. 426–445] воспроизводится немецкоязычная статья Якобсона «Вопросы славянских языков в Советском Союзе» из журнала «Slavische Rundschau» (1934. Bd. 6. S. 324–343) с многочисленными подчеркиваниями рукой Смаль-Стоцкого мест, написанных, по его мнению, «русским коммунистическим жаргоном» («written in a Russian Communist lingo» [9. P. 165]).

«Отчего-то он не любил Якобсона, хотя когда-то они были приятелями. Любил повторять, что “Якобсон оказался свиньей”, – выражение, которое его дочка Таня, когда была маленькой, понимала буквально» [11. С. 360].

Эта атмосфера назрела еще в начале 1950-х годов, как явствует из недатированного письма Чижевского к Карповичу 1952 г.:

«Вторая причина, по которой я не могу принимать участие в заседаниях, это то, что я вовсе не считаю себя “постоянным” членом департамента и считал бы недобросовестным оказывать своим голосом какое-то влияние на судьбу той организации, которую я желаю оставить (что кстати также совпадает с *публично* выраженным желанием Роман Осиповича)».

Остановимся, наконец, более подробно на еще одном конфликтном очаге – на столкновении Чижевского с начальством гарвардской славистики в лице Ренато Поджоли (1907–1963), виднейшего итальянского исследователя русской литературы середины XX в. Поджоли был заместителем Карповича в качестве директора Славянского отделения. Когда последний уехал весной 1952 г. на несколько недель в Европу, департамент возглавил именно Поджоли, что активно не нравилось ни Чижевскому, ни Якобсону.

Повод для обострения конфликта был выбран незначительный. Чижевский сообщает Карповичу в письме от 27 мая 1952 г., что он обнаружил «в корректуре каталога на будущий год [...] курс м[исте]ра Боумана “Студии по истории русской критики”». Он предлагает Карповичу изменить этот пункт программы обучения, поскольку в его курсе «также предполагается занятие историей критики». Чижевский продолжает: «Но говорить с теперешним “черменом” я хотел бы только зная наверное, вставлен ли этот курс Вами или мистером Поджоли». Упомянутое лицо – это Г.Е. Боуман (1917–?), специалист по русской «демократической» критике XIX в., автор книги о Белинском (см. [12]).

Карпович ответил Чижевскому в письме от 5 июня 1952 г.:

«По существу я продолжаю думать, что курс этот будет для нас полезен, и не разделяю тех сомнений в компетентности Боумана, которые Вы в свое время высказали».

В том же письме Карпович просил Чижевского не настаивать на том, чтобы курс Боумана был снят, предлагая Чижевскому заменить историю критики в его курсе какой-нибудь другой темой.

Отвечая 8 июня на письмо Карповича, Чижевский раскрыл, что метит не в Боумана, а в Поджоли:

«Дело вовсе не в Боумане. Как Вы могли заключить из моего безоговорочного согласия на его курс в Летней школе, я ничего против него не имею. Он пока был очень плохим преподавателем и еще худшим руководителем магистерской работы, которую мне пришлось читать [...]. Но почти каждый преподаватель начинает слабо. Дело не в этом.

[...]

Главное, что это одна из попыток Поджоли (о других «подвигах» которого Вы, возможно, еще не слышали или не слышали подробностей) ставить департамент перед “совершившимися фактами”. При таких условиях никакая работа – по крайней мере, для меня – невозможна. Если снятие курса будет обозначать “аф-фронт”, то афронт не Боумана, а Поджоли, что надо только приветствовать.

[...] Я и Роман Осипович просили бы Вас написать письмо Поджоли в этом смысле. Роман Осипович, очевидно, уже провел столько времени в конфликтах с ним (действующим по принципу “кто палку взял, тот и капрал”), что не желал бы препираться с ним об этом вопросе, а я лично предполагаю, что мне лучше пока конфликтов с Поджоли избегать.

[...] поведение Поджоли в этом случае (как и в других) является нарушением не только установившейся традиции, но и самой элементарной моральной чистоплотности. Мне очень жаль, что приходится высказывать такое суждение о по-

ведении человека, к которому как к ученому я отношусь весьма положительно, но во введении курса Боумана были моменты, на которых я не хочу останавливаться, которые придают этому введению характер интриги (плохо организованной, правда)»).

Итак, Роман Якобсон и Дмитрий Чижевский внешне ополчились против Ренато Поджоли за его мнимое самодурство. В сущности же им обоим, похоже, было обидно, что заместителем Карповича и исполняющим обязанности начальника Славянского отделения был назначен именно итальянский ученый, а не один из них.

Карповичу пришлось дипломатично, но аргументированно и недвусмысленно разрушить конспирологические построения Якобсона и Чижевского об интригах Поджоли. В своем длинном (на три с половиной машинописные страницы) ответном письме от 17 июня 1952 г. он писал Чижевскому:

«Признаюсь, я огорчен тем, как Вы отнеслись к эпизоду с курсом Б[оумана]. Вы пишете, что все дело не в нем, а в П[оджоли]. Мне кажется, что в отношении к П[оджоли] и Вы и Р.О. [Якобсон] несправедливы. Р[оману] О[сиповичу] я уже об этом писал. У него существует целая теория заговора против нашего отделения, для которой, по-моему, нет фактических оснований. И вот мне кажется, что и Вы несколько поддались влиянию этой теории. Хочу поэтому установить некоторые факты в отношении к П[оджоли].

Во-первых, он нисколько не добивался того, чтобы меня заместить, а напротив, мне пришлось его уговаривать согласиться. Ничего удивительного в этом нет, так как работа заведующего отделением на девять десятых состоит из неинтересной и часто неприятной рутины. Сначала я предложил декану назначить Лорда или Лунта, но он мне сказал, что по их правилам заместитель отдела должен быть из числа постоянных членов факультета (назначение Лорда тогда еще не было решено). Ни Вас, ни Р[омана] О[сиповича] я об этом просить не мог, так как не только Вы, но и Р[оман] О[сипович] не знают [так!] в достаточной мере Харвардскую рутину, да к тому же Р[оман] О[сипович] этой весной уже был перегружен преподавательской работой.

Во-вторых, по университетским правилам, во время моего отсутствия П[оджоли] является полноправным моим заместителем и вовсе не обязан спрашивать моего разрешения на те или другие решения. Во время своего отпуска я легально, так сказать, не существую, и апелляция ко мне поэтому никакой законной силы не имеет.

Вы ссылаетесь на некоторые другие козни П[оджоли]. О них мне писал Р[оман] О[сипович] и даже послал кое-какие документы. Но ни из его писем, ни из этих документов я никаких козней не усмотрел [...] В своем письме Вы придаете значение тому, что имя Б[оумана] было вписано в корректуру рукою П[оджоли]. Очевидно, Вы в этом тоже видите элемент интриги. Для меня же ясно, в чем дело. В момент составления программы Б[оуман] не был еще официально назначен (его назначения возобновляются каждый год). В таких случаях мы всегда оставляем пустое место. Потом назначение Б[оумана] состоялось, и П[оджоли], естественно, вписал его имя.

Наконец, я совсем не понимаю, в чем может состоять интрига П[оджоли] в связи с курсом Б[оумана] [...] То, что он заинтересован в судьбе своего ученика и что он расценивает его выше, чем Вы или Р.О., само по себе никакого преступления не включает [...] приветствовать афронт П[оджоли] я никак не могу. Ничего хорошего для общей атмосферы в отделении из этого выйти не может, и я очень огорчен тем, что атмосфера конфликта уже возникла в моем отсутствии [...] Остается вопрос о компетентности Б[оумана]. С формальной стороны мы засвидетельствовали эту компетентность тогда, когда рекомендовали его на трехлетнее назначение. По существу я считаю его достаточно компетентным на основании моего знакомства с его диссертацией и неоднократных личных разговоров с ним.

Иначе я бы и не внес своего предложения. Я не настаиваю на своей непогрешимости, но думаю, что и никто на ней настаивать не должен».

Подведем итоги. Причин тому, что Чижевский так и не прижился в Гарварде, несколько. Свою роль сыграли тут недостаточное знание английского языка (да и нежелание выучить его как следует), сверхкритическая оценка коллег по Гарварду и американской славистики в целом, проблемы с публикацией в США накопившихся у него научных трудов, неудовлетворительная для его целей библиотека института и проблемы с получением необходимой литературы, наконец, слишком низкое жалование. Не в последнюю очередь следует назвать здесь также определенную несовместимость по менталитету, отмеченную, в частности, в воспоминаниях историка Марка Раева о Чижевском:

«Дмитрий Иванович не прижился в США. По-видимому, с самого начала своего пребывания здесь он воспринял Америку как страну некультурную, грубую, с невозможным климатом и невозможными общественными отношениями. Учиться говорить по-английски он не захотел (читал он на этом языке, разумеется, свободно). Его глубоко возмущала неподготовленность студентов. Занятия он вел исключительно по-русски, так что количество студентов у него было невелико. В то же время его коллега Р.О. Якобсон привлекал их “толпами”, что не могло не обидеть Чижевского. Требования Дмитрия Ивановича к студентам были высоки: он считал, что критиковать их важнее, чем хвалить или одобрять, радикально расходясь в этом с американской педагогической практикой, построенной на похвале и поощрении. На этой почве, как рассказывал мне М.М. Карпович, ему – как заведующему славянским отделением – неоднократно приходилось сглаживать трения и примирять Чижевского со студентами и коллегами» [13. С. 365].

Переписка Чижевского с Карповичем подтверждает наблюдения Раева и свидетельствует о том, что американская академическая среда осталась для него в высокой степени чужой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, New York). Michael Karpovich correspondence. Box 6.
2. *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3-х т. М., 2007. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977).
3. <http://slavic.fas.harvard.edu/pages/history-slavic-languages-and-literatures-harvard-university>
4. *Lissner E.* Der west-östliche Diwan des hessischen Kultusministers // Frankfurter Rundschau. 1949. 11 März.
5. *Stein E.* Märchen aus 1001 Nacht. Eine Erwiderung des Kultusministers Dr. Stein // Frankfurter Rundschau. 1949. 12 März
6. *Tschizewskij D.* Um den Marburger Slavistischen Lehrstuhl. Prof. Dr. D. Tschizewskijs Antwort an den Kultusminister // Marburger Presse. 1949. 14 März.
7. Zum Fall Tschizewskij: Die Fakultät entgegnet // Marburger Presse. 1949. 22 März.
8. *Руди С.* Якобсон при маккартизме // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С.И. Гиндин. М., 1999.
9. *Smal-Stocki R.* The Nationality problem of the Soviet Union and Russian communist imperialism. Milwaukee, 1952.
10. *Янцен В.* Комментарии // *Чижевский Д.И.* Избранное. В 3-х т. М., 2007. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977).
11. *Гумецкая А.С.* «В моей памяти он навсегда останется улыбающимся...» // *Чижевский Д.И.* Избранное. В 3-х т. М., 2007. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977).
12. *Bowman H.E.* Vissarion Belinski, 1811–1848: a study in the origins of social criticism in Russia. Cambridge (Mass.), 1954.
13. *Раев М.И.* Мое знакомство с Дмитрием Ивановичем Чижевским // *Чижевский Д.И.* Избранное. В 3-х т. М., 2007. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977).

© 2014 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

КАЗАЦКОЕ ПОСОЛЬСТВО М. РОДКЕВИЧА-ПОРТЯНКИ К ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ В 1667 ГОДУ

Статья освещает историю казацкого посольства в Османскую империю в 1667 г. Послы были направлены правобережным гетманом Петром Дорошенко с целью получения турецкой военной помощи в борьбе против Речи Посполитой. В приложении публикуется ранее неизвестная казацкая реляция о посольстве.

The article deals with the history of the Cossack diplomatic mission to the Ottoman Empire in 1667. Envoys were sent by Hetman of Right-Bank Ukraine Peter Doroshenko to receive military support from the Sublime Porte against the Polish-Lithuanian Commonwealth. An unknown Cossack relation about the mission is published as the annex.

Ключевые слова: Украина, Речь Посполитая, Османская империя, Петр Дорошенко.

История отношений запорожских гетманов и Османской империи во второй половине XVII в. еще до сих пор исследована недостаточно, главным образом из-за отсутствия более или менее основательной и систематической источниковой базы. Весьма часто сведения об украинско-турецких отношениях известны нам, что называется из вторых рук (см., например [1. С. 98]).

Наибольшее значение, пожалуй, отношения с Османской империей имели для правобережного гетмана П.Д. Дорошенко. Однако о многих его контактах с турками и посольствах к султану нам известно совсем немного. Одним из таковых является миссия Михаила Родкевича-Портянки в Турцию 1667 г., с которой связывается первое предложение правобережного гетмана Порте о принятии подданства и согласие султана.

До сих пор наиболее полно сведения о нем были суммированы в исследованиях украинского историка Д. Дорошенко. Исследователь основывался на реляциях польских дипломатов и сообщениях турецкой хроники, а также на малоинформативных свидетельствах опубликованных русских источников [2. С. 114–116; 3. С. 12–13], среди которых и пересказ речей священника Афанасия Чекаловского, одного из членов украинского посольства в Турцию. Его брат Федор сообщил киевскому воеводе П.В. Большому Шереметеву, что согласно заявлению прибывшего в Османскую империю польского посла Иеронима Радзеевского, царь и польский король готовы совместно уничтожить запорожское казачество на обоих берегах Днепра [4. С. 242]. Данное свидетельство носит скорее пропагандистский характер и мало что дает для истории собственно украинско-османских переговоров в Адрианополе. Важно, однако, что благодаря этому источнику мы можем узнать имя еще одного участника украинской миссии в Порту.

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

При просмотре дел, связанных с поездкой думного дьяка Ф.Л. Шакловитого к гетману И.С. Мазепе осенью 1688 г. мною был обнаружен фрагмент реляции участника украинского посольства в Османскую империю 1667 г. Находящиеся в конце дела несколько листов текста, написанные другим почерком, нежели основные документы, по-видимому, попали туда случайно, поскольку в бумагах, связанных с посольством Шакловитого ничего не говорится о передаче ему гетманом Мазепой этих документов.

Реляция составлена в виде письма неизвестному адресату («добродею»). Начало и конец документа отсутствуют. Авторство в тексте не указано, но касательно его можно сделать некоторые предположения. Так, именно к рассказчику польский посол направил находившегося в составе своей миссии бывшего архидьякона перемышльского епископа Антония Винницкого. Весьма вероятно поэтому, что автором реляции было также духовное лицо, не исключено, что уже вышеупомянутый священник Афанасий Чекаловский. В сохранившемся фрагменте документа описана аудиенция казаков у султана, контакты с польским посольством и др.

Левобережный гетман Иван Брюховецкий в самом конце мая 1667 г. сообщил прибывшему к нему царскому стольнику Василию Кикину о направленных в Турцию послых Дорошенко – Михаиле Родкевиче-Портянке и некоем Вырве [4. С. 185].

Согласно официальной реляции польского посольства, прибывшего в Османскую империю во главе с Иеронимом Радзеевским, 5 июля украинские дипломаты прибыли из Адрианополя в лагерь султана, располагавшийся недалеко от города. Польские послы с недовольством отметили, что казаков «bliżej cesarza niżeli nas postawiono» («расположили ближе к султану, нежели нас»). 6-го числа они получили аудиенцию у каймакама Кара-Мустафы паши (а не у султана, как пишет Д. Дорошенко [2. С. 115]), причем по свидетельству польской стороны «kaftany na nich wyśmienite nie rozpolicym sposobem robić kazano» («великолепные кафтаны для них не обычным способом сделать приказано»). На аудиенции казацкое посольство засвидетельствовало свою покорность Порте, что было встречено османами весьма благожелательно. По предположению дипломатов Речи Посполитой, в первую очередь потому, что в условиях продолжавшейся Кандийской войны с Венецией турки опасались возобновления набегов запорожцев на черноморские владения Османской империи после заключения перемирия между Россией и Польшей. Как удалось разузнать полякам, казацкие послы заявляли туркам, что польские войска «całe zniesione, lud wybrany od Tatarów» («полностью уничтожены, а население угнано татарами»), распisyвали прочие «defecta Polski» («недостатки Польши»), подчеркивая, что ими грех не воспользоваться [5. К. 804 vol.].

В официальном отчете польского посольства сообщается, что И. Радзеевский пытался установить с казацкими послами доверительные контакты, чтобы разведать их «замыслы», обещая им под свои личные гарантии всяческие милости и защиту у короля, но встретил решительный отказ казацкой стороны от каких-либо переговоров [5. К. 804 vol.]. Это подтверждается и украинской реляцией, согласно которой М. Родкевич-Портянка заявил направленному к нему польскому представителю, что ему «банкет» посла Речи Посполитой «ненадобен». Более того, известные из материалов о посольстве Радзеевского заявления казацких послов, что они «jak ziemia od nieba, tak dalekiemi jusz od poddaństwa WKMcі і od przyjaśielstwa z Polakі declarowali» («заявили, что они так далеки уже и от подданства Вашей королевской милости и от дружбы с поляками, как земля от неба») [5. К. 804 vol.], находят буквальный подтверждение в тексте публикуемого документа.

Раздосадованный позицией казацких дипломатов Радзеевский, послал к каймакаму секретаря посольства Франчишка Высоцкого с заявлением, что принятие с такой честью «изменников» польского короля, да еще в присутствии в лагере султана посла Речи Посполитой является оскорблением его достоинства и проти-

воречит букве польско-турецких соглашений. Высоцкий объяснял Кара-Мустафе-паше, что султану наверняка тоже бы не понравилось, если бы кто-то принимал под свою защиту его подданных, характеризовал казаков как непостоянных, не раз уже менявших одну «протекцию» на другую. «I was pewnie zdradzą i w wojny niepotrzebne wprowadzą» («и вас наверняка предадут и в ненужные втянут войны») – пророчески предостерегал турецкую сторону польский дипломат, указывая, что казаки не хотят «успокоиться» именно потому, что польский король и республика запретили им устраивать походы против османов и крымцев на Черное море. «I jeśli słuszna wam, sprawiedliwość zachowującym, tak za dobre Polakom oddawać?» («И разве правильно вам, хранящим справедливость, так воздавать полякам за добро?»), – восклицал он.

На все это каймакам заявил, что Порты «открыта» для каждого, и что казаки не теперь же обращаются за «протекцией», но всегда были и должны быть в союзе с татарами как подданные султана. После этой краткой реплики, не дослушав возражений Высоцкого, он встал и вышел [5. К. 804 vol.–805] (см. также [6. S. 123–124; 7. S. 80]).

Из турецких [2. С. 115; 3. S. 12–13] и польских источников также известно, что 9 июля послы Дорошенко были приняты султаном. Реляция, помещенная в коронной метрике, повествует, что польскому посольству предписано было выехать из лагеря султана в Адрианополь, чтобы не присутствовать при аудиенции казаков у султана. Двинувшись в путь, поляки увидели пытавшихся укрыться от их взглядов казацких послов, ожидавших аудиенции Мехмеда IV. Вскоре они были приняты, по замечанию автора польской реляции «частным образом» («*prywatnie*»). Радзеевский оставил в турецком лагере доверенных лиц, чтобы разузнать о ходе турецко-украинских переговоров. По полученным сведениям Родкевича-Портянка и его коллеги выразили готовность совершенно поддаться Порте, предложив ей услуги казацкого войска, если султан даст распоряжение крымским татарам помочь Дорошенко закончить войну с Польшей. Казаки хвалились мощью и боеготовностью своего войска. Аудиенция у султана была прощальной и в тот же день посольство Родкевича-Портянки, получив инсигнии для Дорошенко, было отпущено на Правобережную Украину в сопровождении турецкого аги, который должен был принять присягу «всего войска». Казацкая реляция, впрочем, сообщает, что на Украину вместе с Родкевичем-Портянкой выехали трое чаушей с целью сбора информации и умалчивает о посылке инсигний. Из ее же текста следует, что сам отъезд посольства Родкевича-Портянки состоялся несколько позже отпуска.

10 июля каймакам прислал к Радзеевскому переводчика, некоего Марка Антония, католика на службе у турок, который, не сообщая о состоявшейся аудиенции, пытался убедить того не беспокоиться, что турки «ласково» принимают казаков, ищущих у султана защиты в своих обидах [5. К. 805] (см. также [6. S. 124–125; 8. S. 333]).

Именно аудиенция, состоявшаяся 9 июля, описана в сохранившемся фрагменте реляции. Очевидно, что несмотря на пафосное, и в некоторых случаях даже поэтизированное описание, данный источник отражает реальное содержание украинско-турецких переговоров. В нем четко сформулирована политическая позиция Дорошенко, заключающаяся в объединении Лео- и Правобережной Украины под своей властью с опорой на османский протекторат, предварительными условиями которого являлись лишь обязательства казаков выставлять войско по требованию Порты против ее врагов. Причем ради этого правобережный гетман был готов разорвать традиционные связи запорожцев с донскими казаками. Обращает внимание на себя и недовольство турецкой стороны слишком тесными связями Дорошенко с Крымским ханством, которые султан якобы сравнил с попыткой опереться «о столп деревяной», противопоставляя ему Порту в качестве каменной стены.

Согласно турецким источникам, в ходе второй аудиенции казацкие послы обязались выставить 50 тыс. войска по первому требованию султана [2. С. 115; 3. С. 13]. Несколько меньшую армию, численностью в 40 тыс. человек предлагали украинские дипломаты согласно публикуемой реляции. Порядок цифр вполне сопоставим, и это показывает, что за сообщениями обоих источников стоят реальные факты.

Описывая возвращение казацкого посольства, автор реляции сообщает о недовольстве Дорошенко достигнутыми под Адрианополем соглашениями, которые отдавали правобережное казачество в подданство султана. Факт этого недовольства фиксируется другим источником, который приводит в своей новейшей монографии Б.Н. Флоря. В августе 1667 г. ездившему за Днепр русскому гонцу наместник Пивского монастыря сообщил о возвращении в Чигирин М. Родкевича-Портянки «и от него чюют еще не сподеватца добра» [9. С. 258]. Последняя фраза дословно повторяется в украинской реляции.

Не зная содержания инструкции, врученной М. Родкевичу-Портянке, трудно судить, насколько результаты посольства соответствовали изложенным в ней целям и задачам. Вполне вероятным, однако, представляется предположение, что недовольство Дорошенко формой установившихся украинско-османских связей имело реальный характер и было вызвано желанием четко зафиксировать условия как можно более широкой автономии Правобережного Гетманства под османской властью. Попытки осуществить это мы можем наблюдать уже год спустя, летом 1668 г. [10. С. 86–87].

С другой стороны, не исключено и то, что Дорошенко тем самым также хотел показать старшине и казацким массам, что к переходу под власть «бусурман» его вынуждают сложные политические обстоятельства, и посему декларации верной службы султану даются лишь на время. Схожим образом гетман и его приближенные поступали в 1669 г., когда трактовали события Корсунской рады, на которой османский посол торжественно одел Дорошенко в присланный султаном кафтан, скорее как военный союз, нежели как подданство [10. С. 91; 11. С. 265–276].

Так или иначе, но анализ свидетельств украинского очевидца и польских источников показывает, что главной целью посольства М. Родкевича-Портянки было подтолкнуть Порту к активным действиям против Речи Посполитой. В этом смысле другого пути, кроме как признать верховную власть султана, у Дорошенко не было. И действительно, каймакам на прощальной аудиенции, несмотря на то, что Порта уже подтвердила соглашения с Речью Посполитой, предъявил Ф. Высоцкому требования не только разорвать мир с Россией, но «i do Kozaków się jako poddanuch cesarskich więcej nie znać» («и казаков, как султанских подданных, больше не считать за своих»), которые в этом случае по приказу султана будут оказывать Польше вместе с крымцами военную помощь. Польский дипломат отказался вести переговоры на эту тему как выходящие за рамки предыдущих польско-османских соглашений [5. К. 808] (см. также [2. С. 116; 3. С. 12–13; 6. С. 131, 151; 10. С. 78]).

Последующие события, характеризовавшиеся нарастающим вмешательством Порты в дела Восточной Европы, показали ошибочность расчетов П.Д. Дорошенко. Вопреки его планам вовлечение подвластных ему земель в орбиту турецко-татарского влияния имело и для него, и для исторических судеб Правобережной Украины самые печальные последствия.

В казацкой реляции также сообщается о жалобах греческих купцов, посетивших украинских представителей, на грабежи со стороны поляков и о конфликте между православными и католиками за обладание святыми местами в Иерусалиме.

Документ, который является единственным источником, освещающим украинско-турецкие переговоры непосредственно от лица их участника, публикуется в приложении. Публикация осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Флоря Б.Н.* Богдан Хмельницький і турецька «протекція» // Київська старовина. 2001. № 3.
2. *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.
3. *Dorošenko D. Rypka J.* Hejtman Petr Dorošenko a jeho turecká politika. Zvláštní otisk z Časopisu Národního musea. [Praha], 1933.
4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. 1663–1668. СПб., 1869. Т. 6.
5. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Metryka koronna. Księga 206.
6. *Hubert L.* Zaturcja w 1667 roku i poselstwo Hieronima Radziejowskiego // Idem. Pamiętniki historyczne. Warszawa, 1861. Т. 2.
7. Droga pana posła Radziejowskiego do Porty Othomańskiej 1667 // *Sadok Barącz.* Pamiętnik dziejów polskich. Z aktów urzędowych lwowskich i z rękopismów. Lwów, 1855.
8. Poselstwo Hieronima Radziejowskiego do Turcji w r. 1667 // Дипломати в давних часах. Релacje staropolskie z XVI–XVIII stulecia. Oprac. Przyboś A. Żelewski R. Kraków, 1959.
9. *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
10. *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
11. *Крикун М.* Корсунська козацька рада 1669 року // *Крикун М.* Між війною і радістю. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Київ, 2006.
12. *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000.

Приложение

1667 г. Не ранее второй половины июля. Реляция участника посольства М. Родкевича-Портянки в Османскую империю.

(л. 95) иного государя, а что [...] перед цесаря и он спрашивал, чего хотим. И отдав лист чинили жалобу на поляков. И цесарь говорил, для чего вы короля польского себе за государя имет не хотите? И посол казацкой сказал: как небо от земли, так де и мы от короля хотим быт, а за государя его себе имет не хотим, пусть поляки наших рубежей не занимают, путь царь московской отдаст нам Заднепрье, а по старой свой рубеж держит. И цесарь сказал: мне вы не надобны, мы знаем, какие вы люди, изменяли есте царю московскому не одиножды и своему королю не одиножды ж и ныне дедичного своего государя не хотите, а надеетесь на моего слугу на хана крымского и оперлис, что о столп деревеной, а я есмь стена каменная. Глядите ж, чтоб была правда. Потом спрашивал, много л вашего войска, и посол сказал: (в) 3 дни (л. 96) зберетца 90 000 человек войска, а когда будет Заднепрье наше, будет 500 000. А на вашу цесарскую услугу всегда по 40 000 становитца будет и з Запорожем. И паки спрашал их цесар, (ч)то вы не хотите поляков? И посол сказал: как небо от земли, так и мы от поляков, дети и жены наши присягали, что не искат иного государя. Бог на небе, а ты другой на земли. Отказал цесарь: не хочу от вас никакой дани, знаю, что вы люди убогие, ни денгами, не деревьем на карабли, толко службы вашей требую в правде. И посол сказал: поляки з дары приехали брехати, хотят сабаками обманути, а мы без даров пришли с правдою, сами себя отдаем, с поляками убо подралися. И не можем болше с ними жити. И цесарь сказал, а когда хотя одиножды [...] ак[...] (л. 97) будете [...] говорить сам[...] дит[...] учинитца над вами, понеже у вас частые гетманы, часто бунтуетес, что полковник, то гетман, что сотник, то полковник. А нам жаль, что сами от себя проподаете, поляки господа, а ваши люди по всему свету в неволе живут. Будте ж постоянными, а я вас принимаю под свою оборону, когда я при вас, а вы при мне, будем всему свету страшны. Донские казаки с вами ли? И посол сказал: что как они вашей цесарской милости неприятели, так и наши неприятели. Потому, хто^a убо враг цесарю, то и нам. И так нас

^a В слове буква «ч» переправлена на «х».

отпустил цесар ко двору. И того ж дни звал меня к себе посол полской и присылал ко мне черньца, бывшего архидьякона отца митрополита Виницкого, которой (л. 99) приехал с послом к патриарху по благословение новому митрополиту, а мне не сказал, по что он приехал. Тот же архидьякон и посла казацкого звал на пир к господину Радеевскому, обещаючи нам дары, тогда наш посол Родкевич сказал, что^b мне банкет ево не надобен. В то время пришли к нам на двор торговые люди гречане, которых Тетеря¹ и Чернецкой² под Ставищами³ без остатку пограбили. И пограбя, отпустили к Москве с одним их здоровьем, мало самих не побили. И что господин Замоийский в Ладыж(и)не грабил и те гречане с ними ж приходили⁴. Тако ж и на самого господина Радеевского жаловался один купец з Добровенец, что его сам господин Радеевской пограбил и взял грабежем на 6000 ефимков. А Тетеря и Чернецкой на 1040 ефимков. (л. 98) Потом отпущено господина Стадницкого, а с ним 170 человек поляков для того, что б привезли купцом денги⁵, а господина Радеевского за крепкую сторожу посадили⁶ и сказал так цесар: будет моим купцом не будет удоволствования, велю ухо и нос господину Радеевскому отрезат и всех на каторгу отдат⁷. Припоминаю то ж, что ваша милость добродей наш знал, какую статью^c подал цесарю господин Радеевский, что б хану крымскому⁸ перед ним шея утыта была, и что б первой хан⁹ опять со всем своими владениями и достоенствы был привращен¹⁰. При них также один старец приехал из Ерусалима римской веры, которой ехал х королю. И услышал (л. 100) о послех полских, был у них, жалуючис, что святейший патриарх Нектарий Ерусалимский выгнал римлян из их каплицы из церкви Воскресения Христова, где гроб Господень, там убо розных вер имеют свои каплицы. И пан Радеевский бил челом о том цесарю. И цесарь Радеевскому сказал, на [...] (л. 92) першие мои, то есть верный слуга хан и господар волоский, гледи своей головы, абы есть целу унес в свою землю. Згубили есте свою землю, ай еще хочешь у моей резидовати, а что потриарха учинил, добре учинил, бо здавна грецкое было и нехай будет¹¹. Я от вас жадной дани не маю, а от греков маю и так ни на што не позволил цесар. Теды с тым отозвался пан Родеевский, же я тое учиню, что стало згода с царем московским и я в том приложу старане, же пункта тые резорванные будут и то все абы как выжеглеватца¹². А того цесереви и потреба, бо як стала згода межи царем и королем, у великой тривоже вся земля турецкая заставала и так того боятца, то тые кланяютца ему и что хочет, так вымышляет, упоминаетца дани от короля за дватцать лет. А все то справа казацкая и так в запоре держат ляхов за сторожею, же при нас шесть панов значных турчениами стали, что теж и тое припомнил от потриарх Макария Антиохийского и Олександрейского, которые согласившися, вкупе зъехали от своих престолов, которых юж и по Иересалимского и поставили на Москве нового патриарху, а святейшого потриарху Никона простым монахом учинили. Теды (л. 93) месяца июня 5 дня был сам^d он в Царегороде на тех потриархов, которые были на том соборе, противные святейшему потриарху Никону, проклятые анафема, а на престолах Антиохейском и Олександрейском юж застоют святейшие потриархи и тым не по што квапитися до своих краев¹³. И то теж припомню, бачил того мисияша жидовского¹⁴, что ошукал всех жидов, же до него все как до Христа собралис. Набрал барзо скарбов от жидов и хотел его цесарь стратит и он стал турченином и побесурменился и состоет при везиру и дано ему маетности, а жиды ево завше проклинаят, мовячи так на него: «Ох, ошукал еси нас». Про тое зас пана посла Родеевского, иж взял ведомость, что нас отправлено, прислал снову по Пимины черньца, абым я просил посла казацкого, абы с ним обачился и просил, абы причинился до везира, чтоб отпущено посла королевского и

^b Первоначально было «чтоб», буква «б» зачеркнута.

^c Перед фразой «какую статью» написана та же фраза еще раз и зачеркнута.

^d В слове «сам» буква «м» исправлена из «п».

не позволилися на то. И при отправе послано с нами трех чаусов, то есть ясаулов для розгледаня земли и войска казацкого, ежели есть сто тысячей, как казали перед цесарем, аж не маш, что тое ж сам чул от тых турков. У Олшаной един мурза выбирал стоцею и пошарпали людей у гостинцах и мовил до мурзы, чему вы не умеете гледети казаков, по малу^e глазкайте, а мы зрозумевши их, скажем цесарю (л. 94) сорок тысячей ставит на услугу на Белое море против френгов, то уж тые засядут, а другие на Чорное море против черкесов и так остаток мы, вшедши, поженем их в свою землю. Гды есмо обачилис с гетманом и отдавши поселство от цесаря и так переведено с турецкого языка на руской язык, аж пишет ведлуг отменных пунктов, что посол отменил: «тепер знаем вас за своих, что есте юж наши». И на тое слово барзо пан гетман задивовался и пытал меня наедине и о всем я есми дал справу, как там пан посол справовал. Теды барзо урозился пан гетман и вся старшина, что у подданство Украйну отдал и так *не сподеватца добра. Тое чуючи, турки зрозумеют пана гетмана иж не ведлуг слов полских и листу поступуют*^f.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 98.

Примечания

¹ Павел Иванович Тетеря, гетман Правобережной Украины в 1663–1665 г., пользовавшийся поддержкой Речи Посполитой.

² Стефан Чарнецкий (ум. в 1665), польный гетман коронный.

³ Речь идет об осаде Ставиц войсками С. Чарнецкого в 1665 г., в ходе которой он получил смертельное ранение.

⁴ Речь идет об ограблении купцов в 1665 г. подчиненными львовского подстолия Мартина Замоиского, которому умирающий С. Чарнецкий передал командование польскими войсками на Украйне. Было убито четверо возвращавшихся с Москвы торговцев, убытки по оценкам турецкой стороны составили 13 тыс. талеров (см. [6. S. 94–95; 12. S. 71–73, 101]).

⁵ Польские источники сообщают, что Стадницкий был отпущен с запросом к королю по поводу требований турок, чтобы Польша разорвала перемирие и союз с Россией (см. [7. S. 80]).

⁶ Согласно польским источникам, отношение турок к польским дипломатам изменилось после 15 июля, когда у дома, где жил Радзеевский, был выставлен караул (см. [6. S. 125]).

⁷ Косвенно эта информация подтверждается тем фактом, что выехавшего после завершения переговоров в Польшу Ф. Высоцкого сопровождали турецкие чауши, которые по распоряжению каймакама должны были добиться возмещения убытков ограбленных в Польше купцов, османских подданных. Высоцкий впрочем, полагал, что чауши посланы «dla przejrzenia się, jeśli tak, jako udali zdrajcy nasi Kozacy cale zaginioną Rzplta» [5. K. 808 vol. – 809].

⁸ Адиль-Гирей, крымский хан в 1666–1671 гг.

⁹ Мехмед-Гирей, крымский хан в 1654–1666 гг.

¹⁰ Согласно официальной реляции посольства И. Радзеевского, польская сторона жаловалась, что хан нарушил польско-османские соглашения, «предательски» напав и разорив польские земли (речь шла о поддержке Крымом П. Д. Дорошенко). Поляки требовали возвращения угнанных людей и компенсации убытков (см. [5. K. 801 vol.]).

¹¹ Согласно реляции посольства И. Радзеевского, он действительно делал представление турецкому правительству относительно возвращения католическим монахам-бернардинам права владения Святыми местами в Иерусалиме, которые лишены этого «ядовитыми схизматиками». Уже после его смерти Ф. Высоцкому было предложено «подождать» решения Порты, т.е. фактически отказано в удовлетворении данного требования [5. K. 802, 808].

¹² Польские источники не подтверждают обещаний И. Радзеевского добиться разрыва Андрусовского перемирия с Россией (см. [6. S. 120 i nn.; 7. S. 79–80]). Ф. Высоцкий, впрочем, заявлял турецкой стороне, что вечный мир с Портой Польше дороже, нежели временное перемирие с Россией [5. K. 808].

¹³ Патриархи Макарий Александрийский и Паисий Александрийский в том же году были восстановлены на своих кафедрах по просьбе прибывшего в Стамбул русского посольства (см. [10. С. 78]).

¹⁴ Речь идет об известном еврейском лжемессии Шабтае Цви, положившем начало широкому мессианскому движению среди евреев в Османской империи и европейских странах. Будучи арестован по приказу великого везира, он действительно принял ислам в сентябре 1666 г.

^e Слово «малу» написано два раза подряд.

^f Выделенные курсивом слова написаны более светлыми чернилами.

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Славяноведение, № 4

Очередной, XV, Международный съезд славистов состоялся в Минске 21–27 августа 2013 г. В работе съезда приняли участие более 600 ученых из Австрии, Австралии, Бельгии, Белоруссии, Болгарии, Германии, Израиля, Италии, Испании, Канады, Литвы, Македонии, Польши, России, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Франции, Хорватии, Чехии, Швейцарии, Японии и многих других – всего из 35 стран мира. Программа форума включала пленарные и секционные доклады, «круглые столы», заседания по тематическим блокам, презентации новых фундаментальных трудов по славистике, а также работу специальных комиссий при Международном комитете славистов (МКС). Торжественное открытие и закрытие съезда проходили в концертном зале «Минск», основная научная программа развернулась в стенах Государственного лингвистического университета. С 22 августа начала работу выставка славистической литературы, изданной за последние пять лет в разных странах.

Международные съезды славистов – крупнейшие научные форумы, посвященные проблемам развития и структуры славянских языков, литератур, культур, фольклору, а также истории славистики. В работе XV Международного съезда славистов приняли участие 82 представителя из России, из которых было 72 докладчика, выступивших с докладами на секционных заседаниях и в тематических блоках. От Института славяноведения РАН с докладами выступали 22 ученых, от Института русского языка им. В.В. Виноградова – 14, в работе съезда участвовали филологи-слависты из самых разных научных и научно-образовательных учреждений Москвы (ИМЛИ РАН, МГУ, РГГУ), Санкт-Петербурга (ИЛИ РАН, СПбГУ), Екатеринбургa и Великого Новгорода. Многие из российских участников съезда также были организаторами работы комиссий при МКС (или же активно содействовали их работе), в частности комиссии по Общеславянскому лингвистическому атласу, по славянской лексикологии и лексикографии, по изучению Библии, по этнолингвистике, по фольклору, по исследованию старообрядчества и др. К началу съезда был издан двухтомник докладов российской делегации «Славянское языкознание» (М., 2013) и «Письменность, литература и фольклор» (М., 2013).

Диапазон выступлений на XV Международном съезде славистов был традиционно широк, в докладах и дискуссиях обсуждались различные и весьма важные проблемы славистики в настоящее время. Столь масштабное славистическое мероприятие крайне трудно отразить в хрониках и обзорах, поэтому вниманию читателей представляется подборка отдельных впечатлений участников съезда о прослушанных ими докладах. Тем не менее эти небольшие заметки участников дают представление о состоявшемся съезде. В заключение публикуются письменные версии выступлений ученых Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН во время состоявшейся на съезде презентации завершеного ими в 2012 г. пятитомного этнолингвистического словаря «Славянские древности» [1].

А.А. Плотникова

ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Ж.Ж. ВАРБОТ

Огромное количество идей и материалов, представляемых на каждом Международном съезде славистов, заведомо не может быть в сколько-нибудь значительной части охвачено и осмыслено каждым участником съезда, и поэтому каждый, как правило, воспринимает ту информацию, которая близка к собственным исследовательским интересам по идеям, методике, материалу.

Мною был представлен на съезд доклад – *Ж.Ж. Варбот* (Россия) «Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда» о морфологическом переразложении в праславянском языке на материале отглагольных производных с префиксом **ob-* и значении этого нерегулярного изменения в структуре слов для реконструкции позднепраславянского лексического фонда. Исследование нерегулярных изменений представляется одной из актуальных проблем праславянской грамматики, которые не могут быть объектом описания в собственно грамматических трудах и материал для которых накапливается и исследуется прежде всего в статьях по отдельным проблемам, касающимся разных уровней языка, см. развернутый анализ проблемы места для анализа редких изменений у Я. Малкея [2. Р. 212–213]. Поэтому весьма существенно, что различные типы нерегулярных изменений были освещены в нескольких докладах, представленных на съезде.

Название доклада *И. Янышковой* (Чехия) «Место контаминации в этимологических решениях» четко обозначает анализируемый объект – лексику и применяемый метод толкования – контаминацию. Автор приводит ряд убедительных примеров контаминации. Наиболее важным в докладе представляется обсуждение проблемы разграничения контаминации и других нерегулярных изменений на примере авторских и существующих этимологических решений. Автор уверенно отделяет контаминацию от народной этимологии и напоминает противоречивые толкования в плане контаминация/аналогия на примере структурной близости праслав. *mьrtvъ и *zivъ (ъ < -*uo-*), где справедливо признается автором аналогия, и лат. *mortuus* (вм. перв. *mrtos) – кимр. *marw* (<**mŕ-uo-*), относительно которых вопрос оставлен открытым. Непоследовательна позиция автора в отношении степени семантической близости, необходимой для контаминации: она отвергается для праслав. *krasti и *vesti (как средство объяснения *-d-* в *krasti), но признается для *mnogъ (< и.-е. **men-* ‘выступать. выдаваться’ и **magh-* ‘мочь’). Автором отмечены возможности семантического развития определенного корня как альтернативы контаминации его с другим корнем, но в конкретном случае праслав. *soldьkъ недооценена максимальная вероятность собственного семантического развития ‘солёный’ → ‘приправленный, приятный, вкусный’ (см. в последнее время [3. С. 103–105]). При всей справедливости вывода автора доклада об особенно существенной роли контаминации в этимологии (в сравнении с другими уровнями языка), нельзя без существенной доли сомнения разделить точку зрения, что к контаминации как средству объяснения прибегают тогда, когда все остальные методы бессильны. Этот метод во всех случаях требует надежной аргументации и соответствующего сравнения с возможностями других толкований.

Доклад *Н.П. Антропова* (Белоруссия) «“Вождение *Кўста*” в контексте проблематики белорусско-инославянских (/неславянских) этнолингвистических соответствий», ориентированный на освещение этнолингвистических вопросов, имеет, однако, прямое отношение к рассматриваемой проблеме нерегулярных изменений, так как итогом тщательного обзора и анализа этнографического, фольклорного и языкового материала является объяснение происхождения имени центрального обрядового персонажа *Кўста*. Автор считает исходным праслав. диал.

*gvozdъ ‘лес’ с последующими изменениями: «*gozd → *gost/*zocm → *kosm*/*Kost* (реальная форма, лишенная семантики вне обрядовой сферы) // *густ*/*Густ* (реальная форма, возникшая, скорее всего, в результате семантического сближения с *густ*- (< *gostъ-jъ) → *куст*, *Куст* (реальная форма как результат контаминации *kosm*/*Kost* и *густ*/*Густ* ; *Куст* → *Кушт* как результат раннего балтского (здесь литовского или ятвяжского) влияния». В этой цепи преобразований (регулярных: **gv-* > **g-*, *zd* > *st* как следствие падения редуцированных) и нерегулярных представляется избыточной попытка объяснения вариантности *g/k* (*gost*/*kost*) вариантностью на индоевропейском уровне, поскольку и здесь, и особенно в *куст*/*Куст*, достаточно вероятна народная этимология с переинтерпретацией по *кость* и *куст*. Народно-этимологическое преобразование тем более вероятно, что остается очень спорной (и определенно неясной носителям диалекта) первичная семантика, реконструируемая автором как мифологический персонаж, пришедший из леса и тождественный ему по названию. Однако в приведенных фольклорных текстах этот персонаж не только связывается по месту создания с лесом, но и явно отделяется от леса: см. «Куста, куста да пад цёмны лес», «Ой, мы булы ув вылыкому бору, / Ой, звылы Куста із зылёного клену». Именно этот, семантический, аспект (а не структурные преобразования) реконструкции требует большего обоснования.

Доклад А. Шивиц-Дулар (Словения) «К типологии внутриязыковых факторов развития (на примере славянских языков)» посвящен аналогии как ключевому нефонологическому фактору изменения языка. Автор излагает историю и теории соответствующего понятия и освещает типологию действия аналогии в славянском словообразовании, с описанием также вторичных нерегулярных последствий аналогии в форме переинтеграции (переразложения). Особое внимание уделено развитию праславянских глаголов совершенного вида в славянских языках. Предлагается различать «случайные, непрогнозируемые виды аналогии» и «более систематические виды аналогии, которые основаны на языковых образцах и моделях». Это разграничение сформулировано очевидно неточно, поскольку ориентация на определенный образец=модель необходима для аналогии всегда. Но указание на системные виды подводит к авторскому толкованию явлением аналогии ряда процессов в славянском словообразовании, аналогический характер которых представляется весьма спорным. Таковы, в частности, процессы расширения прилагательных с *и*-основами суффиксами *-ko-*, *-no-* и *-ьно-*, образование глаголов с суфф. *-nq-*, параллельных основам на *-a-* и *-ě-*.

Содержание упомянутых докладов убеждает в актуальности проблемы нерегулярных изменений в языке и необходимости продолжения разработки соответствующих понятий и методики их применения для объяснения изменений на различных уровнях языка.

Т.И. ВЕНДИНА

Начну с пленарного доклада Г.А. Цыхуна (Белоруссия) «Аспекты славянской ареальной лингвистики», так как это первый случай в истории съездов славистов, когда на пленарное заседание выносится доклад по ареальной лингвистике. Факт сам по себе чрезвычайно значимый, свидетельствующий о перспективности данного направления в славистике. Кроме того, проблематика доклада перекликается с моим секционным докладом. Пленарный доклад Г.А. Цыхуна был посвящен проблеме центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, которая, как известно, имеет давнюю историю и берет свое начало еще в теории волн И. Шмидта. Традиционно центр рассматривался как некая креативная область, которая рождает инновации. Инновации распространяются радиально на окружающие территории, оттесняя архаизмы на периферию. Такое представление о соотношении центра и инноваций сложилось во многом благодаря

работам представителей романской неолингвистической школы, и прежде всего М. Бартоли, разработавшего понятие «нормы ареала», в соответствии с которым «инновации исходят из метрополии (Италия), а более поздние романизованные провинции сохраняют архаизмы». По мнению Г.А. Цыхуна, праславянская языковая территория не была полностью аналогичной романскому языковому миру, а представляла более или менее гомогенную общность без сложившейся метрополии и провинций. Основные инновации в этом континууме зарождались в зоне контактов с соседними языками, перекрывая большую часть их и оставляя остальную часть во «власти» архаизмов, однако и здесь могли зарождаться периферийные инновации. В результате наложения ареалов разнонаправленных инноваций образовывалась «сверхинновационная» зона, представлявшая собой «центр», противопоставленный менее инновационной и более архаичной периферии. Этот «центр» был, по существу, результатом взаимодействия инноваций, а не их производителем. Таким образом, по мнению Г.А. Цыхуна, центры зарождения инноваций формируются на периферии. В отличие от романского языкового мира, где ареальный центр был стабильным, ареальный центр славянской языковой общности перемещался в связи с миграцией славян и экспансией неславянских народов.

И далее в докладе была сделана попытка определить славянские праязыки, занимавшие центральную позицию в праславянском языковом сообществе на основе интерпретации лексикостатистических и глоттометрических данных А. Журавлева, Н. Котовой и М. Янакиева. Используя так называемые t-показатели, свидетельствующие об эксклюзивности языковой системы того или иного идиома, докладчик говорил о том, что таким низким показателем обладают белорусский, украинский и словацкий языки. На основании этого он делает вывод, что на определенном историческом этапе на позицию центра претендуют белорусский, украинский и словацкий праидиомы, а на роль ближней периферии македонский, словенский и нижнелужицкий праязыки. После разделения славянской языковой общности на два ареала – севернославянский и южнославянский, снова происходит формирование отдельных ареальных структур типа центр – периферия.

В моем докладе – *Т.И. Вендина* (Россия) «Типология архаичных ареалов Славии» проблема центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов рассматривается с позиций архаизмов. Доклад отвечает на вопрос: является ли у славян, как у романцев, центр сферой инноваций, а периферия – областью архаики. В связи с этим зоны архаики оцениваются не только в пространственном, но и типологическом аспекте. Предметом исследования явились материалы Общеславянского лингвистического атласа.

Первый вопрос, который необходимо было решить, это вопрос о том, какие критерии являются надежными, необходимыми и достаточными при хронологической стратификации материала, представленного на картах Атласа, поскольку на них праславянские языковые явления сосуществуют в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков. Можно ли вообще найти такие критерии или, вслед за Н.С. Трубецким, следует признать, что «всякое отдельно взятое слово распространяется в своих собственных границах» и имеет свою собственную топографическую историю? А потому от поисков таких критериев следует отказаться. В связи с этим перед нами стояли задачи:

- 1) выделить архаизмы;
- 2) определить их локализацию на всем пространстве terra Slavica, а для этого необходимо было рекартографировать материал содержащих их карт;
- 3) выстроить типологию архаических ареалов.

В целях повышения чистоты эксперимента я сузила определение архаизма. Под архаизмами понимаются лексемы, имеющие общеславянское распространение, праславянское происхождение и индоевропейские соответствия, т.е. архаиз-

мы оцениваются не с функциональной точки зрения (как это обычно делается в курсе лексикологии), а исключительно с пространственно-временной. При этом взаимоотношения центра и периферии рассматриваются в пространственно-типологическом аспекте **современной Славии**, а не «доисторической». В докладе были представлены многочисленные ареальные сценарии существования праславянских архаизмов и показано, как пространство влияет на тип ареала.

Приводя рекартографированные материалы Атласа, я говорила о том, что архаичные языковые явления могут находиться как на периферии, так и в центре современной Славии. Они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы, разрушение которых может происходить как в центре, так и на периферии. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Как свидетельствуют карты Атласа, вся периферия Славии подвержена разрушительным процессам. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления. В этом смысле показательна сама типология процесса разрушения ареалов архаичных лексем: этот процесс связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой, в которой сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *ov-ьĕ-ьk-a*, *žen-ьk-a*, *//ež-ьk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ*, *měst-ьc-e*, *muš-ьk-a*, возникших на основе своих праславянских производящих). Таким образом, историческая последовательность языковых событий, как отмечал Л. Теньер, как бы записывается самой географией на данной территории, где запись эту остается только прочесть [4. С. 114].

Выстраивая типологию ареалов праславянских архаизмов, я доказывала, что противопоставление центрального и маргинального ареалов как зон инноваций и архаики в славянском диалектном континууме является упрощенной схемой их отношений, которые в действительности оказываются значительно сложнее. Таким образом, материалы Атласа дают основания для нового взгляда на некоторые стереотипы лингвистической географии.

Доклад *Е.С. Узенёвой* (Россия) «ОКДА и современные этнолингвистические исследования карпато-балканского региона» был посвящен проблеме изучения материальной и духовной культуры этого региона. Дело в том, что в свое время составители «Общеславянского карпатского диалектологического атласа» отказались от идеи создания комплексного лингво-этнографического атласа. Приводя различные полевые материалы, собранные по специальному этнолингвистическому вопроснику, Узенёва убедительно доказывала целесообразность и необходимость реализации этой идеи, которая позволит существенно дополнить материалы Атласа.

Доклад *А. Цыхнерской* (Польша) «Балканский тип сандхи» был посвящен особому виду сандхи, который существует в македонских и албанских диалектах. Полевые наблюдения автора свидетельствуют о том, что возникновение этого явления обусловлено такими причинами, как темп речи, тип морфологической границы, качество слога, долгота, тип паузы и даже возраст говорящего. В диалектах обоих языков часто наблюдается оглушение конечных звонких согласных на границе двух слов.

Доклад *М. Йовановича* (Черногория) «Фонетические особенности говоров на границе Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины» был посвящен фонетическим изменениям, которые происходят в этих говорах сегодня. По мнению автора, эти изменения во многом обусловлены различием в конфессиональной принадлежности носителей диалекта, поскольку современная ситуация в обществе заставляет говорящего по-новому решать проблему своей идентификации (вынужденный билингвизм, изменение диалектной базы говоров, миграции, пре-

бывание в новой среде – все это влияет на речь говорящего и, соответственно, на фонетические особенности этих говоров). В этом смысле данные говоры интересны не столько с диалектной, сколько с социолингвистической точки зрения.

Доклад *С. Реметича* (Сербия) «Сербский диалектологический атлас в свете языковой и диалектной интерференции» также был посвящен проблемам социолингвистического характера. Автор говорил о серьезных изменениях на карте сербских диалектов, которые произошли в результате миграционных процессов, вызванных военными событиями: территория одних диалектов уменьшилась (причем иногда настолько, что некоторые диалекты исчезли вовсе), тогда как территория других диалектов, напротив, увеличилась. В результате возникли проблемы с «Сербским диалектологическим атласом». Он также приводил примеры изменения в фонетической и лексической системе говоров, когда они оказываются в окружении диалектов иных конфессий.

В докладе *С.А. Мызникова* (Россия) «Региональные восточнославянские атласы в системе славянских и финно-угорских» говорилось о необходимости создания региональных атласов (особенно на территории северо-запада) с целью выявления финно-угорского субстрата.

Следующий блок докладов (*Я. Сятковского*, *А. Ференчиковой*, *В.П. Русак*) был связан с Общеславянским лингвистическим атласом. Доклад *Я. Сятковского* (Польша) «Значение и география славянских названий частей тела» был посвящен историческому, этимологическому и лингвогеографическому анализу отдельных анатомических названий, представленных в 9 томе лексико-словообразовательной серии Общеславянского лингвистического атласа «Человек», в частности таких лексем, как *зуба*, *утроба*, *лицо*, *бровь*, *лоб* и др.

Доклад *А. Ференчиковой* (Словакия) «Словообразовательная проблематика в 4 томе лексико-словообразовательной серии ОЛА “Сельское хозяйство”» раскрывал проблему диалектной дифференциации Славии по данным словообразования. В этом томе содержатся девять собственно словообразовательных карт: они посвящены названиям фруктовых деревьев и их плодов, на двух таких картах показаны различия как в способах номинации, так и в деривационных средствах; названиям полей, с которых убраны зерновые культуры и картофель, названиям палок косы, цепа и грабель, названиям деятелей – четыре карты, различающиеся суффиксами, участвующими в оформлении соответствующих названий. На этих картах отчетливо просматривается диалектная дифференциация современной Славии, в частности на картах, посвященных наименованиям *nomina agentis*, хорошо видно противопоставление южной и северной Славии: если в южной Славии основным словообразовательным средством в их оформлении является суф. =*аѝ-ь*, то в северной – суф. =*ьс-ь*.

В докладе *В.П. Русак* (Белоруссия) «Морфонология белорусского языка в общеславянском контексте (лингвогеографический аспект)» освещались вопросы исторической фонетики и морфонологии в свете новых данных ОЛА. Рассматривалась проблема ареальной дифференциации современной Славии в связи с непоследовательностью фонетических процессов 2-й и 3-й палатализаций заднеязычных согласных, а также вызванными ими историческими чередованиями на морфемных швах.

Доклад *С.С. Скорвида* (Россия) «Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа» был посвящен историческим изменениям в одном чешском говоре, носители которого переселились в Краснодарский край более 150 лет назад (в 1860 г.). Привлекая обширный диалектный материал, собранный в полевых экспедициях, автор показал, какие изменения произошли в фонетической и лексической системе этого чешского говора и вместе с тем обратил внимание на то, что до сих пор этот говор сохраняет яркие признаки юго-западных чешских диалектов, хотя и испытал воздействие южнорусской языковой среды.

Сходной проблеме был посвящен и доклад *Н.Е. Ананьевой* (Россия) «Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом». В докладе прослеживалась судьба двух польских говоров, один из которых сохраняет черты материнского диалекта (силезские говоры), а другой относится к так называемым кресовым идиомам, сформировавшимся на восточнославянском и балтийском субстрате. Оказавшись в иноязычном окружении, эти говоры по-прежнему сохраняют яркие черты силезских говоров, хотя и демонстрируют разную степень усвоения русских языковых элементов.

Доклад *Е. Серочука* (Польша) «Характерные признаки диалекта в языке жителей сел» затрагивал частную проблему, а именно – изучение диалектных текстов для сравнительной характеристики тех или иных говоров. Так, в частности, его внимание привлекло книжное издание «Текстов из запада Великой Польши» З. Соберайского. На 210 страницах этого текста имеется около 63 тыс. диалектных форм. Сравнив этот материал с данными «Великопольского атласа языка и народной культуры», автор приходит к выводу, что целый ряд форм, типичных для говоров этого региона, в исследуемом корпусе либо не выступает, либо имеет одиночное употребление. Поэтому идентифицировать диалектные формы в этом тексте не представляется возможным.

А.Г. КРАВЕЦКИЙ

Предлагаемый ниже обзор содержит заметки о ряде докладов, прочитанных на заседаниях секций по проблематике «Славянская письменность на разных этапах ее развития». В докладе *А.А. Пичхадзе* (Россия) «Лингвистические особенности славянских толковых переводов XI–XII вв.» были рассмотрены лексические и грамматические особенности переводов греческих толкований Феофилакта Болгарского на библейские тексты, а также толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова. Развивая ранее высказанную А.А. Алексеевым гипотезу об общем происхождении этих переводов, докладчик указал на то, что особенностью переводов этой группы является сосуществование лексических южнославянизмов и русизмов. Охарактеризовав эти особенности, А.А. Пичхадзе показала, что наибольшее сходство толковые переводы имеют с Хроникой Георгия Амартола, переведенной не позже второй половины XI в. и с некоторыми другими, близкими к Хронике, переводами. При этом толковые переводы отличаются от Хроники наличием некоторых преславских лексем. Кроме того, здесь отсутствует лексика, объединяющая Хронику с древнейшей славянской гимнографией.

Доклад *А.А. Гинтцуса* и *С.М. Михеева* (Россия) «О подготовке свода надписей-граффити Новгорода Великого XI–XVII вв.», прочитанный С.М. Михеевым, представлял собой презентацию проекта многотомного свода древнерусских надписей. Одновременно докладчик подвел и первые итоги этой работы. Было отмечено, что включение эпиграфического материала в круг текстов, исследуемых историками и лингвистами, существенно расширяет наши представления о характере и репертуаре древнерусской книжности, а также о политической и церковной истории Древней Руси. В настоящее время идет работа над надписями, сохранившимися более чем в 20 новгородских храмах.

В докладе *М. МакРоберт* (Великобритания) «Да насладится ему беседа моя: употребление перфектных и имперфектных форм второго лица в церковнославянском» была предложена модель распределения аористных и имперфектных форм в зависимости от жанра текста и адресата высказывания.

В своем докладе «“Влесова (Велесова) книга” с точки зрения славистики» *В.В. Нимчук* (Украина) дал обзор гипотез, касающихся обстоятельств фальсификации и дальнейшего распространения этого фальсификата. Докладчик посетовал, что, несмотря на убедительные доказательства фальсифицированного характера

этого текста, он продолжает активно публиковаться и комментироваться в различных популярных работах.

Доклад *И.В. Герасимовой* (Россия) «Проблема адаптации текста и напева песнопений Литургии Киевской митрополии в рукописях Московского патриархата XVII – первой половины XVIII в.» был посвящен влиянию киевской певческой традиции на московскую. Она отметила, что созданные в Юго-Западной Руси певческие книги появились в Московской Руси во второй половине XVII в. Прямое использование киевских ирмологиев было невозможно, поскольку киевская редакция распеваемых текстов отличалась от московской. Взаимная адаптация музыки и текстов происходила во время книжной sprawy, проводимой во второй половине XVII в. И.В. Герасимова достаточно подробно осветила технические вопросы подобной адаптации, показав, что к 80-м годам XVII в. в крюковых обиходах сформировался сравнительно устойчивый цикл Киевского напева, содержащий ряд специфических песнопений Киевской митрополии. Многие из этих песнопений были восприняты русской певческой культурой. Так, например, напев «Милость мира» в чине Литургии Василия Великого хорошо известен и в современной богослужебной практике.

Доклад *И. Хегедуша* (Венгрия) «Об исправлении церковных книг в Москве в XVII веке» также был посвящен Никоновской справе. На основе анализа корректурных экземпляров докладчик предложил перечень явлений, подлежащих нормализации в процессе sprawy. Очень интересными кажутся выводы автора о том, что некоторые орфографические явления, традиционно считающиеся инновациями, появившимися при патриархе Никоне, встречаются еще в исправлениях иосифовых справщиков.

В своем докладе «Формирование языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Влаеу)» *Н.В. Николенкова* (Россия) рассмотрела историю и языковые особенности славянского перевода знаменитого атласа «Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus», составленного Вильгельмом и Иоанном Блау. Докладчик исходит из того, что кружок московских грекофилов, представителями которого был осуществлен славянский перевод, сознательно стремился к расширению сферы использования стандартного регистра церковнославянского языка. Анализ рукописной традиции показал, что переводчики активно экспериментировали с разными вариантами передачи терминов, используя в одних случаях транслитерацию, в других – прибегая к поморфемному переводу, в третьих – употребляя описательный термин. При этом ни одному из вариантов не было отдано предпочтения, и на протяжении всего XVIII в. все три модели активно использовались в переводческой практике. С грамматической точки зрения перевод соответствует нормам стандартного регистра церковнославянского языка.

В докладе *С. дел Гаудио* (Италия) «Ранние латинско-славянские контакты и их отражение в древнейших письменных памятниках» ставился вопрос об относящихся к дописьменной эпохе контактах носителей славянских диалектов с латинским миром. Проанализировав ряд исторических и языковых свидетельств, докладчик пришел к выводу о том, что определенный пласт латинизмов имелся уже в протославянском языке, откуда он и был заимствован письменной традицией.

Т. Дайбер (Германия) в докладе «Одновременность и казуальность: *яко* в Мариинском Евангелии» рассмотрел средства, при помощи которых славянские переводчики передают конструкции с союзом *ѡти*, и в связи с этим описал функции славянского слова *яко*. Славянское *яко* (также как и *ѡти*) может использоваться как для введения прямой речи, так и в качестве причинного союза в том случае, если имеется указание на одновременность действия.

Доклад *Ф. Томсона* (Бельгия) «Славянская рецепция сочинений папы Григория Великого» содержал обзор славянских переводов творений св. Григория – от Римского патерика, переведенного на славянский не с оригинала, а с греческого

перевода в конце IX – начале X в., до переводов XVII в., выполненных уже с латыни и атрибутируемых Симеону Полоцкому и Димитрию Ростовскому.

В докладе *А.М. Молдована* (Россия) «Рукописная традиция 16 Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского» было предложено рассматривать древнейший список 13 слов Григория Богослова как копию конволюта, в который входят два самостоятельных блока. Первый блок (8 слов) принадлежит известному сборнику 16 Слов Григория, а оставшиеся тексты – к какой-то иной переводческой традиции. Таким образом, докладчик предлагает видеть в древнейшем списке не начальный этап текстологической истории этого памятника, а один из промежуточных этапов. В дальнейшем тексты слов Григория неоднократно редактировались с целью приблизить их к греческому оригиналу.

Доклад *А.Г. Кравецкого* (Россия) «Церковнославянский язык как один из современных славянских языков» был посвящен судьбе церковнославянского языка в XVIII–XXI вв., когда этот язык утратил функции литературного, но продолжал использоваться в качестве литургического. Докладчик указал на то, что, с одной стороны, поздняя церковнославянская письменность непосредственно связана с кирилло-мефодиевской традицией, что дает основания рассматривать ее как консервацию определенного этапа развития старославянского языка. С другой стороны, церковнославянский язык продолжает достаточно активно развиваться и видоизменяться. При создании новых текстов и исправлении старых современные редакторы могут стремиться как к их модернизации (с целью сделать более понятными), так и к архаизации. Столкновение архаизаторского и модернизаторского подходов ведет к тому, что даже в пределах текстов, написанных в XX–XXI вв., сосуществуют исторически разновременные словоизменительные парадигмы, логическая и интонационная пунктуационная система и некоторые другие элементы, принадлежащие разным историческим эпохам.

В докладе *Г.С. Баранковой* и *И.И. Макеевой* (Россия) «Повествовательные произведения Кирилла Туровского и проблемы русского литературного языка» были рассмотрены нарративные сочинения Кирилла Туровского, комплексное изучение которых дает новый материал для истории русского литературного языка. Было показано, как Кирилл наряду с употреблением слов в прямом значении значительно расширяет семантику обычных слов. Для аллегорических и назидательных толкований используется также и отвлеченная лексика. Широко представлены композиты. Обилие синонимов или близких по значению слов составляет одну из характерных языковых особенностей языка Кирилла. Писатель обогащал свой язык как лексикой, восходящей к кирилло-мефодиевской традиции, так и преславской лексикой. В литературный язык Кирилл Туровский внес особую метафоричность, выразительность и эмоциональность.

Г.П. ПИЛИПЕНКО

В рамках XV Международного съезда славистов особое внимание было уделено рассмотрению языковых ситуаций в славянском мире. Доклады участников заслушивались на заседаниях, которые, к сожалению, проходили одновременно. В результате приходилось буквально «разрывать» между секциями, чтобы послушать интересный доклад, а интересными были все доклады. С другой стороны, понятна такая организация: много докладчиков, участников, поэтому равномерно выстроить работу секций по одной тематике вряд ли было возможно.

Больше всего внимание докладчиков привлекал анализ языковых ситуаций в разных уголках славянского мира. Так, *О.А. Остапчук* (Россия) интересовала языковая ситуация на Украине, сравнению языковых ситуаций на Украине, в России и Хорватии был посвящен доклад *Ж. Челич* и *Т. Фудерер* (Хорватия), *М. Вингендер* (Германия) охарактеризовала современную ситуацию в Поволжском регионе РФ, *Т. Менцель* (Германия), анализируя использование местоимений в белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи, подробно ос-

тановился на языковой ситуации в этих регионах, а *М. Глушковский* (Польша) рассмотрел ситуацию на микроуровне – в польской деревне Вершина Иркутской области России.

Отдельный блок тем, представленный на секциях, касался вопросов двуязычного образования и речи детей из двуязычных семей, при этом все доклады, что хотелось бы отметить, основывались на результатах собственных опросов и работы с информантами. *Г.П. Филипенко* (Россия) сравнил систему двуязычного образования в Прекмуре и в Воеводине. В других докладах на данную тему в фокусе внимания были группы иммигрантов в первом и во втором поколении. *М. Перотто* (Италия) изучала русскоязычных детей, посещающих так называемые субботние школы в Италии, *Т. Аништатт* (Германия) обратилась к изучению польскоязычных детей в Германии, а *А. Пеетерс-Подгаевская* (Нидерланды) анализировала высказывания детей из русско-нидерландских семей. Из всего корпуса собранных отклонений видна тенденция к вытеснению форм и конструкций, характерных для родного языка, элементами из языка преобладающего окружения: чрезмерное употребление указательных местоимений, выбор вида глагола, замена синтетических конструкций аналитическими и т.д.

Русинистике как отдельной дисциплине были посвящены доклады *М. Капрала* (Венгрия), а также *А.Д. Дуличенко* (Эстония), представившего обзор всех «микрофилологий» в современном славяноведении. Следует отметить, что дискуссии, следовавшие за представленными докладами, были самыми продолжительными и по накалу страстей довольно жесткими. Большую полемику вызвал статус русинского языка (языков). Вопросы к докладчикам, к сожалению, не всегда были выдержаны в нейтральной манере и иногда принимали издевательский тон, что в научных дискуссиях недопустимо.

Исторической социолингвистике был посвящен доклад *В. Жобер* (Франция), в котором анализировалось использование иноязычных вкраплений в переписке представительницы дворянского рода О.А. Толстой-Воейковой. Данная тема вообще представляет отдельное направление в исторической социолингвистике. О переключении кода, но уже в современной ситуации, говорил *Д. Пинеда* (Норвегия), рассматривая саамско-русское двуязычие на Кольском полуострове.

Отдельно хотелось бы остановиться на сообщении *А. Зинкевича* (Австрия). Его исследование является примером междисциплинарных исследований (на стыке социолингвистики и медицинской реабилитации) – исследование восстановления речи у билингвов после инсульта. Объектом исследования была речь одного информанта родом из Белоруссии, имеются образцы его речи до инсульта и после. Докладчик делает вывод, что поскольку белорусскоязычная терапия отсутствует, то в идиолекте информанта после проведенной терапии стали преобладать элементы русского языка. Данное направление представляется нам чрезвычайно интересным для исследования, особенно в многоязычных регионах. С другой стороны, подобные исследования чрезвычайно дороги и под силу только коллективу ученых, не говоря уже об их длительном характере.

Доклад *М. Краузе* (Германия) также вызвал интерес у аудитории. На большом эмпирическом материале было представлено отношение носителей русского языка в Германии к разным вариантам русского языка и диалектам, при этом определялись лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на это отношение.

Если упомянутые выше авторы уделяли внимание внешнеязыковой ситуации, то доклад *Г.П. Нецименко* (Россия) был посвящен внутриязыковой ситуации: влиянию спонтанных языковых процессов в устной речи на кодифицированную языковую норму.

Особенностью съезда славистов было проведение тематических блоков. Как правило, выступает один докладчик и несколько содокладчиков, затем предполагается дискуссия. Данная форма научной дискуссия оказалась очень эффек-

тивной: на рассмотрение выносятся проблема, доклады подбираются близкие по тематике, у докладчиков и дискуссионтов достаточно времени, чтобы высказаться. Один из таких тематических блоков был посвящен актуальному вопросу в социолингвистике «Смешанная речь или смешанная система». В качестве основного докладчика выступил *Г. Гентшель* (Германия), в своем выступлении он рассматривал белорусско-русскую смешанную речь, так называемую трасянку. С докладчиками были *И. Тамбор* (Польша) и *А. Тараненко* (Украина), которые рассказали о языковой ситуации в Силезии и об украинско-русской смешанной речи, «суржике», соответственно. Пристальное внимание авторов к проблеме смешанной речи понятно, съезд славистов проходил в Минске, в Белоруссии «трасянка» исследуется очень активно. Докладчики приходят к выводу, что и в «трасянке», и в «суржике» элементы белорусской, украинской и русской языковой системы смешиваются не хаотично, как это может показаться на первый взгляд.

В целом, докладчики на съезде осветили все основные области социолингвистики: переключение кода, смешанная речь, изучение речи мигрантов, двуязычное образование, отношение к языку и к языковым явлениям, историческая социолингвистика, комплексный анализ внешне- и внутриязыковых ситуаций, функционирование славянских микроязыков, в полной мере был продемонстрирован междисциплинарный характер социолингвистики. Однако из-за параллельной работы секций было невозможно услышать все доклады, которые в программе съезда были заявлены в разделе «Языковые ситуации в славянском мире».

И.А. СЕДАКОВА

Самое полное впечатление мне удалось составить о работе секции «Языковая картина мира у славян. Когнитивные, этнолингвистические, лингвокультурные и лингвопрагматические подходы к изучению славянских языков», где было мое выступление. Заседания начались с доклада *С. Небжеговской-Бартминьской* (Польша) «Стереотипы и ценности в языковой картине мира», в котором ставились теоретические и методологические проблемы типичной для Люблинской этнолингвистической школы аксиологической направленности, но на материале народных «стереотипов» (в терминологии «люблинцев»). Она рассмотрела три стереотипа (образа или концепта в ином терминологическом обозначении) – «солнце», «Бог», «мать» и показала, как когнитивные компоненты в них связываются с аксиологическими. Продолжением этой проблематики стало выступление *С. Ристич* (Сербия), которая в своем докладе «Элементы языковой картины мира в дескриптивной лексикографии – языковые и культурные стереотипы» также оперировала научными методами и терминами Люблинской этнолингвистической школы. На примере лексики, связанной с концептами «дом» и «мать», исследовательница показала, что словарь-тезаурус может дать довольно-таки полную аксиологическую картину. Особую роль в раскрытии ценностной сущности концептов играют словосочетания, которые при сравнении с другими языками позволяют выявить национальную специфику аксиологической картины мира. Как бы подтверждая это положение, дискуссия обозначила серьезные расхождения в сербском и болгарском идиоматическом материале, связанном с концептом «мать» (у болгар нередко в конструкциях присутствует не «мать», а «отец», *бащина къща* «отцовский дом» и др.). *И.А. Седакова* (Россия) в докладе «О 'легкости' и 'тяжести/трудности' в языке и культуре славян: этнолингвистический анализ» обозначила некоторые закономерности в наличии или отсутствии симметрии в лексическом и культурном заполнении полей 'легкости' и 'тяжести', обозначила межславянские синонимические ряды 'легкости' ('счастливым', 'спокойный', 'добрый' и др.), а также проанализировала ряд этнографических контекстов, в которых языковая семантика поддерживается культурной. Доклад *Л.И. Шевченко* (Украина) «Колористика в массовом сознании славянских социумов» базировался на результатах психолингвистического эксперимента по восприятию цвета и

выстраиванию ассоциативных рядов в массовом языковом сознании. Цветовая характеристика позволяет отчетливо очертить национальную специфику языковой картины мира; даже в наши дни, как утверждала Л.И. Шевченко, в эпоху глобализации, аксиология цвета связана с традиционным этнокультурным фоновым знанием. При этом исследовательница поделилась необычными, по ее мнению, ассоциациями. Например, к слову *корова* студенты в ассоциативном эксперименте часто давали определение *фиолетовая*. Очевидно, что это устойчивое словосочетание навязано массовой культурой, и быстрый поиск в Яндексе или Гугле позволяет раскрыть эту загадочную для докладчицы связь (*фиолетовая корова* – ключевое словосочетание для модной теории маркетинга, которую изучают студенты вузов).

Е.Л. Березович (Россия) в докладе «К типологии метафоры: вторичные значения лексем “мачеха”, “вдова”, “сирота”, “холостяк” в славянских языках (на иноязычном фоне)» на богатейшем лексическом материале показала мотивационные механизмы в развитии переносных значений у лексики «аномального» родства и охарактеризовала тематические группы лексем во вторичном значении, мотивы и отдельные уникальные семантические переносы. *М. Китанова* (Болгария) в докладе «Культурные доминанты при реконструкции концепта “время” в болгарском и русском языках» поделилась с аудиторией своими наблюдениями над сходством и различием в так называемой пословичной ментальности двух народов применительно к категории времени. Сложилось впечатление, что это первый подступ исследовательницы к теме, поскольку для слушателей осталось непонятным, каковы принципы выявления категории времени в тех пословицах, где отсутствуют ключевые лексемы исследуемой лексико-семантической группы. Логика подбора материала вызвала много нареканий. *В.Б. Колосова* (Россия) в докладе «Народная этимология и этимологическая магия в славянской народной ботанике» остановилась на сложных случаях смычки семантики термина и описания его ритуального применения. Таких случаев, когда трудно определить, что является причиной магического использования растения – онтологическая специфика растения, его символика или же внутренняя форма его терминологического обозначения в славянских странах немало.

Г.И. Кабакова (Франция) выступила с докладом «Наивная анатомия в славянских языках: пищеварительная система». Она обратилась к практически не исследованной, но очень перспективной этнолингвистической теме метафоричности внутренних органов и их деятельности. Докладчица привлекла богатый диалектный материал и выделила основные принципы традиционного народного описания процессов переваривания пищи, состояния голода или, наоборот, сытости. *А. Пеянович* (Черногория) в докладе «Постоянные эпитеты как этнокультурные маркеры» сравнила эпитеты для сокола, волка и поля в русском и сербохорватском (оговорив, что это условный термин) языках.

Та часть докладов, которые удалось прослушать на секции по языковой картине мира, перекликались между собой. Доклады ряда исследователей во многом опирались на методику Люблинской этнолингвистической школы и были обращены к описанию одних и тех же стереотипов (концептов). Кроме того, были очень интересные сближения в материалах и их интерпретации в докладах С. Небжеговской-Бартминьской, Е.Л. Березович, И.А. Седаковой и Г.И. Кабаковой.

Из других секций удалось послушать доклад *Т.В. Радзиевской* (Украина) «Передача речевого события в украинском языке». Исследовательница выделила 12 типов «новых» ситуаций в речевом дискурсе и описала развитие языковых средств при передаче «своего» или «чужого» материала. В дискуссии многие слушатели настаивали на том, что эти ситуации не являются новыми, и доводы докладчицы, что опеределенная модификация ситуаций имеется, их не убедили. Интересная дискуссия разгорелась в связи с обсуждавшимся в докладе фактом участвовавшего использования в современном украинском языке частицы *ніби-то*, которую

автор считает аналогами рус. *как бы, типа* с модальностью недоверия. В ходе дискуссии предложили соотносить эту частицу с рус. *якобы* и *вроде*.

Б.Ю. Норман (Белоруссия) прочел несколько провокативный для лингвистов доклад о псевдовысказываниях (как он сам отметил, его вдохновили идеи В.А. Звегинцева, который писал о неререферентных «псевдопредложениях»). Докладчик начал с хрестоматийных дидактических примеров разной функциональной направленности: «Мама мыла раму», «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», «Иван родил девочку, велел тащить пеленку» (слушатели с радостью стали вспоминать идентичные дидактические тексты на польском, сербском и других славянских языках, поскольку подобные тексты служат опознавательными знаками для гендерно-поколенческих «узнаваний»). Однако исследователь не ограничился этими примерами и значительно расширил сферу «псевдовысказываний», включив в нее и пословицы, и поэзию, и некоторые (псевдо)научные тексты. В результате участники дискуссии предложили *Б.Ю. Норману* значительно сузить понятие и круг текстов, относящихся к «псевдовысказываниям».

Исключительно интересным для меня оказалась секция по белорусистике. Докладчики (*Л.В. Рычкова, Т.Р. Рамза, А.В. Никищевич*) в основном анализировали специфику социолингвистической ситуации в Белоруссии, говорили о перспективах развития белорусского литературного языка в разных городах страны и его применения в образовательных процессах в высшей школе.

Тематический блок «Ценности в культурно-языковом образе мира славян и их соседей» (рук. *Е. Бартминьский*) ознакомил слушателей с многолетней работой в области аксиологии, которая ведется учеными разных стран, но центром ее является Польша. Основной доклад прочитали теоретики этого большого проекта *Е. Бартминьский* и *В. Хлебда*, которые рассказали об основных методологических проблемах исследований, доложили об уже достигнутых результатах и наметили основные перспективы работы. Участники блока поделились своими наработками в изучении ценностей как с применением методики *Е. Бартминьского* (*Е. Руденко, Д. Айдачич*), так и без строгого соблюдения этих рекомендаций (*Е.Л. Березович, С.М. Толстая, И.А. Седакова*). Дискутант *А.В. Юдин* поднял вопрос о переводимости терминов самих концептов-ценностей, которые подвергаются анализу. Действительно, терминология создает серьезные проблемы при сопоставлении аксиологических аспектов одного концепта, поскольку точных соответствий при переводе не получается. Как кажется, отсутствие эквивалентов при переводе приводит и к положительным результатам, поскольку исследователи должны обратиться и к обстоятельному сравнительному собственно семантическому анализу.

Н.Н. СТАРИКОВА

В программе XV Международного съезда славистов было заявлено шесть литературоведческих секций: «История славянских литератур и анализ художественного текста», «Литература и религия», «Славянский перевод», «Литература – философия – идеология», «Проблемы современных славянских литератур» и «Литературная критика и публицистика». Последняя секция за отсутствием докладчиков не состоялась. Всего во время работы съезда было заслушано около ста литературоведческих докладов. Рабочими языками были все славянские, а также английский, немецкий и французский. В заседаниях литературоведческих секций приняли участие российские сотрудники ИСл РАН *И.Е. Адельгейм, Л.К. Гаврюшина, Н.Н. Старикова, Л.Ф. Широкова, А.Г. Шешкен*.

По тематике все прозвучавшие выступления литературоведов можно условно разделить на три в численном отношении приблизительно равные группы: доклады, посвященные славянским литературам, доклады, в центре которых русская литература; доклады сравнительного характера, причем в 50% случаев в качестве компаративного примера выбран русский компонент.

Большинство выступлений на самой многочисленной литературоведческой секции «История славянских литератур» (28 докладов) соответствовало заявленному в ее названии узловым проблемам: славянские литературы в европейском и мировом контексте. При этом докладчики чаще всего опирались на компаративный дискурс как на уровне сравнительного анализа конкретных славянских литератур – *Г. Кирибаум* (Германия), «Ревизия и мимикрия. К истории русско-польских литературных связей 1820-х годов; белорусско-литовская компонента», *М.А. Тычина* (Белоруссия) «“Młoda Polska”, “Молода Україна”, “Малая Беларусь”», *Г.Я. Ильина, Н.Н. Старикова* (Россия) «Югославские литераторы в “Лексиконе южнославянских литератур”: новые подходы» и др., – так и при сопоставлении отдельных авторов и произведений – *Л. Баич* (Сербия) «Тема бедных людей в сербской и русской литературе: сопоставительный анализ произведений Ф.М. Достоевского и Б. Станковича»; *А. Ибришимович-Сабич* (Босния и Герцеговина) «Эстетика трагизма: Мак Диздар и Осип Мандельштам» и др. Некоторые выступления касались заметных фигур русской культуры: *Симеона Полоцкого* – *Л.И. Сазонова* (Россия), *Льва Толстого* *К. Алавердян* (Бельгия). Логично выстроенный мини-блок представили обобщающие доклады о сербской и восточнославянской поэзии – *И.Ф. Штэйнер* (Белоруссия) «Национальная поэзия в эпоху глобализации: перспективы и проблемы эволюции», *Й. Делич* (Сербия) «Авангард в межвоенный период как генератор модернизации послевоенной сербской поэзии», *Т.Я. Автухович* (Белоруссия) «Современная поэзия восточнославянских народов в антропологической перспективе».

Тематика секции «Литература и религия» также в целом отвечала поставленным организаторами задачам. Она затрагивала два проблемно-типологических вектора: роль богослужебных текстов в формировании славянской книжности – *Л.К. Гаврюшина* (Россия) «Богословский “ключ” агиографической традиции и художественный опыт сербских книжников XIII–XIV вв.») и библейские мотивы в литературе XX в. – *А.Л. Топорков* (Россия) «Синтез библейских и фольклорных традиций в литературе первой русской эмиграции».

Два заседания сравнительно немногочисленной секции «Славянский перевод» (восемь выступлений), несмотря на тематическую «пестроту» – от анализа переводов *А. Курбского* до рассказа об опыте работы с диалектными текстами – сопровождалась оживленной дискуссией. Это трудно назвать случайностью. Художественный перевод был и остается важнейшим средством мировой межкультурной коммуникации, одним из способов взаимного обогащения национальных литератур. В конце XX – начале XXI в. в этой сфере происходят значительные, хотя и неоднозначные, часто противоречивые изменения, и это ставит перед переводчиками и литературоведами новые задачи. В ходе обсуждения и докладчики, и слушатели подняли ряд весьма злободневных вопросов, касающихся как эстетических критериев перевода, так и фактора воздействия переводной литературы на славянское культурное пространство.

Самой эклектичной по содержанию была, на наш взгляд, вторая по числу участников (26) литературоведческая секция «Литература – философия – идеология». В подзаголовке, расшифровывающем ее название, написано: «Эстетическое и этическое, национальное и интернациональное в славянских литературах нового времени. Место писателя в социально-политической жизни эпохи. Национальное возрождение и его отражение в славянских литературах. Специфика формирования белорусской литературы». Очевидно, что с точки зрения дефиниции «эстетическое и этическое, национальное и интернациональное» может быть рассмотрено все, что имеет отношение к литературному творчеству. Приблизительно четверть выступлений имели прямое или косвенное отношение к белорусской литературе: *А.Г. Шешкен* (Россия) «Лирика Максима Богдановича (к вопросу об особенностях формирования белорусской национальной литературы)»; *М.В. Трус* (Белоруссия) «Белорусская литература в Чехословакии 1920–1930-х годов: национальная

идентичность в условиях актуального межкультурного полилога»; *В.П. Рагойша* (Белоруссия) «Белорусский стих XIX в. между Востоком и Западом» и др. В нескольких докладах был сделан акцент на том влиянии, которое социалистическая идеология оказывала на словесность – *Д. Бошкович* (Сербия) «Культурные последствия и идеологическо-политическая подоплека идеи югославской литературы в (южно)славянском контексте», *К. Иванкович, С. Кос* (Хорватия) «Мотив социалистического воспитания в современной чешской и хорватской прозе»; или шла речь о месте художника в литературном процессе – *С. Маркович* (Сербия) «Десанка Максимович – поэтический посредник между славянскими литературами». Остальные выступления, некоторые из которых, например сообщение *О. Бурениной-Петровой* (Швейцария) о российских экранизациях литературных произведений, были весьма любопытны, но в предложенную семантическую парадигму едва ли вписывались.

Включение некоторых докладов в последнюю литературоведческую секцию «Проблемы современных славянских литератур» также вызывает вопросы. Заявленное в ней тематическое направление расшифровывается как «Диалог актуального художественного мышления и национальной литературной классики. Литература диаспоры и смена литературного канона в славянских странах. Постмодернизм в пространстве традиционного общества и классической культуры. Славянские литературы и кино. Роль молодежных субкультур в славянских литературах последних лет». И постмодернизм, и оборот «последних лет» со всей очевидностью указывают на вторую половину XX – начало нынешнего века. Между тем в программу этой секции оказались включены доклады и о тургеневских переводах Флобера, о прозе З. Гиппиус и Г. Газданова, о романах А. Платонова. При этом нельзя не отметить высокий научный и культурный уровень европейских литературоведов-русистов. Почти половина выступавших на этой секции анализировала произведения современных русских авторов, например *С. Довлатова – Л. Салмон* (Италия), *Л. Улицкой – Дж. Джиганте* (Бельгия), *Т. Толстой – А. Морар* (Швейцария), *Н. Медведевой – Т. Половы* (Канада), *Н. Ключаревой – А. Вэль* (Германия). Они вызвали живой отклик аудитории, перешедший в полезную дискуссию. Продуктивным оказался интердисциплинарный подход, использованный *Б. Йовичем* (Сербия) в докладе «Шарло и славяне: Чарли Чаплин в славянской литературе и искусстве между двумя войнами».

Общее впечатление от встречи в Минске в целом двойственное. С одной стороны, здесь впервые заявили о себе представители совсем «молодых» славянских литератур – например боснийско-герцеговинской, на некоторых литературоведческих секциях прозвучали несомненно интересные доклады. С другой – многие сообщения касались очень частных вопросов, были случаи, когда заявленные в программе темы не совпадали с содержанием реального выступления, были и курьезы: доклад коллеги из Германии о когнитивной функции аллюзий попал в литературоведческую секцию. Нет логики и в том, что доклады *И.Е. Адельгейм* (Россия) и *Л.Ф. Широковой* (Россия), посвященные проблемам текущего литературного процесса, в итоге оказались в разных секциях. Устроителям надо было более продуманно подходить к формированию основных тематических узлов и компоновке программы. Представляется целесообразным, выстраивая доклады внутри секций, хотя бы группировать их в концептуальные мини-блоки. Как всегда болезненным остается вопрос регламента. Паритет на заседаниях не соблюдался, первые говорили 40 минут, последние – 15, ведущие секций опаздывали, прерывали выступления и дискуссию и т.д. При этом организаторы не предупреждали модераторов об изменениях в программе, регламенте или о переносе места заседания.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СЛОВАРЯ «СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

С.М. ТОЛСТАЯ

«Основные положения концепции словаря»

В 2012 г. выходом из печати 5-го тома завершено издание этнолингвистического словаря «Славянские древности» [1] – первого в славистике опыта лексикографического представления традиционной духовной культуры всех славянских народов (если не считать польской энциклопедии «Словарь славянских древностей» [5], в которой представлены в основном археологические и исторические «древности»). Замысел этого труда принадлежит академику Никите Ильичу Толстому. В этом году мы отметили 90-летие Н.И. Толстого: была проведена международная конференция в Ясной Поляне, издан сборник «Ethnolinguistica slavica», организованы выставки, посвященные жизненному и научному пути Н.И. Толстого, в Ясной Поляне и в Москве. Презентация словаря «Славянские древности» тоже посвящена этой дате.

Н.И. Толстой кратко сформулировал его задачу следующим образом: «“Славянские древности” – словарь, призванный дать читателю объяснение слов, понятий, предметов, действий, действующих лиц, наконец, обрядов, суеверий, ритуалов и праздников, связанных со славянской народной культурой, ее древнейшим дохристианским и христианским слоем, с ее мифологическими представлениями и верованиями [...] Он будет охватывать все славянские традиции и все доступные материалы от древности до наших дней. Лишь путем сравнения всех славянских этнических традиций можно установить древность того или иного явления [...] Здесь действует принцип разбитого черепка, найденного археологом. Его осколки могут разлететься далеко во все стороны, и часть этих осколков может быть утрачена, но если оставшиеся осколки, сделанные из одного и того же материала, хорошо прилаживаются друг к другу, можно быть уверенным, что они принадлежали одному сосуду. А форма сосуда, материал и глубина залегания его осколков определяют время его возникновения и разрушения» (рукопись).

На титульном листе издания значится: «Славянские древности. Этнолингвистический словарь». Каждое из этих четырех слов включает в себе одно из основных положений его концепции. Слово «**славянские**» указывает на общеславянский характер словаря, что принципиально важно для поставленной в нем задачи реконструкции древнейших элементов славянской духовной культуры. В этом отношении словарь следует за лингвистикой, опирающейся на сравнительно-исторический метод. Подобно тому, как праславянский язык может быть реконструирован только с учетом данных всех славянских языков, праславянская культура может быть реконструирована лишь путем сравнительного изучения всех славянских этнокультурных традиций. На замысел словаря не могли не повлиять опыт и результаты таких крупнейших научных предприятий общеславянского масштаба в области славянского языкознания, как «Общеславянский лингвистический атлас», «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О.Н. Трубачева, «Праславянский словарь» (Słownik prasłowiański) под ред. Ф. Славского. Эти фундаментальные труды, начатые в 50–70-е годы XX в., продолжают до сих пор. Подобных трудов общеславянского масштаба в области духовной культуры и фольклора славянских народов не существует. Если лингвисты хорошо знают, где говорят *хлеб*, а где *хліб* или *хляб*, где говорят *дом*, а где *хата*, *хижа* или *кућа*, то в отношении культурных явлений такого четкого представления об ареалах их распространения у нас все еще нет. Словарь «Славянские древности» в некоторой степени восполняет этот недостаток и стремится очертить географические границы описываемых элементов духовной культуры.

Слово «**древности**» в названии словаря также связано с идеей реконструкции архаических элементов славянской духовной культуры, однако оно применяется

по отношению не только к явлениям, реконструируемым для праславянского периода истории, но и к тем формам культуры, возникшим в последующие эпохи, которые в своем содержании и структуре воспроизводят механизмы и отражают понятия древнейшей культурной традиции. Таковы, например, многие элементы христианской культуры, воспринятые народной традицией, но интерпретированные в категориях мифологии и магии. Речь идет, таким образом, о реконструкции не «исторической», а «**семантической**», направленной на воссоздание древнейших (исконных) смыслов изучаемого явления.

Слово «**этнолингвистический**» отражает специфику того подхода к культуре, который предложен Н.И. Толстым и предполагает изучение культуры «сквозь призму языка». Имеется в виду как сам язык (прежде всего лексика и фразеология), сохраняющий в себе архаические культурные смыслы, так и наука о языке, лингвистика, в которой разработаны эффективные методы изучения семантики слова и текста, в том числе и культурной семантики, а также методы сравнительно-исторического, структурного и ареалогического изучения языковых явлений, которые могут быть применены в исследованиях духовной культуры в целом и фольклора в частности. Даже общеупотребительная лексика может содержать важные в культурном отношении значения. Например, совпадение в рус. слове *месяц* значений '12-я часть года' и 'луна' отражает архаическую систему «лунного времени», реликтово сохраняющуюся в народной традиции до наших дней. В свою очередь анализ культурных контекстов слова позволяет реконструировать не только коннотации слова, но и его глубинную мифологическую семантику. Например, языковые контексты и связи слова *кукушка* дают возможность определить его семантику как 'птица определенного вида' и его коннотации – такие как 'вещая птица', 'одинокая душа' (ср. *куковать*), тогда как его родство с серб. *кукати* 'причитать, голосить по покойнику', а также псковский обряд «плач с кукушкой» (женщина обращается к кукушке с просьбой передать известие умершим близким) позволяют реконструировать культурный стереотип кукушки как представительницы «того света». Особой ролью языковых данных в семантической реконструкции культуры обусловлено также то внимание, которое уделяется обрядовой и иной терминологии в словарных статьях «Славянских древностей».

Наконец, слово «**словарь**» определяет жанр этого труда, отличающий его от таких компендиумов славянской духовной культуры, как труд К. Мошинского «Народная культура славян» [6] или книга Э. Гаспарини «Славянский матриархат» [7], где дается синтетическое изложение по отдельным разделам и темам культурной традиции. Выбор словарной формы объясняется не столько ориентацией на язык и языкознание, сколько стремлением выделить и истолковать элементарные единицы языка культуры, культурные знаки (символы, понятия), которые лежат в основе любых «текстов культуры» (обрядовых, фольклорных, изобразительных, музыкальных и т.д.), подобно тому, как из слов как единиц словаря составляются любые языковые тексты. Но как выбрать эти элементарные единицы культуры? Ведь культура способна осмыслять и наделять символическими значениями практически любой объект или явление окружающего мира и мира человека. Оказывается, однако, что культура, в отличие от языка, **избирательна** и наделяет значением далеко не все объекты и сущности, с которыми имеет дело человек (например, из деревьев – дуб, березу, липу, осину, а бук или клен практически обходит вниманием; из птиц выбирает кукушку, но не синицу, курицу, но не утку; из зверей – волка, но не лису; из признаков – «острый» значим, а «мягкий» нет, и т.д.). Это объективное обстоятельство и особенность символического языка культуры. Критерием включения в словарь служит также **повторяемость** символа в культурных контекстах, **устойчивость** его культурных функций и семантики.

Лексикографическая (словарная) форма представления материала имеет не только свои преимущества, но и недостатки. Она позволяет охарактеризовать

каждый объект или явление во всей полноте его «употреблений», установить его структуру, разновидности, функции, набор значений, географию. Но форма словаря оставляет непроясненными (или недостаточно выявленными) системные связи каждого символа, обряда, реалии, его вхождение в «синонимические ряды» (т.е. его изофункциональность с другими элементами культуры), его оппозиции другим элементам и иные отношения системного характера. Она также не позволяет целиком охарактеризовать крупные обрядовые или иные блоки культуры или отдельные параметры и категории культурной традиции. Отчасти этот недостаток восполняется наличием в словаре обобщающих статей типа Время, Пространство, Календарь народный, Астрономия народная, Метеорология народная, Медицина народная, Пища, Растения, Цвет, Число и т.п. В таких статьях отмечаются основные смысловые и структурные характеристики соответствующих сфер культуры и их реализация в конкретных статьях, относящихся к данной сфере. Для того чтобы оценить, насколько полно представлена в словаре архаическая «картина мира», придется мысленно «собрать» весь материал словаря и систематизировать его, исходя из целостной картины традиционного восприятия мира (народная космология) и человека (народная антропология). Следует, однако, учитывать, что, во-первых, граница между космологией и антропологией не всегда четко обозначена – в силу антропоцентризма культуры, субъектом которой является человек, представления о внешнем мире по большей части оказываются антропологически окрашенными, а во-вторых, разные сферы в разной степени соотносятся с разными жанрами культуры: одни связаны преимущественно с ритуальными формами, другие – с фольклорными, третьи – с поверьями и мифологическими представлениями.

Из этого по необходимости сжатого и заведомо не исчерпывающего обзора видно, что словарь «Славянские древности» может служить не только справочником по отдельным элементам традиционной духовной культуры славян, но и источником, предлагающим интерпретацию важнейших смысловых категорий культуры, на которых строится все ее здание и без которых невозможно воссоздание целостной многомерной картины мира славян и реконструкция символического «языка» культуры и культурных механизмов восприятия мира и человека. Это не значит, что в словаре нет пропусков и недоделок, несовершенных интерпретаций и просто ошибок. Некоторые из такого рода упущений уже сейчас видны авторам, другие будут обнаружены позже или указаны рецензентами и пользователями. Что-то мы не смогли сделать по объективным причинам, а что-то по недосмотру или недостаточности наших знаний. Сравнение словника словаря со списком предполагаемых статей, помещенным в пробном выпуске словаря [8], показывает, что многие из планировавшихся статей остались не включенными: одни были перенесены в другие статьи (например Смок – в статьи Змей огненный и Змея, Просфора – в статью Булочка и т.п.), другие получили иное название (например Подмена ребенка – Подменыш), какие-то темы оказались малозначимыми и не обеспеченными материалом (например Корзина, Хворост, Пенки, Бусы, Пыль, Подушка, Рукав, Рытье земли, Слива и др.), наконец, некоторые действительно важные темы оказались незаслуженно обойденными (Четки, Украшения, Метрология народная, Вышивка, Орнамент, Ссора, Театр народный, «Троецыпятница», Шум ритуальный, Язык тайный, Ярмарка и др.). Разумеется, каждая отдельная тема, как представленная, так и не представленная в словаре, может стать предметом специального и несравненно более подробного и глубокого анализа, и словарь не может заменить таких специальных исследований. Его главный результат в другом – он реконструировал не столько сам исторический дохристианский пласт славянской культуры, сколько «словарь» и «грамматику» языка этой культуры, и показал культурные механизмы, которые действовали на протяжении всей истории славянской духовной культуры – как дохристианской (языческой), так и христианской эпохи.

Для Н.И. Толстого этнолингвистика «есть раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [9. С. 27]. Размышляя о структуре этой науки, Н.И. Толстой выделял этнолингвистику в широком и в узком планах. В широком понимании этнолингвистика изучает «“план содержания” культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т.п.)». «Такое изучение, – пишет Н.И. Толстой, – в наше время может вестись преимущественно или исключительно лингвистическими методами, что в значительной мере оправдывает наличие второго компонента слова “этнолингвистика”» [9. С. 39–40].

Базовый для всех московских этнолингвистов (и объединяющий их) труд – этнолингвистический словарь «Славянские древности» в большей мере опирается на представление этнолингвистики в широком смысле слова, хотя интерпретация, исследование мотивации и внутренней формы ключевых лексем славянской культурной терминологии в словаре неизменно присутствует. Соотношение лингвистического и экстралингвистического материала в словаре – важный вопрос, который решался с момента возникновения замысла словаря и на протяжении многих лет его создания.

Необходимо было определить место нашего словаря в кругу иных источников того времени. Какова была славянская лексикографическая традиция ко второй половине XX в.? С одной стороны, это общие монументальные лексикографические лингвистические труды XIX–XX вв., наподобие «Толкового словаря живого великорусского словаря» В.И. Даля (1863–1866 гг.), в котором отражено множество русских суеверий, обрядов и обычаев, восходящих к глубокой древности. В большей или меньшей мере то же можно сказать о любом общем словаре эпохи становления того или иного славянского литературного языка: у белорусов – о словаре И.И. Носовича (опубликован в 1870 г.), у украинцев – Б.Д. Гринченко (словарь вышел в 1907–1909 гг.), у сербов – о «революционном» словаре Вука Караджича (первое издание – 1818 г.), у болгар – о словаре Н. Герова (1895–1904 гг.); соответственно у западных славян такую роль сыграли «Словарь польского языка» С. Линде (1807–1814 гг.), «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна (1835–1839 гг.). Каждый из этих лексикографических трудов имеет свою специфику, связанную с особенностями отдельного славянского литературного языка (по степени приближения к фольклору и народной традиции славянские литературные языки классифицировал Н.И. Толстой в своей книге «История и структура славянских литературных языков». М., 1988).

При создании «Славянских древностей» обращалось большое внимание на диалектные словари XX в. Именно эти словари передают особенности народной картины мира, стоящей за тем или иным диалектным словом. С этой целью в словарные статьи диалектных словарей включались этнографические комментарии, иллюстрации фрагментов текста на диалекте, отражающие те или иные стороны народной духовной культуры. Кстати сказать, особое значение в нашем случае имела белорусская диалектная лексикография [10]. Образцом такого «приближенного» к народной духовной культуре словаря стал пятитомный белорусский «Туровский словарь» (Мінск, 1982–1987 гг.), в котором активно использовались этнографические комментарии и иллюстрации на диалекте. Польская диалектная лексикография также имела большое значение для осознания жанра такого этнолингвистического словаря, в котором экстралингвистический аспект гармонично дополняет (а в некоторых случаях – объясняет, толкует) собственно лингвисти-

ческий. Это, прежде всего, труд Б. Сыхты «Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры» (1967–1976 гг.).

Этимологические словари также были под пристальным взглядом авторов-составителей словаря «Славянские древности». Н.И. Толстой не раз жаловался на то, как, к сожалению, совсем мало в этимологических словарях используются этнографические источники. Этимология ряда слов-терминов, прежде всего народной духовной культуры, невозможна без привлечения этнографического и фольклорного материалов, что показывают и многие современные славистические исследования.

Собственно **энциклопедические** словари по славянской народной духовной культуре также пристально изучались авторами словаря, хотя на момент появления первых томов словаря «Славянские древности» их было немного. Существовали мифологические словари энциклопедического типа, дающие представление о каких-либо локальных мифологических системах: «Сербский мифологический словарь» 1970 г., позже – «Болгарская мифология. Энциклопедический словарь» 1994 г. Что касается русской лексикографической традиции, необходимо вспомнить «Словарь русских суеверий» М.Д. Чулкова 1782 г. (т.е. появившийся еще в XVIII в. как свод сведений о суевериях русского народа в алфавитном порядке). С другой стороны, широко известны мифологические словари, объединяющие сведения о многих традициях, в том числе славянских, например: «Мифы народов мира» (1980–1981 гг.); «Мифологический словарь» 1990 г. под редакцией Е.М. Мелетинского.

Сведения о реликтах древней мифологии славян, их верованиях и обычаях можно найти в западноевропейских мифологических словарях по народной культуре; особенно выделяется в этом отношении «Настольный словарь немецких суеверий» (Berlin; Leipzig, 1927–1942. Bd. 1–10), привлекающий обширный материал многих европейских регионов с целью сопоставления его с немецким и выявления соответствующих аналогий. Этот словарь, который также стал источником сведений для нашего словаря, высоко оценивал Н.И. Толстой.

Пробный выпуск словаря «Славянские древности» появился в 1984 г. Немало скептиков сомневались в успехе реализации всего проекта, задавались вопросы: не станет ли новый «этнолингвистический» словарь повторением немецкого словаря или же повторением трехтомника А.Н. Афанасьева [11]; чем будет отличаться словарь от «Поэтических воззрений славян на природу»? Другой блок вопросов касался профессионализма авторов столь грандиозного труда: сможет ли коллектив тогда еще начинающих этнолингвистов создать этот объемный и значимый, по замыслу Н.И. Толстого, словарь?

На вопросы первого типа авторы отвечали применением в словаре новаторских подходов и разнообразием используемых источников (лингвистических, этнографических, фольклорных). Многое решалось по мере продвижения самой работы над словарем. Каждый из участников – специалист по какой-либо локальной славянской традиции – стремился найти необходимый материал по своей тематике для разных статей, т.е. не только для собственных статей, но и для статей других авторов. В словаре «Славянские древности» так или иначе представлены все славянские традиции. Добавим, что атмосфера при создании словаря была творческой. Почти каждая статья обсуждалась коллективом авторов, и по мере обсуждения возникали самые разные забавные моменты, в том числе и связанные с редактированием словаря. Во-первых, периодически обыгрывались сокращения букв, особенно первых – Б и Г. В словаре принята система сокращений наименования заглавных по первой букве. Неудивительно, что фраза из ст. Гнездо: «В магических целях используют Г. ремеза, имеющего одну самку: его вешают на палку, затем ударяют ею ссорящихся супругов...» [1. Т. 1. С. 503] вызывала неоднозначную реакцию самих авторов словаря. Во-вторых, материал, с которым мы работали, при редактировании часто порождал смысловые нелепости. В ст.

Брачная ночь редакторы в первой версии статьи читали: «В Брестской области супружеские отношения не допускаются». Расширенный вариант окончательной версии объяснял эту фразу из раздела «Запреты на супружеский акт»: «В Брестской области бывает, что супружеские отношения не допускаются, пока молодые не посетят церковь или пока не заберут у родителей корову» [1. Т. 1. С. 260]. Веселых казусов с материалом словаря было немало. Названия заглавных статей использовались в устной речи, разумеется, без упоминания, что речь идет о самой статье. Посторонний мог, входя в Отдел этнолингвистики и фольклора, услышать: «Ты забрала у меня Домашних духов?», «Пришли мне Факел и Угли по почте...» и т.д.

По мере создания словаря стали появляться собственные работы молодых авторов словаря, отчасти с ним коррелирующие. Существует мнение о том, что многие монографии «выросли» из словаря «Славянские древности», например, монографии А.В. Гуры [12], Т.А. Агапкиной [13] и многие другие.

По мере работы над «Славянскими древностями» источники для создания статей словаря расширялись, в 1990-е годы, когда работа была в самом разгаре, круг энциклопедических словарей, сопоставимых по разным параметрам с нашим словарем, значительно расширился. Некоторые из них стали также и источниками для «Славянских древностей», например «демонологические» словари М.Н. Власовой («Новая абевега русских суеверий», СПб., 1995; «Русские суеверия. Энциклопедический словарь», М., 2000) и др. Более того, в 1996 г. вышел первый том польского «Словаря народных стереотипов и символов» [5], наиболее близкого к «Славянским древностям» по задачам и непосредственному объекту описания, хотя изначальный замысел данного словаря был связан с языком, поэтикой и символикой польских произведений фольклора. Сопоставление двух словарей – московского и люблинского, конечно, отдельная тема, которой посвящены специальные работы С.М. Толстой и многих наших коллег.

Т.А. АГАПКИНА

«Фольклорные материалы в словаре»

В Предисловии к первому тому этнолингвистического словаря «Славянские древности» Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые писали: «Фольклорные источники привлекаются лишь в той мере, в какой это необходимо для характеристики обрядового и мифологического круга фактов, т.е. в первую очередь это обрядовый фольклор, неразрывно связанный с самими обрядами и нередко концентрирующий в себе семантику обряда, затем былички, предания, заговоры и другие жанры, наиболее непосредственно отражающие народное мировоззрение и древнейшие мифологические представления, и, наконец, так называемые малые жанры фольклора, т.е. загадки, пословицы, приговоры, заклинания, словесные формулы и клише, которые благодаря своей устойчивости часто сохраняют черты чрезвычайной культурной архаики» [1. Т. 1. С. 13]. Надо сразу сказать, что эти суждения, прежде всего об избирательности привлекаемого фольклорного материала, сохраняли свою актуальность на протяжении всех более чем двадцати лет работы над словарем.

Ниже мы попытаемся проанализировать, в какой мере и в каких типах словарных статей преимущественно используется фольклорный материал, а также что дает этот материал для раскрытия описываемых в словаре культурных реалий, образов и символов. Как оказалось, словарь, который отнюдь не является словарем фольклора, на самом деле включает в себя множество статей, посвященных разным жанрам, сюжетам, мотивам и тематическим группам фольклорных текстов.

Прежде всего, в словаре есть статьи, посвященные эпическим жанрам (Былины, Баллады, Духовные стихи, Легенды, Предания и некоторые другие). Эти статьи показывают, как жанры, никак не связанные с обрядами и лишь косвенно – с мифологией, тем не менее заключают в себе значительный корпус мифо-

логических представлений. Например, в статье о балладах, написанной Б.Н. Путиловым, исследователь указал на древнейшие мифологические истоки баллад (прежде всего южнославянских), выделив сюжеты и мотивы о связи человека со змеями, об отношениях людей с вилами, о солнце как о живом существе, мотивы чудесных превращений людей в предметы неживой природы, в животных и растения, мотивы, связанные с магией и колдовством, мотивы, описывающие силу и влияние прорицаний на судьбу человека, и многие другие.

Вторую группу составляют статьи, посвященные жанрам, которые «обслуживают» конкретные группы обрядов и календарные циклы: статью Свадебный обряд дополняет статья Свадебные песни, статью Погребальный обряд – статья Голошение; статья Святки – Виноградье, Колядные песни и Щедровки; статью Жатва – Живные песни; статью Иван Купала – Купальские песни и т.д. Понятно, что в зависимости от объема материала фольклорная составляющая календарных, семейных и хозяйственных обрядов могла выноситься в отдельную статью, а могла и описываться в рамках, так сказать, базовой статьи, посвященной самому обряду или празднику. Так, например, в объемную статью Игры народные включен специальный раздел, в котором описаны тексты разных фольклорных жанров, обслуживающие эту сферу народной культуры. В статью Каравай, посвященную основному свадебному хлебу, включены также и каравайные песни – их исполнение составляет важнейший эпизод ритуала приготовления свадебного хлеба, а сами они являются квинтэссенцией семантических доминант свадьбы как обряда перехода.

При этом надо иметь в виду, что описываемые в статьях такого рода фольклорные тексты не обязательно должны заключать в себе какой-то эксклюзивный, скажем, мифологический материал. Так, статья Волочебные песни, дополняющая статью Волочебный обряд, нужна уже потому, что эти песни являются обязательной частью обряда. Другое дело, что, описывая такие жанры, мы стремились сосредоточить внимание не на общей характеристике или поэтических особенностях соответствующих текстов, а на их мифологических и обрядовых аспектах.

Третья группа – это статьи, посвященные вербальным ритуалам. Таких статей довольно много: они составляют важный фрагмент ритуального поля традиционной культуры и потому, естественно, включаются в словарь. Это Благопожелание, Божба, Величание, Диалог-ритуал, Заговоры, Заклинания, Заклички, Клятва, Корить, Молитва, Обереги, Оповещение, Освящение, Приветствия, Приговоры, Приглашение ритуальное, Проклятие, Прорицание, Прощание, Угроза, а также общая статья Речь ритуальная.

К вербальным ритуалам примыкают статьи, посвященные отдельным формам речевого поведения и также связанные с фольклорным элементом, например Дразнить, Заумь или Звукоподражание, написанные преимущественно на языковом и фольклорном материале, таком, как рифмованные дразнилки, звукоподражательные приговорки, диалоги, заговоры, считалки и подобные жанровые формы.

Упомяну еще одну группу – в нее входят статьи, посвященные таким явлениям, как Запреты, Обмирания, Снотолкования и некоторые другие, которые обычно не принято относить к фольклорным жанрам. В нашем же словаре эти группы текстов описываются как имеющие жесткую логическую и языковую структуру, что в свою очередь дает их авторам основание считать эти группы текстов особыми фольклорными жанрами, содержащими важнейшую мифологическую информацию. Так, рассказы об обмираниях, т.е. посещениях «того» света душой погруженного в летаргический сон человека, обнаруживают тесную связь с народными верованиями о душе, загробном мире и его топографии, о взаимоотношениях между «тем» и «этим» светом и многим другим.

Несколько особняком в словаре стоят статьи Переправа через воду, Убиение стариков и «Житие» предметов и растений, которые посвящены универсальным фольклорным сюжетам и мотивам, имеющим кроссжанровый характер и представленным в обрядовых песнях, заговорах, загадках, быличках, играх, хорово-

дах и др. Фольклорные произведения на эти сюжеты выполняли в традиционной культуре определенные прагматические функции: в частности, например, рассказывание текстов на сюжет «жития» предметов и растений осуществлялось в апотропеических целях.

Во многих статьях словаря речь идет о конкретных мотивах. Это, например, статьи Обман, Обмен, Отбирание молока, Останавливать, Пережин, Проводы и многие другие, которые описывают и само действие (ритуальное, магическое, мифологическое), и его «вербальную» реализацию. Разумеется, удельный вес фольклорного материала в каждой такой статье будет разным. Если статья Огораживать исследует по преимуществу апотропеическое магическое действие в контексте сопутствующих ему верований и лишь в малой степени – мотив огораживания, представленный в магических текстах, то материалом для статьи Пережин в основном являются мифологические рассказы о способах отбирания урожая, а сам пережин описывается как базовый мотив этих рассказов.

Помимо статей, посвященных жанрам, формам речевого поведения, а также отдельным сюжетам и мотивам, в словаре присутствует несколько категорий статей, для написания которых использовался значительный массив фольклорного материала.

Прежде всего, наверное, это статьи, в которых исследуются архаические и мифологические образы, понятия, явления и объекты. Например,

- статья Папоротник посвящена не растению и его использованию в магии, а фольклорным сюжетам о добывании чудесного цветка и потому основана почти исключительно на материале фольклорных рассказов и быличек о цветении папоротника;

- статья Грех: излагаемые в ней перечни грехов во многом основаны на русских духовных стихах;

- статья Инцест широко использует мотивы этиологических легенд об инцесте между близнецами – небесными светилами, а также мотивы славянских баллад «Брат женился на сестре», «Братья-разбойники и сестра», «Вдова и братья-корабельщики» и т.д.

Другую группу составляют статьи, посвященные растениям и животным. В них почти обязательным является изложение легенд о происхождении как самих этих животных и растений, так и отдельных их свойств, часто обусловленных их встречей со Святым Семейством или святыми, соучастием в их земной жизни и страданиях, Божьим проклятием или благословением и т.п. Вспомним хотя бы сюжеты об осине, ольхе, грибах и многие другие.

В целом ряде статей присутствуют фрагменты, в которых описывается «речевая деятельность» объектов живой природы, звучащих предметов или мифологических персонажей. Идет ли речь о репликах, которые слышатся в колокольном звоне (статья Колокол, Колокольчик), о голосах и разговорах птиц (статья Крики животных и птиц), песнях русалок (статья Русалка) или о речевом поведении кликуш (статья Кликушество) – каждый такой случай представляет собой особую жанрово-тематическую группу. Подключение этого материала важно как с точки зрения создания максимально полного «портрета» описываемого явления традиционной культуры, так и потому, что каждый такой малый жанр содержит информацию, подчас не дублируемую ни языковым, ни обрядовым, ни собственно мифологическим материалом. Так, именно речевое поведение кликуш дает исследователю материал для «идентификации» вселяющихся в кликуш злых духов, позволяя распознать в них женщину или мужчину, имеющих имя и происхождение, имя и происхождение того, кто вселил злого духа в кликушу, а также причины, по которым это было сделано, т.е. в целом – дополнительный материал для исследования русского колдовства.

Следующая группа статей, широко использующих фольклорный материал, – это статьи о мифических и фольклорных народах (Татары, Турки, Чудь и др.), которые в значительной мере базируются на преданиях и легендах.

Особую группу составляют статьи, посвященные отдельным болезням, в которые обычно включается краткая характеристика заговоров от того или иного недуга, притом что особое внимание мы уделяем мифологическим аспектам болезни, раскрываемым в этих заговорах, а также их связи с ритуалом. Так, в статье Бессонница при характеристике заговорных формул, применяемых для избавления детей от бессонницы и крика, акцент сделан, в частности, на мотивах побратимства или связывающего больного ребенка и мифического персонажа, олицетворяющего бессонницу.

Наконец, последняя группа – это статьи, посвященные демонологическим и мифологическим персонажам, которые по крайней мере наполовину базируются на быличках и других поджанрах сказочной прозы.

Что касается остальных явлений традиционной культуры, то, привлекая к их описанию фольклорный материал, мы руководствовались в основном той самой «мерой этнолингвистичности», о которой фактически и писали в предисловии к словарю Никита Ильич и Светлана Михайловна Толстые и которая была критерием, позволявшим на всем протяжении работы над словарем отделять интересный, но неактуальный для словаря фольклорный материал от того, что действительно важно для раскрытия сути описываемых в нем явлений традиционной культуры.

Приведем два очень простых примера. В силу своей вербальной природы фольклорный материал зачастую был едва ли не единственным надежным источником информации о том или ином описываемом в словаре объекте. Так, в частности, произошло со статьями, посвященными календарным праздникам, когда именно календарные песни и паремии служили ключом к пониманию мифопоэтической семантики праздника. Так, в статье, посвященной дню памяти апостола Марка, речь идет о том, что сам святой и связанный с его именем праздник имеют отношение к области народной метеорологии и, в частности, к предупреждению градобития. В то же время если на востоке Балкан эта функция святого и праздника нашла выражение в том числе в верованиях и хрононимах, то у восточных славян поверий, эксплицирующих эти значения, почти нет, и мы узнаем об этой функции святого преимущественно из детских закличек типа «Марку, Марку, перенеси (или разнеси) марку».

И второй пример. Во многих статьях словаря фольклорный материал появляется именно там и тогда, где и когда он наиболее емко выражает смысл рассматриваемого явления или предмета. Так, например, в статье Гроб, где описывается, что гроб как жилище умершего противопоставлен земному жилищу человека, это противопоставление иллюстрируется не чем иным, как фрагментом причитания, в котором рассказывается, что у гроба, в отличие от дома, «Не прорублены косавчаты окошечки, / Не врезаны стекольчаты околени» и т.п. Ни один другой источник так выразительно эту особенность посмертного жилища усопшего не описывает.

В заключение заметим следующее. Хотя нам как авторам словаря совершенно очевидно, что многие фольклорные материалы, к сожалению, по разным причинам остались вне поля словаря, мы пытались не пропустить того, что было принципиально важно для описываемых нами явлений, и потому мы можем с полной уверенностью говорить о том, что даже такой вторичный и вспомогательный источник, каким является фольклорный материал, представлен и востребован в этнолингвистическом словаре широко и разнопланово.

О.В. БЕЛОВА

«От книжного текста к устному слову: народное христианство в словаре»

Проблема соотношения книжной и устной культуры, письменных текстов и устной традиции занимает в словаре «Славянские древности» значительное место. В целом ряде статей, посвященных как традиционной обрядности, народному календарю и т.п., так и отдельным фрагментам фольклорных представлений об

окружающем мире, ставится вопрос о влиянии книжной культуры на народные верования, об адаптации элементов средневековой книжности народной традицией, о соотношении в народной картине мира элементов христианского вероучения с архаическими мифологемами. Особенно ярко данная проблематика выражена в статьях словаря, посвященных различным аспектам народного христианства.

Это система мировоззрения, сочетающая элементы христианской канонической, апокрифической и фольклорной традиций (как словесной, так и изобразительной); включает космогонические, космологические, эсхатологические представления (см. статьи Ад, Рай, «Тот свет», Сотворение мира, Эсхатология народная, Страшный суд), религиозные и этноконфессиональные представления (статьи Бог, Богородица, Сакральный, Христос, Церковь), свод этических нормативов, важнейшими составляющими которой являются концепты добра и зла, греха и чуда, определяющие гармонию и равновесие мира, взаимоотношения Создателя со своими творениями, нормы человеческого общежития. Народно-христианские представления тесно связаны с календарем народным, демонологией народной, медициной народной, а также культом предков (см. Предки, Мертвых культ). Народное христианство находит отражение в фольклорных текстах – легендах, преданиях, духовных стихах, молитвах, заговорах, а также в иконографии. Обширный пласт народного религиозного фольклора составляют рассказы о чудесах, сотворенных Богом, Богородицей, Христом, ветхозаветными пророками, апостолами, святыми; о чудесных проявлениях Божественной благодати и чудесах, подтверждающих присутствие высших сакральных сил среди людей и их участие в повседневной жизни человека, т.е. в текстах так называемой народной Библии в самом широком понимании.

Народное христианство находит выражение в народном культе святых, почитании культовых мест, в обрядах и ритуалах, связанных со сферой религии и церкви. Ритуалистика в народном христианстве включает: официальные обряды (церковное сопровождение обрядов жизненного цикла, молитвы, молебны о дожде, освящение предметов, пищи); обряды, сочетающие церковные и народные элементы (почитание «святых» объектов и неканонических святых, наречение умерших некрещеных младенцев именами Адам и Ева, некоторые формы обрядового ряжения, обходные обряды); «языческие» обряды (игры при покойнике, катание священника по ниве, жертвоприношение деревьям, источникам, камням – см. Жертва); антиповедение в церкви; использование сакральных текстов и церковных атрибутов, а также предметов иудейского и мусульманского культов в магических целях (см. Икона, Книга, Молитва, Свеча и т.п.); обращение к священнослужителям (раввинам, муллам) за советами и помощью в кризисных ситуациях.

Анализируя материал, исследователям было важно понять, как в этой системе представлений происходит переход от слова книжного к слову устному, как религиозные концепты соотносятся с народной мифологией, – именно этому посвящена в 5-м томе словаря обобщающая статья Христианство народное.

Особый интерес для изучения представляют тексты, опирающиеся в своей сюжетике на христианскую иконографию (рассказы о библейских персонажах и святых, о чудесах и праздниках, значимых для церковного календаря). С одной стороны, перед нами – интерпретация изображения (иконографического сюжета), строящегося по законам фольклорного текстопорождения, с другой – своеобразная визуализация текста (внесение в иконографические памятники мотивов и образов народного искусства и отражение в христианской иконографии народных верований).

Наиболее показательными в этом аспекте являются востребованные в народной культуре и повествовательной традиции неканонические изображения (св. Христофор «с песьею главою», свв. Флор и Лавр с лошадьми и конюхами, почивающий на подушках Творец мира и т.д.); отражение на иконах реалий быта

(приближение мира сакрального к повседневности); «наивные» интерпретации изображений (например, объяснение иконографии Богородицы Треручицы посредством народных легенд о чудесном обретении Богородицей третьей руки во время бегства с младенцем Христом от преследователей); проецирование народных представлений о персонификации святых и посвященных им изображений в тексты «народной Библии» (легенды об «узнавании» святого и последующем чуде обретения веры – святые в облике людей спасают человека от бед, а потом он узнает своих спасителей в изображениях на иконах); отражение в народнорелигиозных текстах системы ценностей, связанной с восприятием «своей» и «чужой» веры, обрядов и ритуалов иных конгрегаций.

М.М. ВАЛЕНЦОВА

«Народная демонология в словаре»

Народной мифологии в Словаре отведено значительное место – это одна из основных мировоззренческих категорий, которая обуславливает понимание и функционирование множества других категорий народной духовной культуры: без мифологического осмысления немислимы представления о рождении, судьбе, смерти, взаимоотношениях человека с природой, человека с животными, объяснения естественных и социальных процессов в человеческом обществе.

Основу демонологических верований составляют персонажи низшей мифологии. Система демонологических «реалий» и понятий описана в статье Демонология народная. Отдельными статьями в Словаре включены основные персонажи, как общеславянские, так и известные лишь в некоторых традициях или ареалах, например: Черт, Ведьма, Ночницы, Яга, Вампир, Змей летающий, Мара, Русалка. Вошли в Словарь также языческие высшие божества (такие, как Белый бог, Берегини, Ярила), пантеоны высших славянских языческих богов описаны в статье Боги. Понятие «язычество», связи язычества с мифологией, магией и культом мертвых, его последующих взаимоотношений с христианством и формирование двоеверия, отражение язычества в ритуалах, народной космологии, ботанике и зоологии и другие проблемы рассмотрены в статье Язычество.

Представлены в Словаре и персонажи книжной славянской традиции: Василиск, Великан, Див, Алконост и др. – поскольку эти образы были восприняты и переосмыслены народной традицией и вошли в фонд устных повествовательных жанров.

Необходимо отметить, что в Словаре впервые предпринята попытка охватить демонологические персонажи в общеславянском масштабе. Эта задача потребовала создания типологии персонажей (часто отличающихся именем или набором признаков, функциями и т.п.), а последняя вывела на решение такой важной проблемы, как **идентификация** персонажей. Иными словами, требовалось определить, какие элементы составляют персонаж и где граница, отделяющая один персонаж от другого? Вопрос разграничения разных феноменов в живой и неживой природе – скорее, философский, он издревле интересовал людей и каждый раз решался на основе взаимного соглашения, т.е. условно. Стало понятно, что русские имена *водяной*, *домовой*, *леший* не могут быть использованы в качестве типологических для описания различных водяных, домовых и лесных персонажей других славянских традиций (уже не говоря о том, что их просто может не быть в ряде традиций). Решение проблемы было найдено, во-первых, в написании статей с обобщающим, «наддиалектным» названием. Например, разноименные персонажи, нередко имеющие различное происхождение, внешний вид и другие свойства, но объединенные одной функцией – приносить богатство (деньги, зерно) своему хозяину, описаны в статье Дух-обогадитель; персонажи, связанные с воздухом, описаны в статье Духи атмосферные. О демоническом населении дома и подворья (кроме домового, о нем – в статье Домовой) рассказано в статье Духи домашние. Практически для каждого локуса в местной традиции у южных сла-

вян известен дух-хозяин, защитник, о которых рассказано в статье Духи локусов. С другой стороны, нельзя было обойтись и без описания демонов, имеющих хотя и ограниченное распространение, но являющихся яркими представителями региональных традиций, например у южных славян – Караконджул, Хала; в карпатском регионе – Чернокужик, Богинка, Босорка; на Карпатах и на Балканах – Вештица, Вила, Стрига; в польской традиции – Мамуна; украинской – Мавка; в русской – Леший, Банник, севернорусской – Шуликуны; в чешской и моравской – Перхта; белорусской – Белун и т.д. В целом, как представляется, удалось отразить специфику всех славянских зон. Именно особую специфику каждой традиции предполагалось описать в разных статьях о славянских ведьмах: Ведьма, Стрига, Босорка, Вештица.

Демонология пронизывает все области человеческого существования. Работа над Словарем, осмысление различных аспектов демонологических верований расширила представления о распространенности демонов, их «вездесущности»: например, с точки зрения тематической классификации, мифологические персонажи относятся к духам домашним, полевым, лесным, водяным, воздушным, духам судьбы (статьи Доля, Судженицы), демонам болезней (или речь идет о персонификации болезней: статьи Бессонница, Бешенство, Колтун, Мор, Чума, Холера).

Понятие «народная демонология» помимо собственно демонов включает также демонологизацию времени (о чем рассказано в статьях Время, Сутки, Полдень, Полночь), пространства (Граница, «Тот свет», Ирей), природных стихий (Вихрь, Гром, Град, Ветер, Водоворот, Молния). Демонологизируются отдельные группы людей; среди них – «знающие» (Колдун, Знахарь, Ведьма), «профессионалы» (Кузнец, Мельник, Пастух), представители «чужих» этнических групп (Чудь, Еврей, Татары). С концептами оборотничества и превращения (являющимися предметом отдельных статей) связаны демонические черты животных (см. в статьях Волк, Змея, Ласка, Лягушка), птиц (Сорока, Сова), растений (Папоротник, Осина, Мак). Более того, природа демонического раскрывается при анализе некоторых свойств и состояний (см. в статьях: Колочий, Кривой, Нагота, Наоборот), действий (Выворачивание одежды, Переворачивание предметов и др.).

В обрядовой сфере с областью демонологии связаны действия по привлечению и использованию нечистой силы (статья Гадание), избавлению от нечистой силы (Изгнание ритуальное, Задабривание, Распознавание (ведьмы), Заговоры), различные практики, которые часто используются в народной медицине. (Медицина народная понимается как «древнейший вид профессиональной деятельности, сочетающей рациональный опыт врачевания с магической практикой *изгнания, уничтожения или задабривания* духа болезни» [1. Т. 3. С. 215].) Исключительно мифологическими причинами объясняли недомогания, вызванные сглазом и порчей. Впрочем, сглазу и порче подвержены не только люди, но и урожай (см. Урожай, Залом, Засуха), вод скота (см. Отбирание молока, Вестись, плодиться), удача и счастье вообще (Доля, Судьба). Формы предупреждения, оберега от воздействия нечистой силы рассмотрены в статьях: Обереги, Растения-обереги, Амулет.

В большой степени с демонологией связана вся область смерти (см. Смерть, Душа, «Тот свет», Нави, Дети некрещенные), особенно смерти неестественной, «нечистой» (статьи Висельник, Утопленник, Самоубийца, Покойник «заложный»); о соотношении естественной и нечистой смерти – статья Мертвых культ.

Нередко мифологические персонажи действуют сезонно или их деятельность приурочена к праздникам (особенно летнего и зимнего солнцеворота, весеннего и осеннего равноденствия), поэтому не свободен от демонологических поверий и самих демонов и народный календарь (см. Иван Купала, Люция, Рождество, Масленица).

Народная демонология представлена не только через систему мифологических персонажей, но и через характерные для них признаки, действия, обряды, кон-

цепты и семантические оппозиции (в первую очередь Свой – чужой, Верх – низ, Мужской – женский, День – ночь).

Пожалуй, нет ни одного автора словаря, который бы – в разной степени – не прикоснулся к теме демонологии. Без преувеличения можно сказать, что это одна из сквозных тем народной духовной культуры и, соответственно, словаря «Славянские древности».

А.А. ПЛОТНИКОВА

«География и ареалогия в словаре»

В предисловии к первому тому словаря «Славянские древности» его создатели – Н.И. Толстой и С.М. Толстая – писали: «Большое значение придается в словаре а р е а л ь н о й х а р а к т е р и с т и к е толкуемых явлений, ибо их адекватная интерпретация может быть дана только с учетом всех территориальных разновидностей каждого элемента или фрагмента культуры в пределах славянского мира и их внеславянских связей» [1. Т. 1. С. 9].

Первый том словаря открывается справочными картами: историко-этнографическими, диалектными, картами-схемами с указанием регионов, на которые ссылаются авторы статей словаря. Это обеспечивает возможность идентификации географических помет, обозначений языковых, этнических, исторических зон и областей. Для каждого славянского этноса или государства приводится несколько карт, в том числе карта этнокультурных регионов и карта диалектного членения соответствующего языка. Такая подача справочных карт не является формальной: например, вниманию читателя предлагается карта административного деления Польши на воеводства, поскольку материалы источников часто документируются с помощью указания на воеводства и поветы, для Болгарии – карты этнических регионов с обозначением этнических групп и т.д. Культурные традиции отдельных этносов часто совпадают с языковым (диалектным) членением той или иной зоны, поэтому диалектные карты даются практически для всех славянских языков; вместе с тем в случае Польши и Лужицы более актуальны карты этнодиалектных регионов (о специфике диалектного членения Польши см. обзор О.А. Терновской [14]).

Начиная со второго тома словаря появляются карты, непосредственно отражающие содержание статей словаря. Такие карты приводятся к статьям, раскрывающим географическое распределение явлений, характерных для Южной Славии (см. Додола, Игнатий, Лазарки, Судженицы, Сурвакары). Ряд карт хорошо показывает контактные славянские зоны: карпатскую, полесскую, сербско-болгарское пограничье и т.д. (см. Проводы, Радуница, Русальная неделя). Так, на карте к статье Русальная неделя (из книги Т.А. Агапкиной [13. С. 343]) архаические хронимы на ⁺*rusal-* прослеживаются во всех пограничных славянских зонах: на белорусско-украинском пограничье в Полесье, в карпатской зоне на стыке закарпатской, словацкой и польской традиций, в восточносербско-западноболгарском пограничье. Что касается инославянских связей значимых терминов славянской духовной культуры, то, например, чтение карты «Демоны, определяющие судьбу», представленной в статье Судженицы, показывает, как тип *орисници*, характерный для северной и центральной Болгарии, противопоставлен типу *наречница* (от **rek-*), распространенному в южном балканославянском поясе (Странджа, Сакар, Родопы, Пирин в Болгарии и Македония). Этот факт свидетельствует о закреплении термина славянского происхождения (от **rek-*) в пограничной с Грецией зоне, откуда происходит термин *орисница* из греч. *ορίζω* ‘определить, установить’. В данном случае карта в словаре отражает сохранение исконно славянского лексического фонда в зонах, контактных с греческими.

Картографическая проекция языкового и культурного явления помогает воссозданию представления об архаической основе того или иного явления. Карты в словаре не только служат иллюстрациями к статьям, но и зачастую показыва-

ют явление шире и глубже, нежели оно представлено в статье. Примером может служить статья Лазарки с картой. На карте представлены и «королевские обходы», и «лазарские». Это делается для того, чтобы показать архаические черты в обряде на «Лазарева дня» и их отражение в терминологической лексике обряда. В данном случае именно карта помогает вычлениить архаический культурный слой. Наименования *буенек*, *буенец*, характерные для «королевских обходов» в северо-восточной Болгарии (см. карту к статье Лазарки), связаны с особым, «воинствующим», типом исполнения обряда (см. статью Королевские обходы, где этот тип кратко описывается). Черты этого типа обрядности прослеживаются в обряде *лазарице* в юго-восточной Сербии, северной и западной Македонии, и именно такой тип обряда *лазарице* коррелирует с северо-восточноболгарским «королевским обрядом» *буенек*. Данное явление может свидетельствовать о том, что христианское название (от ⁺*lazar-*), связанное со временем исполнения обхода на «Лазарев день» (Вербную субботу), вытеснило старое название весенних девических обходов, в том числе «королевских». Возможно, эти наименования были связаны с «королевскими обходами», имеющими обширные аналогии у западных славян, но более вероятно, что именно в восточной части Южной Славии (Сербии, Македонии и Болгарии) этот тип обряда назывался *буенец* и под., что отражают наименования обряда и его компонентов в северо-восточной Болгарии, связанные с основной семантикой обряда: буйный, неудержимый танец, исполняемый ради того, чтобы все плодилось и родилось. В статье Лазарки приводятся аналогии со статьей Крутить(ся), на которую дается ссылка.

Разумеется, вся проблематика, связанная с использованием географического критерия при характеристике термина или явления, не может быть раскрыта в энциклопедическом словаре, как, например, это делается в специальной монографии, посвященной этнолингвистической географии Южной Славии, где карты точнее и подробнее (см. [15]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1; М., 1999. Т. 2; М., 2004. Т. 3; М., 2009. Т. 4; М., 2012. Т. 5.
2. *Malkiel Y.* Etymology and General Linguistics // *Word: Linguistic Essays: On the Occasion of the Ninth International Congress of Linguists.* 1962. Vol. 1–2.
3. *Дронова Л.П.* Сладко-соленый вопрос // *Этимология 2006–2008.* М., 2010.
4. *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // *Вопросы языкознания.* 1966. № 5.
5. *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny.* Wrocław, 1980.
6. *Moszyński K.* *Kultura ludowa Słowian.* Warszawa, 1967. Т. 2. Cz. 1.
7. *Gasparini E.* *Il matriarcato slavo.* Firenze, 1973.
8. Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словаря. Предварительные материалы. М., 1984.
9. *Толстой Н.И.* *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.* М., 1995.
10. *Толстая С.М.* О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // *Общеславянский лингвистический атлас.* 1982. М., 1985.
11. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1–3.
12. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
13. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
14. *Терновская О.А.* Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов // *Советское славяноведение.* 1975. № 5.
15. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

ANTONI A. KAMIŃSKI. Michał Bakunin. Życie i myśl. Wrocław, 2012. T. 1. Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848). 736 s.; Wrocław, 2013. T. 2. Podpalacz Europy (1848–1864). 542 s.

АНТОНИ А. КАМИНЬСКИЙ. Михаил Бакунин. Жизнь и идеи. Т. 1. От религии любви к философии действий (1814–1848); Т. 2. Поджигатель Европы (1848–1864).

За год до 200-летия М.А. Бакунина польский исследователь А. Каминьский (Вроцлавский университет) выпустил два тома его биографии, отличающиеся редкой в наши дни полнотой и научной добросовестностью. Как известно, в жизни и мыслях этого основателя анархизма важное место занимал славянский вопрос. В частности, ему принадлежит приоритет в выдвигании идеи всеславянской федерации, цель которой – освобождение народов от имперского гнета. Эту идею подхватили и развили видные представители практически всех славянских народов, к концу XIX в. она обрела новое дыхание, в основном благодаря политикам и мыслителям новой генерации (лидером среди которых можно считать Т.Г. Масарика), а после Первой мировой войны она реализовалась в политической практике. Бакунин неоднократно подчеркивал, что свободная федерация славянских народов может стать ядром и свободного союза всех европейских народов. Так и случилось в ходе образования Европейского союза с учетом того, что славянские народы примкнули к его ядру, а не наоборот, как предполагал Бакунин.

Эту общую установку надо учитывать при рассмотрении книги Каминьского, особенно тех ее частей, в которых речь идет о славянском вопросе. Поскольку и его предшественники (с должной похвалой он ссылается на исследования отечественных славистов, в числе которых – В.А. Дьяков,

С.А. Фалькович, Ю.А. Борисенко и др.), и сам автор детально проработал тему «Бакунин и поляки», в большей мере обратим внимание на тему «Бакунин и славяне».

В первом томе описаны детство и юность Бакунина, его «пленение» немецкой классической философией, дан анализ прощания с философией, вызванный переездом (недобровольным) из Германии в Цюрих. 1844–1848 годы тракуются в книге как время становления Бакунина-революционера, показано, что на это становление оказал существенное влияние И. Лелевель, мыслитель-демократ и борец за независимость Польши. Он был одним из тех, кто готовил наступление «весны народов» 1848 г., и освещение его контактов с Бакуниным – несомненное достоинство книги.

Правда, история польских связей Бакунина характеризуется гораздо большей длительностью. Еще в 1834 г., находясь в городе Молодечно (Белоруссия) на армейской службе (после окончания артиллерийского училища в Петербурге), он установил первые знакомства с поляками, а главное – признал их право на национальную свободу, мало кем из русских писателей и мыслителей допускаемое (достаточно вспомнить известные стихи А.С. Пушкина или Ф.И. Тютчева). Будучи на военной службе, он изучал положение не только польских «верхов», но и восточнославянских «низов». И уже тогда, полагает Каминьский, он пришел к далеко

не тривиальным выводом, что дружество между этими народами должно строиться на началах взаимного уважения. «К своим, – пишет автор, – практическим знаниям о структуре национальностей и настроениях, господствующих на восточных землях бывшей Речи Посполитой, Бакунин будет возвращаться неоднократно, дискутируя как с поляками, так и с русскими о границах и будущем устройстве независимой Польши и демократической России» (Т. 1. С. 122).

Встречи с поляками в 1834–1844 гг. носили в основном эпизодический характер. Но они не могли не приобрести нового качества в связи с его пребыванием в Париже и Брюсселе. В Париже после решения от 26 октября 1844 г. о лишении Бакунина прав, чинов и званий он стал первым русским политическим эмигрантом, но при этом и защитником интересов восточнославянских народов. С учетом этого шли «споры о том, где должна проходить граница между возрожденной Польшей и демократической Россией» (Т. 1. С. 282) – и должным автономным статусом украинского и белорусского народов, также жаждавших свободы.

К мечтаниям Бакунина о судьбах славянского единения Лелевель склонен был прислушиваться, но его парижские друзья не разделяли чувства доверия к «русскому скифу». Часть из них тоже ориентировалась на славянское единение, но под эгидой Запада, которым «очаровывал» в лекциях в первой половине 1840-х годов А. Мицкевич в Коллеж де Франс.

В целом Каминский выводит увлеченность Бакунина славянским вопросом от влияния Лелевеля, но вот украинский историк анархизма М. Драгоманов считал, что этот вопрос нельзя решать однозначно. «Для меня темен вопрос о генезисе славянофильства Бакунина, – замечал он в письме к И. Франко от 22 августа 1894 г. – Пишет он, что началось оно в 1846 г., тогда он был в Париже, где славянофильствовал по-своему Мицкевич» («Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова». Львів, 2006. С. 284). Поляки пробудили этот интерес, но какие? – спрашивал украинский исследователь. Важно другое: и Лелевель, и Мицкевич, и более революционаристски настроенные приятели Бакунина остались как бы в тылу: он выковывал свой вариант славянофильства, точнее, вырабатывал собственные проекты решения славянского вопроса.

И здесь не меньшую роль играли чехи – роль, не в достаточной мере освещенную

отечественными исследователями. Каминский сделал в этом отношении заметный шаг вперед, показав, что еще до появления на баррикадах в Праге Бакунин устанавливал продуктивные контакты с чехами.

О «чешском вопросе» он сначала узнал в 1846 г. от польского публициста Э. Хоецкого, а к 1847 г. голос Бакунина уже достиг Праги. До 1848 г. Бакунин слышал о Ф. Палацком и Й. Фриче (с ним вступил даже в переписку), не говоря уже о том, что он был знаком с идеями П. Шафарика и Я. Коллара. Но полномасштабное знакомство с чехами – а через них со славянским делом – происходило непосредственно в конце мая 1848 г., после того, как Бакунин покинул Вроцлав (город, в котором о славянском деле говорили в основном революционно настроенные немцы) и прибыл в Прагу, сразу окунувшись в атмосферу Славянского съезда.

Автору присуще интегральное видение этого крайне значимого для будущего славянства события. С его детального описания и начинается второй том книги – «Поджигатель Европы». Естественно, данная аттестация принадлежит не современному исследователю, Бакунина именovali так его враги справа и друзья (в том числе фальшивые) слева. Описывается сложная траектория его движения – с остановками для революции: Вроцлав – Прага – Берлин – Хемниц, где он подвергся аресту в 1849 г.

Революция потерпела крах, а Бакунин в качестве узника, ссыльного и беглеца прошел не менее сложные маршруты, на которых он был в кандалах: Хемниц – Дрезден – Кенигштайн (где был приговорен к смертной казни) – Прага – Оломоуц – Краков (где его передали в мае 1851 г. русским властям) – Петропавловская крепость – Шлиссельбург – Омск – Томск – Забайкалье – Красноярск – Николаевск-на-Амуре – о. Хоккайдо – Сан-Франциско – Панама – Нью-Йорк – Ливерпуль – Лондон. Невероятно для человека немолодого и ослабленного тюрьмой и ссылками, хотя почти по такому же маршруту следовал совсем уже в немолодом возрасте другой политик и мыслитель, завершивший его в Праге, – Т.Г. Масарик.

В Лондоне – новые политические союзы и столкновения, даже с соратниками, и новые творения, включая послание «Русским, польским и славянским друзьям» и «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?». Заключительная глава тома – о революции, на сей раз в Польше в 1863 г.,

также завершившейся неудачей и тоже сподвигнувшей Бакунина на новые идеи.

На фоне богатейшей событиями биографии Бакунина Каминский стремится охватить богатство направлений в решении славянского вопроса с учетом мощного воздействия на этот процесс лидеров политических сил Австрийской империи, пытавшейся использовать славянство для противостояния растущему германскому единению то ли в виде республики (как предполагалось Франкфуртским парламентом), то ли монархии (а с 1871 г. – тоже империи). Российская же империя видела в славянстве своего рода предмостные укрепления от революции.

Большинство представителей политических течений Германии считало славянство не способным к независимости, равно как течений Франции, революционные правители которой с далеко идущими намерениями направили в сторону России именно Бакунина. В 1848 г. в Праге он, будучи представителем русско-украинской секции (наряду с польской и чешско-словацкой), поставил проблему революционизации славянства, дистанцировавшись от австрославизма. И она, по его убеждению, была возможна как революция по преимуществу аграрных народов.

«Мощный напор Бакунина с целью демонтажа империи Габсбургов не вызвал широкого ответа со стороны участников съезда. Большинство делегатов, главным образом чехи, украинцы и южные славяне, но также часть поляков из Галиции, стояли на умеренных позициях или даже консервативных, ограничивая свои цели реструктуризации монархии и придания ей формы федерации, состоявшей из автономных провинций», – пишет Каминский (Т. 2. S. 52). Бакунин не принял этого, ринувшись в вихрь собственно революционных событий, организованных пражской молодежью, хотя до этого сдерживал ее порывы. Восстание длилось семь дней, но 17 июня Прага была подавлена артиллерией австрийца А. Виндишгреца.

И начался обратный путь – в западном направлении, путь с новыми восстаниями: Вроцлав – Берлин – Дрезден – Лейпциг – Хемниц. А также пересмотр революционных установок. Бакунин предстал демократичным панславистом, придерживаясь позиций революционного славянофильства, федеративного славизма (Т. 2. S. 64).

Все эти определения схватывают некие части мировоззренческих позиций Бакунина, но он уже тогда шел дальше – и подходил к позициям анархизма.

Славянское дело Бакунина, по его же словам – высшее достижение его жизни, встретило разные толкования в среде и революционеров, и консерваторов на Западе. Но их объединило недоверие к его инициативам, которое обратилось обвинениями в служении царю. В чем причина этой клеветы, циркулировавшей в среде и польской аристократии, и пролетарской партии Маркса? Она в том, что Бакунин уже тогда видел движущую силу истории в крестьянском (хлопском) восстании, не приемлемом ни помещиками, ни пролетарской партией.

В конце 1848 г. Бакунин выпустил «Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена Славянского съезда в Праге». В основном чехам оно было и адресовано, однако славянский революционный порыв уже шел на спад. Воззвание вышло сначала на немецком языке, в январе 1849 г. появилось во французском и чешском переводах, в феврале – в польском. Резонанс от него был большой, но Бакунин уже организовывал революцию в Дрездене, непосредственно перед нею встречаясь с Й. Фричем. До этого в первой половине марта он четыре дня находился в Праге (более четкие даты не установлены даже таким конструктивно-кропотливым исследователем, как Каминский).

Революционный энтузиазм у него не проходил, снова и снова давал о себе знать «бес уничтожения». Тем более, что русский экс-дворянин хотел показать немцам: «не все славяне реакционеры, а не все немцы являются славянофобами (*slowianożercami*)» (Т. 2. S. 92, 94). С опорой на Фрича он собирал силы среди чешско- и немецкоязычного студенчества, которые должны «поджечь» граждан Праги, а затем и всех чехов.

Итог пребывания в Праге – признание ее неготовности к революции. 3 мая Бакунин принял участие в восстании в Дрездене (не без надежды, что оно перекинется в Польшу и Чехию). Для этого в военный штаб восстания и были приглашены польские офицеры (Т. 2. S. 120); для этого не прекращалось и общение с Й. Фричем, а также была подготовлена статья «Чешская демократия» на немецком языке (Т. 2. S. 423). Уже 10 мая Бакунин подвергся аресту и надолго был отстранен не только от славянских, но и любых дел. Если не считать их пересказа в «Исповеди», то первые живые контакты с поляками состоялись уже в Сибири в 1857 г.

Что касается славянского следа «Исповеди» (1851) Бакуниным царю (и ему как

формальному главе церкви тоже) Николаю I, то она – после обнаружения и публикации этого документа в 1921 г. и многочисленных переводов – детально рассматривалась десятками исследователей. В их числе польский историк Я. Кучаньский, который проанализировал «исповеди» других (экс)революционеров и пришел к выводу, что Бакунин больше говорил о своих идеалах, чем о раскаянии.

Следующий, написанный рукой Бакунина документ «Письмо Александру II» появился лишь в 1857 г. Его результатом и стало перемещение в Сибирь, где он встретился со ссыльными поляками и в их среде нашел свое семейное счастье (многие считают это сомнительным, апеллируя к факту, что Бакунин не был биологическим отцом своих детей; однако Каминский с должной доказательностью и деликатностью показывает: «сибирская роза», как говорили об Антонине ее друзья, и «поджигатель» Михаил любили и помогали друг другу (Т. 2. S. 316). К тому же в те времена матримониальные интересы не выступали на первый план ни у революционеров, ни у реакционеров (достаточно вспомнить Герцена и сочетавшегося морганистическим браком Александра II).

Естественно, что ссыльные поляки встретили Бакунина с радостью: многие из них укоренились в русскую среду, которая в условиях Сибири была далека от поклонения монарху. Некоторые из них (например, А. Гиллер) встретились с ним в дальнейшем в Лондоне, некоторые способствовали его побегу, многие же вели себя успокоенно, чем вызывали гнев Бакунина.

Поляки стали основными соратниками Бакунина и после его прибытия в Лондон; не случайно одно из первых его воззваний, появившихся в феврале 1862 г. в «Колоколе», именовалось «Русским, полякам и всем славянским друзьям». История их контактов неплохо описана отечественными славистами, на работы которых постоянно ссылается Каминский. «Ни один славянский народ не поверит в добрые намерения русского царя, пока Польша будет находиться в неволе» (Т. 2. S. 218) – этот тезис Бакунин доказывал с полной определенностью.

Что касается остальных славянских друзей, то их активность существенно снизилась. Чех Й. Фрич готовил в 1862 г. периодическое издание «Всеславянской свободы», но оно оказалось малоэффективным. Переписка Бакунина и Фрича пронизывалась все более пессимистическими нотами, и для этого имелись ос-

нования: на первый план выходила идея австро-славянской монархии, дискредитировавшая себя еще в 1848 г. «Со смертью великих славян – Шафарика, Ганки, Штура – ослабло и славянское единство, великое славянское дело утратило в мелких интригах, в “играх в конституцию”, в обеспечение избирательных прав. Политическая элита Чехии отвернулась от своего народа, считал Бакунин, не знает его жизни и его идеалов, тем самым они находятся весьма далеко от того, что составляет суть славянства», – констатирует автор (Т. 2. S. 239–240). Поэтому и планировавшееся с Фричем издание о всеславянстве не вышло в свет, хотя Бакунин и готовил для него статьи.

Не только из-за недостатка места, но и потому, что сюжет «Бакунин и польское восстание» описано отечественными славистами, я уделила ему меньше внимания, хотя он занимает примерно четвертую часть книги (от параграфа «Сближение с отелом “Ламберт”» четвертой главы до параграфа «Конец разлуки – приезд Антонины» пятой главы). Остается привести еще одно соображение: участие в «польском деле» дорого обошлось и Герцену, и Бакунину – от них отдалились даже верные друзья. Герцен признал, что это было ошибкой, Бакунин – нет. Он рассматривал поражение восстания как первый этап трагедии польской революции. «Бакунин был убежден, – пишет Каминский, – что вскоре наступит ее второй этап – революция крестьянская (chłopska)» (Т. 2. S. 313).

В заключительной части книги фиксируется, что в январе 1864 г. Бакунин с женой выехали в Италию. С собой он взял темперамент бунтовщика, но переориентировал его на новые цели и поиск новых возможностей. Немалую роль в этом сыграли встречи с Прудоном, хотя Бакунин шел к анархизму своим путем. Внимание Бакунина в геополитическом аспекте смещалось к югу Европы – Италии и Испании. Они могли влиять на судьбы Европы, он надеялся, что с юга удастся втянуть в вихрь революционных изменений и славян, но в такой же мере их может втянуть и взрыв революции в России (Т. 2. S. 320).

А. Каминский писал первый том о Бакунине немногим более десяти лет, второй – немногим меньше десяти. Сейчас ведется работа над третьим томом, и есть все основания утверждать, что славянские сюжеты тоже займут в нем важное место.

Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева.
М., 2011. 592 с.

Отмечавшееся не так давно 200-летие со дня рождения Ф.И. Тютчева ознаменовалось выпуском издания полного собрания сочинений в шести томах видного российского поэта и мыслителя. Это, помимо прочего, дало базу для обширных и глубоких исследований всего богатства его идей. Одна из них, причем ключевая, – судьбы России и славянского мира в самых широких контекстах. Это – не только его мысли, но и боль сердца публициста и дипломата, деятеля с общеевропейским и тем, что именуется сегодня глобальным видением путей развития всего человечества. В то же время это голос человека, непосредственно причастного к принятию внешнеполитических решений, влиявшего на предпочтения своих современников в России и за рубежом поэтическим словом, публицистическими суждениями, письмами.

Эти три части его наследия и находятся в поле зрения десяти авторов рассматриваемой книги. В трех разделах поставлена задача выявить место славянского вопроса в творчестве Тютчева и обрисовать предложенные им контуры его решения. Указанные контуры важны и для современности, когда славянский мир отличается крайней степенью разнородности, а в среде «славянских братьев» звучат неслыханные ранее споры; Россия же проходит новые, непредставимые ранее испытания. Обращение к Тютчеву в этих обстоятельствах – жизненно важное дело, ибо никто другой не испытывал такого широкого размаха размышлений о судьбах России и славянского мира, такого часто даже пугающего разброса в суждениях об их настоящем и будущем, и при этом не высказывал столь глубоко продуманных идей об этом будущем, не демонстрировал своего визионерства, позволившего за десятки лет предвидеть ход событий (например, столкновение Франции и Германии в начале 1870-х годов).

В чем истоки мудрого видения Тютчевым судьб России и славянского мира на фоне катаклизмов современной ему политики? В том, что он «усматривает в истории высший смысл» (с. 121). При этом указан-

ное «усматривание» укоренено в глубоких знаниях о прошлом и настоящем России, мощный импульс развитию которой был задан Петром I и М.В. Ломоносовым, а затем осмыслен русской словесностью и, главным образом, поэзией. Представление отечественными мыслителями судьб России и славянского мира подробно рассмотрено в первом разделе книги, причем для Тютчева их восприятие нелинейно: он перенимал и глубокие сомнения того же Ломоносова (который «умирая, сомневался, зловещей думой томим»), и уроки поражений. Все же доминантой для него являлся 1812 год, время славы российской и надежды для славянских народов.

Ставший практически ребенком студентом Московского университета, Тютчев познакомился с трудами зарубежных мыслителей, начиная с античности, особо обращая внимание на тех, кто свое внимание концентрировал на судьбах России и славянского мира. Здесь достаточно вспомнить одного И.Г. Гердера, который в работе «Идеи философии истории человечества» (1784–1791) (по свидетельству М.П. Погодина, Тютчев был знаком с нею непосредственно – с. 105) предрекал доминирование славянского мира над тевтонским. Внимательный взгляд позволил исследователям уже в юношеском стихотворении поэта «Урания» обнаружить «путь, ведущий к небесам», отождествляя его с русским началом. Оно выражает «идею единения Поэзии и Истории» (с. 91), но одновременно благовествует о силе Востока (с. 101).

Из иноязычной мысли в 1840-е годы первостепенное внимание Тютчева привлекала мысль западнославянская – славянофильская по своему наполнению и оформлению. Ее предвосхищение, считают авторы, было присуще еще А.С. Пушкину. Тютчев стал продолжателем и «усилителем» его традиции, когда напрямую воспринял эти мысли от их носителя В. Ганки, а также знакомясь с другими трудами тех, кого он позднее назвал «пражскими литераторами».

И здесь хотелось бы поделить одним соображением о книге и разработке поднятых в ней проблем. В том, что это первое

их фундаментальное изложение, крайне нужное для исследователей, сомнений нет. Но к чему чрезмерные обобщения и восхваления суждения в изложении чрезвычайно сложной проблематики, да еще в то время, когда славянский вопрос – не только в плане его решения, но и просто существования отличается крайней противоречивостью (президент одного славянского государства в 1999 г. благословил бомбардировки другого)? И почему этот пафос выводит из поля зрения исследователей подходы к этой проблематике других ученых – тех же славистов, работавших и работающих в научно-исследовательских институтах АН СССР и РАН?

Несколько моментов в этой связи. Первый: не упоминается ни имя, ни работы, недавно ушедшей из жизни М.Ю. Досталь, а ведь одна из них напрямую посвящена рассматриваемой теме [1]. И второй: авторы монографии проходят мимо интерпретаций и – более важно – ключевых идей, которые даны в трудах известных ученых Института славяноведения РАН В.К. Волкова, Г.Д. Гачева и др. Так, Волков еще в 1969 г. в ракурсе славянского вопроса проанализировал политические трактаты Тютчева [2]. Он же выявил для отечественного читателя сугубо филологическое происхождение термина «панславизм» (его еще в 1826 г. ввел чешский филолог Я. Геркель, обосновывая проекты всеславянского языка). Идея, как отмечается в рецензируемой книге, вовсе не чужда и Тютчеву, который озаботился ею в 1867 г., увидев, что не все делегаты Славянского съезда в Москве понимают друг друга (с. 406). Лишь спустя полтора десятилетия этот термин стал приобретать политическое звучание, а в ходе революции 1848–1849 гг. выступил как наименование некоего устрашения для Запада (тому же Тютчеву пришлось утверждать, что это, скорее, основа взаимопонимания народов, а не синоним агрессивной политики).

Центральным – не только по месту, но и по смыслу – выступает второй раздел книги, несомненным достоинством которого является глубокий анализ тютчевской религиозности. По мнению автора первой его главы, именно приверженность поэта православию определяла все богатство его взглядов на миссию и славянский мир, который должен стать православным.

Во второй главе раздела о «портретах» славянских городов и «бедных селений» особо примечательны сведения о негласном диалоге между Тютчевым и его соседом по имени А.К. Толстым (Овстуг и

Красный Рог разделены небольшим расстоянием). Приведено полупародийное и полугорькое стихотворение последнего, включающее строки о том, что «Царь Небесный» не давал благословения на то, чтобы «нивы пустовали». Автор главы говорит: Толстой ориентирован-де на «чисто практический вывод», а стихотворению Тютчева присущ «высокий эпический пафос обобщенной философской мысли» (с. 264), добавляя, что Толстой не был очень хорошим хозяином. Но Тютчев не был и сельским жителем – он не жил долго в том же Овстуге, окрестности которого осветил в поэзии. А у А.К. Толстого имелись свои глубокие философские представления, которые совсем не должны были совпадать с тютчевскими. Так, в письме к Б.М. Маркевичу (известному и Тютчеву) он писал о том, что Киевская Русь была «нашим европейским периодом, так туда сердце тянет», к московскому периоду он испытывает «некую ненависть». И далее: «Мне кажется, я больше русский, чем всевозможные Аксаковы и Гильфердинги, когда прихожу к выводу, что русские – европейцы, а не монголы. Г-н Дмуханский, или Дмухоновский, или как бы там его ни звали – просто плут, когда стремится доказать, что мы туранцы на том основании, что у нас нет на груди волос» [3. С. 259]. Остается, правда, добавить, что с идеями польского этнографа Духиньского (1817–1880) остро полемизировал и сам Тютчев.

Главы о подобии и различии толкования судеб славянского мира Тютчевым и ведущими представителями славянофильства (А.С. Хомяков и Ю.Ф. Самарин) весьма содержательны, а вторая наполнена и новыми данными. Все же акцент на подобию их взглядов чрезмерен. Французский литературовед Э.М. де Вогноз метко заметил, что Тютчев скорее «тесть славянофильской партии» [4. Т. 31–32. С. 754], имея в виду, естественно, не только брак его дочери с И.С. Аксаковым. Все обстоит серьезнее: разность видения была все же более глубока, на что указала, в частности, В.А. Твардовская. Она писала о том, что – в отличие от славянофилов – у Тютчева нет веры в крестьянскую (всеславянскую) общину, нет идеи национальной обособленности России, зато полнее прослеживается связь событий в России и Европе [4. Т. 79. Ч. 1. С. 164]; хорошо еще, что в книге она хотя бы упомянута (с. 398 и 480). А ведь изучение этих расхождений гораздо продуктивнее констатации их подобия.

Третий раздел книги примечателен всесторонней проработкой темы «Тютчев

и народы славянского мира» (почему-то составители книги не включили в их число поляков, отношение к которым у Тютчева было крайне заостренным, причем не только в плане негативизма). Опять избегание острых углов, столь присущих даже физическому облику Федора Ивановича?

Остановимся на отношениях с чехами – народом, которого Тютчев любил, а с его представителями поддерживал душевные отношения. Небольшое примечание: его камердинером в течение многих десятиков лет был Э. Тума (1802–1886, домашнее прозвище Шука). Поскольку авторы книги нашли возможным упомянуть его (с. 392), позволю себе привести более подробные сведения о нем. В начале правомерно отмечается, что Тума, как и ранее крепостной слуга Н.А. Хлопов, трепетно заботился о Тютчеве. Надо было бы добавить, что и того, и другого он называл «другом», что, несомненно, больше, чем благодарность за заботу [5. С. 59]. По всей видимости, Тума репрезентовал чешскую душу, как истово верующий, и подарил Тютчеву икону, сохранившуюся до настоящего времени, а Хлопов – душу русскую.

В главе прослежены пути прибытия Тютчева в Прагу и его дружба с В. Ганкой (опять же с игнорированием неких теней и нюансов). Автор правомерно взял слово «открытие» им Краледворской рукописи в 1817 г. в кавычки – на самом деле рукопись создал Ганка. Конечно, она сыграла важнейшую роль в формировании самосознания славянства, но современного ему, а не прошлого (с. 387). Не меньшую роль играла в этом процессе и знаменитая поэма «Дочь Славы» (1824) словака Я. Коллара, прямых свидетельств о знакомстве с нею Тютчева автор не приводит, но косвенные изложены с достаточной убедительностью. Остается добавить, что почитая и всматриваясь в чехов, Тютчев в очень редких случаях и как бы вскользь упоминает о словаках.

Более детально охарактеризованы и косвенные свидетельства о знакомстве Тютчева с П. Шафариком, особенно знаменитой его картой славянских земель (с. 390). В книге прослеживается и ход мыслей Тютчева о будущем Богемии – в явном и скрытом диалогах с представителями неславянофильских взглядов. В этом плане один из них – Ф. Палацкий – весьма сложная фигура для оценивания Тютчевым. В главе о нем говорится очень мало (упомянута его платформа австрославизма, его либеральные взгляды – с. 403, а также то, как его встречали в Петербурге с

возгласами «Слава» – с. 405). Остается добавить, что Тютчев, несмотря на расхождение политических позиций, предпринял шаги с тем, чтобы император подписал адрес к 70-летию Палацкого, что не увенчалось успехом [4. Т. 79. Ч. 2. С. 396].

Лишь в примечании упомянуто имя И. Фрича, видевшего решение славянского вопроса в создании федерации независимых государств – идее, пришедшей к нему от А. Герцена (с. 393). Сюжет этот можно было бы развернуть и пошире с учетом того, что Герцен и Тютчев встречались лично и, по всей видимости, говорили также об этом. Конечно, книга – и глава – не безразмерны, но для обсуждения такого рода сюжетов стоило бы пожертвовать некоторыми общими преисполненными излишнего благоговения сюжетами или местами. Опять-таки, излишнее подобострастие даже перед великим именем Тютчева сбивает четкость видения им же сложностей мира.

Заключая далеко не полный обзор книги, следует выразить благодарность ее авторам за объемную и во многом удавшуюся попытку представить все богатство взглядов Тютчева на Россию и славянский мир в трудные своей неопределенностью времена. «Теперь тебе не до стихов,/О слово русское, родное!», – писал Тютчев в тягостные как для России, так и для него времена Крымской войны. И все же слово Тютчева было и будет востребовано всегда, пока сохранится русская речь, а его призыв к славянам «спаять единство любовью» (стихотворение «Два единства», откуда он взят, несколько раз приводится в книге – и это не просто повторение и высвечивание новых граней содержащегося в нем смысла) значим сегодня и для всего человечества, подверженного новым угрозам.

Книга в этом плане приобретает не только филологическое, но и общественное звучание, она побуждает к предельно острому – и потому живым – отклику. Она будет прочитана не только специалистами, но и всеми теми, кого судьбы России и славянского мира затрагивают на уровне личностного бытия. Авторы ее доказали, что связь такого бытия с жизнью народов выявлена Тютчевым в полной мере. Книга поэтому значима для выстраивания их будущего не в меньшей мере, чем для понимания их прошлого.

Заключение книги содержит идеи и положения, трудно совместимые в рамках мировоззрения одного человека, если это не Ф. Тютчев. Смирная красота России –

и ее претензии на Константинополь, лишь отсроченные Крымской войной. Высшая цена молчания – и полновесное слово, особенно относительно судеб славянского мира. Европейство самой высшей пробы – и углубленное понимание самых основ русской жизни. Метки дипломатические ноты и пророчества с громадными временными интервалами, а над всем этим – голос надежды (с. 568–569). Они задают истории идеальную перспективу, без которой невозможно уже не просто развитие, но и сохранение человечества.

Книга доносит эту мысль, в чем ее несомненное достоинство. Но любая идеальная перспектива рождается в муках хаоса, и поэзия Тютчева говорит об этом со всей определенностью. Тональность книги сводится к тому, что хаос укротим и преодолем, однако пути этого преодоления выставлены спрямленно. Вот почему книга выступает некой отправной точкой для более глубоких изысканий: сложное время требует их не в меньшей мере. И от-

вет славянского мира на них должен быть дан вопреки всем внешне манифестируемым разобщенностям.

Согласно Тютчеву, запрос на такой ответ лежит в самой сути этого мира и пронизывает миссию России. О том, что миссия эта не исчерпана, и свидетельствует рецензируемая книга.

© 2014 г. Э.Г. Задорожнюк

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Досталь М.Ю.* Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф. И. Тютчева // *Общественная мысль и славистическая историография.* Калинин, 1989.
2. *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // *Славяно-германские культурные связи и отношения.* М., 1969.
3. *Толстой А.К.* Собр. соч. М., 1964. Т. 4.
4. *Литературное наследство.* М., 1936. Т. 31–32; М., 1988. Т. 79. Ч. 1.
5. *Чулков Г.* Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.; Л., 1933.

Славяноведение, № 4

Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания. М., 2013. 793 с.

Воспоминания можно уподобить нити Ариадны: она может привести к лабиринту с прошедшим временем, полным судеб, характеров, историй. Именно это сравнение пришло мне на ум, когда я раскрыл увесистую книжку воспоминаний «Белоэмигранты в Болгарии». В ней поместились свыше двадцати очерков жизненных путей тех, кто обрел после богатого на революции начала XX в., Гражданской войны, второй дом на болгарской земле. Бесценной, не ушедшей в забвение, памятью, своим отношением к прошлому поделились Д.А. Бендерев, С.Н. Букасова-Богослова, Ю.Р. Бурцов, И.Т. Гюров-Ерулски, Б.Е. Комаров, В.Ф. Краснокулов, Е.В. Левкова-Бесчастнова, А.Г. Литвиненко, Н.Г. Литвиненко, И.В. Лысенко-Чехларова, С.П. Мрачковская-Балашова, С.И. Петрусенко, В.П. Петрусенко, Т.К. Пчелинцева, А.А. Попчева, С.А. Рожков, Ю.Б. Словачевский, Н. Трейман, С.А. Третьяков, С.Х. Чакалов, В.В. Чумаченко, П.В. Чумаченко.

Некоторых, из названных здесь авторов, я знаю лично. Это и давний исследователь русского зарубежья в Болгарии, долгое время возглавлявший Русский академический союз в Болгарии, автор вступительной статьи Сергей Александрович Рожков, ум, феноменальная энергия, коммуникабельность и преданность истории, науке позволили ему внести весомый вклад в «издание нашей истории». Достаточно сказать, что он был автором идеи, руководителем проекта и составителем замечательной книги-альбома «Русское зарубежье в Болгарии: история и современность» (София, 2009). Тут и Софья Николаевна Букасова-Богослова, автор прекрасной книги «Руската следа във Варна» (Варна, 2009) и отдавшая сейчас издателю, судя по нашей переписке, новый расширенный текст. Здесь и нынешняя москвичка Евгения Васильевна Левкова-Бесчастнова, надиктовавшая мне в свое время воспоминания о своей дочери, знаменитой балерине Вале Вербеовой. Нужно назвать и имя Татья-

ны Константиновны Пчелинцевой, наши встречи с нею в Софии помогли мне «войти» в мир балетных звезд.

Знаком мне и Платон Васильевич Чумаченко, интересное интервью которого С.А. Рожкову я читал несколько лет назад в упомянутом роскошно изданном труде «Русское зарубежье в Болгарии». Известна также по этому труду и фамилия Юрия Борисовича Словачевского, включившего в свой текст отрывки из дневника архиепископа Дамиана (Говорова).

Теперь, читая книгу, буду знать и других «русских болгар» или «болгарских русских», очерки которых для меня полны нового: фактов, свидетельств, имен, т.е. новой истории, нашей современности. Разумеется, все это относится и к будущим читателям.

Если говорить о структуре книги, то «воспоминательные тексты» не позволяют четко характеризовать ее по определенным, свойственным всем, признакам. Единственное, что можно все же выделить в ту или иную группу – это «профессиональный принцип». В книге есть ряд воспоминаний, связанных с врачами (Е.В. Левкова-Бесчастнова, А.А. Попчева, Т.К. Пчелинцева, П.В. Чумаченко) и с геологами (П.В. Чумаченко, С.И. Петрусенко, И.В. Лысенко-Чехларова). Вполне естественно, что в этих очерках все же больше жизни, судеб самих людей, нежели «медицины» или «геологии», что и позволяет в какой-то мере войти в мир воспоминаний детства, юности, зрелости, в круг забот и переживаний, тревог и свершений русских изгнанников, честно служивших Болгарии, ее народу на разных поприщах, равно и тех, кто вернулся на Родину, работал для новой России, укрывшейся под четырехбуквенным обозначением СССР.

Именно «разноцветность» воспоминаний ведет к обогащению наших знаний о русских в Болгарии в портретах, биографиях, трудах, в мирные и военные времена, вплоть до нашей современности, что особенно ценно. При этом, необходимо принять во внимание то, что у нас, практически, нет исследований, связанных с обустройством русских, вернувшихся на Родину. Здесь есть и такие истории, сюжеты, очень интересные, я бы сказал, несколько контрастирующие, с иными свидетельствами о судьбах «возвращенцев» из других стран.

Причем, разговор от первого лица, окрашенный в личностные тона, позволяет «вчувствоваться» в историю семьи, Рос-

сии, Болгарии, а не просто читать строки воспоминаний.

Здесь нить Ариадны может увести не только в недавнее минувшее, но и очень далеко в глубины памяти. Так и в очерке о династии князей Мещерских прослеживается не только строго определенный этап русской памяти на болгарской земле, но и давнее прошлое семьи, рода, уходящее в русские века. Включены сюда и довольно любопытные «картинки» из советской эпохи, равно как и свидетельства из болгарского времени после 1944 г., в частности, о сжигании русских книг.

Многие из воспоминаний, например, Софьи Букасовой-Богослововой, связаны с картинами семейной жизни, с процессом «вживания» старшего поколения в новую болгарскую жизнь до прихода Красной армии и после, с школой «младших», с новыми болгарскими знакомствами, с сопротивлением политике, когда ее отец был посажен в исправительно-трудовой лагерь за отказ, как я понимаю, вступить в Русский охранный корпус «для участия в боях против Советского Союза».

С живым интересом прочитывается текст Д. Бендерова о Софийской русской гимназии в 1924–1934 гг. И хотя эта тема мне была знакома и раньше из других источников, но жизнь гимназиста была настолько интересна, полна «историй», веселых зарисовок, образов учителей, что текст, сопровождаемый массой редчайших фотографий, просто «плотается».

Школьным годам в Русском детском доме, учителям, будням детей, посвящен небольшой текст С. Третьякова.

Не обойдена в книге и тема «соколов» в Софии. Обрисованная Ю. Р. Бурцовым, она напоминает «живые картины», позволяющие увидеть прошлое молодежи, портреты ее учителей, патриотизм воспитания.

Очень любопытны строки очерка И. Гюрова-Ерулски о русской интеллигенции в провинциальном Пернике с массой интереснейших и, главное, новых сведений о художниках, выставках картин, о массовом участии русских в съемках кино «След пожара в Русия», судьбе Любови Тарновской и ее детей, ставших известными артистами.

Не все русские попадали в Болгарию из России с «остановкой» в Константинополе. Были и те, кто туда приезжал из «рассорившейся» с СССР Югославии в 1950 г., уже имея советский паспорт. Именно судьбе такого человека, Е. Е. Комарова, известного деятеля музыкальной культуры, его семьи, посвящены написанные с

душою воспоминания его сына, Б.Е. Комарова.

Немало строк отведено в книге чрезвычайно интересной теме русской семьи, как например в «российско-болгарских хрониках» композитора В. Краснокулова, память которого позволила написать многое. Здесь и дореволюционное время, русский «бег», сцена, когда матросы с кораблей бывших союзников по Антанте издевательски вскрывали консервы с мясом и выбрасывали его в море на глазах русских изголодавшихся беженцев, жизнь, не всегда безоблачная, на болгарской земле, быт в народной Болгарии, описание Софии, учеба, прощание с родиной Болгарией, переезд в СССР и встреча с отчизной – Россией.

Ярко представлена и тема несчастной семьи у Ю. Р. Бурцова, давшего небольшую зарисовку истории «русского помещика» С. Л. Голикова на болгарской земле, сделавшего все для спасения жизни своей дочери, стрелявшей в отца.

Воспоминания интересны «переплетением» сюжетов, когда личное соседствует, связывается с картинами учебы, профессии и получается интереснейший срез русской жизни. Например, текст А.Г. и Н.Г. Литвиненко, где жато обрисован портрет отца, и много, например, свежей информации о русском интернете в Софии, русских клубах в болгарской столице и Бургасе, русской школе в Софии.

Сюда же можно отнести текст Т.К. Пчелинцевой и А. А. Попчевой о семье Ларисы Николаевны Морозовой, крестной матери Тани Пчелинцевой. Немалое количество страниц отведено многочисленным членам семьи с их различными судьбами, самому времени, в котором они жили, воевали, трудились, женились, выходили замуж, рожали детей.

Пожалуй, самые информативные тексты принадлежат Т.К. Пчелинцевой, составившей список русских врачей, сестер, насчитывавший несколько сотен фамилий, и П. Чумаченко, С. Петрусенко и И. Лысенко-Чехларовой со списком русских геологов на болгарской земле.

Историям семей посвящены воспоминания Т.К. Пчелинцевой, С.И. Петрусен-

ко и В.П. Петрусенко, П.В. Чумаченко, Н. Треймана, Ю. Словачевского с письмами и дневниковыми записями родителей.

Почти сотня страниц отведена в книге прелюбопытнейшему интервью, взятому С.А. Рожковым у П.В. Чумаченко, рассказавшему о множестве своих русских и болгарских знакомых по жизни в Болгарии, среди которых была, в частности, и семья князей Лобановых-Ростовских.

Из общего ряда воспоминаний о жизни в Болгарии выделяется текст С. Чакалова «Записки болгарского кадета (1911–1921 годы)» о Гражданской войне в России, прямым участником которой он был, сражаясь в рядах Белой армии, а потом на флоте – матросом, дошедшим с русской эскадрой до Бизерты, и оттуда, через Францию и Грецию, вернувшегося домой, в Софию. Читатель здесь найдет живое и трагическое описание «будней войны» с ее кровью, всеми ужасами и тяготами.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать о содержании книги, наполненной временем ушедших дней, утрат, приобретений...

Если говорить о неких замечаниях, то их всего два. Первое, термин «белоэмигранты» мне не представляется особо точным определением для разношерстного люда, хлынувшего в Болгарию. Второе, нет именного указателя.

Издание богато иллюстрировано уникальными фотографиями из семейных архивов и снабжено краткими сведениями об авторах.

И, пожалуй, последнее, «воспоминания» изданы бесплатно Юрием Викторовичем Чумаченко в память о своих предках для детей и других потомков русских эмигрантов в Болгарии. Свой труд в появление этой публикации вложили и другие представители этой семьи – Ирина и Василий Чумаченко. Добавлю, что книга может быть закономерно причислена к тем трудам, которые хранят память нашей страны, народа, семей, а, следовательно, входят в разряд «вечных». Нить Ариадны не прервана...

© 2014 г. В.И. Косик

Л. ДОВГА. Система цінностей в українській культурі XVII століття (на прикладі теоретичної спадщини Інокентія Гізеля). Київ; Львів, 2012. 343 с.

Л. ДОВГА. Система ценностей украинской культуры XVII столетия (на примере теоретического наследия Иннокентия Гизеля)

Междисциплинарный характер книги Л. Довги позволяет читателю прочитывать ее разными глазами. В моем случае – это опция прочтения «глазами историка», а не философа или культуролога, а потому я остановлюсь подробнее именно на тех моментах, которые более близки ремесленникам моего цеха.

Л. Довга исходит из понимания ценностей как явления динамичного и изменяемого: разные эпохи могут «открывать» их заново или обогащать уже сложившиеся ценностные представления новыми смыслами. А потому задача исследования – не исчерпывающая реконструкция системы ценностей украинской культуры второй половины XVII в., но выявление тех *конкретных смыслов*, какими украинская барочная культура наполняла такие понятия, как совесть, свобода, честь, Отчизна, война и мир, верность и измена, знания и коммуникация с внешним миром (с. 8).

Монография состоит из предисловия, шести разделов, послесловия, списка литературы, именного и предметного указателей. Первый раздел – «Представления о человеке в украинской письменности XVII столетия как исследовательская проблема» посвящен методологическим основаниям исследования и общей характеристике источников. С середины XVII в. украинской культуре присущ повышенный интерес к антропологической проблематике, что объясняется особыми социально-политическими и церковно-религиозными условиями, в которых эта культура развивалась. Понять же, почему данная проблематика осмыслялась *именно таким, а не иным образом*, нельзя без признания того очевидного факта, что в эту эпоху происходит усвоение навыков западного рационального мышления, его специфического инструментария и понятийного аппарата (с. 17). На долю киевских интеллектуалов выпала нелегкая задача: обильно черпая из «чужой науки» и переходя от конфрон-

тации с латинской традицией к реальному диалогу с ней, сохранить и упрочить свою идентичность (с. 22).

Источники книги не ограничиваются только заявленным в подзаголовке «теоретическим наследием Иннокентия Гизеля», но охватывают очень разные в жанровом отношении сочинения Петра Могилы, Лазаря Барановича, Иоанникия Галатовского, Антония Радивиловского. Особое значение богословских морально-дидактических сочинений для реконструкции ценностных предпочтений культуры состоит в том, что они позволяют изучать, «какие общие вопросы украинское общество адресовало церковному учению и как православные иерархи [...] отвечали на вызов времени», поскольку в этих сочинениях можно «услышать» диалог автора с паствой (с. 48). Речь не идет об установлении строгой меры соответствия или несоответствия представленным в текстах идей православной доктрине. Более продуктивно подходить к этим текстам как к законченным феноменам культуры, которые порождались определенной социальной и интеллектуальной средой, а впоследствии оказывали на нее обратное влияние.

Второй раздел («Иннокентий Гизель – украинский мыслитель XVII столетия») посвящен сопоставлению первого компендиума по моральному богословию в Киевской митрополии «Мир с Богом» (Киев, 1669) и его адаптированной версии «Наука о покаянии» (Киев, 1671); реконструируются социальные, церковные и интеллектуальные контексты создания данных сочинений. Автор склонна рассматривать подготовку «Мира с Богом» как часть более широкой программы реформ, инициированных еще Петром Могилой и которые, с определенными оговорками, можно интерпретировать по аналогии с процессами конфессионализации на Западе (с. 96 и далее).

В разделах книги с третьего по шестой анализируются конкретные ценностные

представления. Этому предшествует теоретическое рассуждение, как категория «ценность» может быть использована для исследования культуры раннего Нового времени. Автор опирается на концепцию этического персонализма, провозгласившего «ценность» в качестве изначальной и объективно существующей, не сводимой ни к чему данности (с. 107). И хотя в культуре той эпохи нельзя провести четкой границы между духовными, нравственными и социальными ценностями, именно по этим категориям и выстраивается их анализ в монографии.

Третий раздел («Ценностные ориентации в трактате Иннокентия Гизеля “Мир с Богом человеку”») посвящен анализу трактовки понятий «совесть», «свобода воли» и «честь». В четвертом разделе («Социальная утопия Иннокентия Гизеля») представлены описанная в «Мире с Богом» стратификация общества и такие социальные приоритеты, как «мир», «согласие», «общее благо». Сквозь призму присущих разным «станам» грехов реконструируются представления о социальных функциях каждого из «станов» и делается попытка соотнести эти представления с реальными социальными практиками.

Пятый раздел («Добродетели в плену греха: представления о надлежащем/ненадлежащем поведении») отводится рассмотрению нравственной составляющей ценностного сознания киевских интеллектуалов. В шестом разделе («Новые вызовы и ценности, продиктованные временем») автор останавливается на тех категориях ценностного сознания, которые актуализируются и впервые становятся предметом осмысления именно в середине XVII в.: «отчизна» и служение ей; «знание»; война справедливая и несправедливая; верность/предательство.

Роль послесловия выполняет самостоятельный раздел «Диалогизм как ценность в культуре украинского барокко». Апеллируя к философской концепции диалога, автор выделяет ключевые признаки, свидетельствующие о том, что во второй половине XVII в. украинская культура становится диалогичной как сама в себе, так и по отношению к своим визави» (с. 297). Концепции постепенной латинизации киевского православия противопоставляется понимание рецепции не как механического копирования чужих образцов, но как процесса творческого, когда из «чужой» традиции воспринимается лишь то, что данной

культуре соответствует. И в этом случае идентичность сохраняется не путем консервации собственной традиции, но через ее развитие (с. 299). Автор также разделяет идею «полиморфности» украинской культуры исследуемого периода (см. [1]), которую не следует понимать как свидетельство ее неразвитости, но как одну из ключевых конституирующих черт этой культуры.

Важным также представляется многократно на протяжении всей монографии проговариваемая мысль о том, что киевское богословие середины – второй половины XVII в. не было гомогенным и его не стоит воспринимать как некий нерасчленимый монолит; что даже выпускники Могилянского коллегиума могли быть в чем-то более «традиционалистами» или более «новаторами».

В чем сложно согласиться с автором, так это с тезисом о преимущественно диалогическом характере богословских морально-дидактических сочинений, особенно когда речь идет об основном источнике исследования – о трактате «Мир с Богом». Здесь упускается из виду жанровая специфика памятника. Эти тексты по своему характеру всегда были *монологичны*, поскольку само моральное богословие существовало в ту эпоху в форме прикладной школьной дисциплины, нацеленной на подготовку исповедников. Сложно себе представить, что эти учебные пособия принимали в расчет «голос» какой бы то ни было другой стороны. И даже если рассматривать создание «Мира с Богом» в контексте инициированных Могилой реформ, предполагая, что составление трактата преследовало как минимум две цели: повысить уровень «профессиональной» грамотности духовенства (=индоктринация) и формализовать отправление таинства исповеди и, тем самым, как-то повлиять на состояние нравов самих прихожан (=дисциплинирование), то уже по одним этим основаниям «Мир с Богом» никак не мог быть диалогичен.

Учитывая же, что в определенных своих сегментах культура находилась еще в значительной степени на стадии рецепции (пусть и творческой!) «латинской мудрости» (с. 29), можем ли мы считать, что учебные курсы или *прикладные* богословские сочинения, т.е. тексты в значительной степени компилятивные, стандартизированные, лишённые по сути дела «авторского голоса» (в чем и состояла их главная ценность!), из памятников этой «латинской мудрости» составленные, отражают те представления о

человеке, которые бытовали в самом украинском социуме (с. 30)? В лучшем случае мы имеем дело с представлениями определенной прослойки интеллектуалов, которые транслируют эти представления социуму. Спорным представляется и стремление интерпретировать *все* содержание «Мира с Богом» как выражение авторской точки зрения самого Гизеля. Уже хотя бы потому, что Л. Довга сама исходит из посылки, что архимандрит, скорее всего, только подобрал источники для компиляции, окончательно отредактировал сочинение и снабдил его двумя предисловиями (с. 100). Об «авторском голосе» можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Гизель собирал свой трактат из разных источников, а не только из трех трактатов польского доминиканца Мосчиского: тогда бы круг подобранных им текстов позволил делать предположения о его богословских, мировоззренческих или ценностных предпочтениях.

Хорошее монографическое исследование, как известно, должно не только служить источником фактического материала

и быть подручной энциклопедией, которую хотелось бы иметь в домашней библиотеке; не только давать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, но и должно заставлять читателя задуматься, ставя перед ним новые исследовательские задачи. И монография Л. Довги вполне соответствует всем этим критериям: она не предлагает ответа на вопрос, что же представляла собой украинская культура, проанализированная сквозь призму системы ценностей ее главных творцов второй половины XVII в., но показывает читателю, сколь многообразны могут быть подходы к исследованию этой культуры.

© 2014 г. М.А. Корзо

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bercoff G.B.* Ruś, Ukraina, Ruthenia, Wielkie Księstwo Litewskie, Rzeczpospolita, Moskwa, Rosja, Europa Środkowo-Wschodnia: o wielowarstwowości i polifunkcjonalizmie kulturowym // *Contributi italiani al XIII congress internazionale degli slavisti*. Pisa, 2003.

Славяноведение, № 4

J. ZAJONC. Premeny vlakna. Trnava, 2012. 235 s.

Ю. ЗАЙОНЦ. Превращения волокна.

«Превращение волокна» – первое монографическое описание разных видов технологии изготовления текстиля (тканей и других плетеных изделий, имеющих функцию ткани), известных на территории современной Словакии. Это историко-этнографический синтез данных, описывающих различные способы и техники ручной переработки волокнистых и неволокнистых природных материалов, данных, которые содержатся в опубликованных работах разного рода (этнографических, исторических, археологических, лингвистических), не публиковавшихся источниках (например архивных данных Института этнологии САН, Центра народных художественных промыслов, диссертационных сочинений), а также в материалах полевых исследова-

ний 50–80-х годов XX в., равно как и в собственных полевых записях автора.

Книгу написал известный этнограф Юрай Зайонц, научный сотрудник Института этнологии САН. Одной из основных тем его научной и исследовательской деятельности является изучение текстильного производства на территории Словакии с акцентом на технологию производства и его культурно-историческое развитие. В рамках данной проблематики он опубликовал несколько десятков различных научных статей, как в Словакии, так и в зарубежных изданиях, а также монографии: [1–3]. Он также является автором или соавтором ряда статей для «Энциклопедии народной культуры Словакии» [4]. Результаты своих исследований, а также приобретенные практические навы-

ки Ю. Зайонц использует при работе над разысканиями в области археологии и реставрации текстиля; в преподавании в Институте художественного творчества в Братиславе. Ю. Зайонц является также одним из создателей и президентом общественной организации «Словацкое кружево», которая основана в 1996 г. с целью развития словацких традиций плетения на коклюшках.

«Превращения волокна» – это итог многолетнего научного интереса автора к данной теме, непрекращающегося сбора материала и практических навыков прядения и тканья, равно как и других техник обработки волокон.

В книге четыре главы, в которых последовательно рассматриваются: 1) сырье для текстильного производства (растительного и животного происхождения, из диких и домашних животных и растений – лен, конопля, овечья шерсть, шерсть других животных, шелк, хлопок), процессы обработки сырья; 2) процессы войлочения шерсти (*plstenie*) и валяния изделий из шерсти (*splst'ovanie*); 3) инструменты, использующиеся для обработки сырья и получения текстиля – веретено (*vreteno*), палочка для «толстого» прядения (*druga*), прялка (*praslica*), коловрат (*kolovrat*), и техники скручивания волокон и неволокнистых материалов в нить: скатывание нитей между ладонями (*šul'anie*), прядение (*pradenie*), «грубое, или толстое» прядение (*druganie*) шерсти и конопли и связанный с этими техниками инструментарий; 4) сучение (*súkanie*) нитей в веревки с использованием инструментов или без них.

Первые в одной монографии были собраны и поэтапно рассмотрены и названы все ручные техники обработки текстильных культур и изготовления текстиля войлокованием и скручиванием волокон, а также изготовление полотна из нитей. Описываются также техники валяния вязаных изделий, тесно связанные с войлокованием шерсти. Подробно разбираются все технологические этапы обработки льна и конопли (бранье/рвание льна, сушка, отделение семян, мочение, выкладывание на росу, ломание, трение и очистка от костры, чесание), шерсти (чистка, стирка, разрыхление, трепание, мыканье, прядение, валяние), хлопка (чистка, чесание, прядение). Эти операции прослеживаются в домашнем, ремесленном и мануфактурном производстве. Развитие технологии и ее элементов (самых операций, необходимых для них инструментов и устройств и т.д.) представлено в контексте

культурно-исторических процессов и условий, в которых они приобретали специфические формы. Хотя в основе исследования лежат данные, относящиеся к нынешней территории Словакии, привлекался также материал других европейских стран, однако лишь в том случае, если словацкие материалы не были доступны.

Целью книги было идентифицировать техники переработки текстильных культур в полотно, нити и шнуры, а затем классифицировать полученные данные. Синтез полученных результатов дал автору возможность проследить развитие форм и текстильных техник и одновременно стал исходным пунктом поиска связей между прядением и сучением (некоторые выводы приведены в Заключении книги).

Особое внимание в монографии уделяется и соотношению терминологии, используемой в этнографии и археологии при исследовании текстильной культуры, с технической текстильной номенклатурой. В результате автором предложена система терминов, стремящаяся к сближению упомянутых областей, но прежде всего им определена сумма однозначно трактуемых терминов традиционной текстильной технологии. Приведены также и названия приспособлений и устройств, операций (действий), техник, использование которых было связано с разными ареалами и для разных хронологических периодов; эта терминология особенно важна для изучения генезиса каждого из исследуемых элементов. Предлагаемая терминология, использованная вместе с профессиональной, дает возможность использовать данную публикацию для объяснения понятий традиционного текстильного производства различных регионов Словакии.

Стараясь расширить представление о традиционном текстильном производстве, автор посвящает отдельные главы книги переработке неволокнистых культур (например рогоза, соломы, лыка, жил, кожи), которые начали использоваться людьми раньше, чем волокнистые. Отчасти занимается автор и гендерными вопросами производства, в частности его материал нарушает стереотип о прядении, ткачестве и других текстильных работах как исключительно женских занятиях.

Одной из важнейших составных частей монографии являются иллюстрации. Почти половина их – до сих пор не публиковавшиеся снимки из фондов Института этнологии САН в Братиславе и Центра народ-

ных художественных промыслов – Музея народных художественных промыслов в городе Ступава.

В Заключении автор подытоживает результаты своей работы и предлагает некоторые выводы. За последние восемь тысяч лет на территории Словакии текстиль изготавливался преимущественно из волокон – льна и овечьей шерсти. Выращивать лен и разводить овец начали еще в неолите, конопля использовалась начиная с железного века. До эпохи неолита волокнистыми культурами для изготовления текстиля были, скорее всего, шерсть диких животных (которую находили после линьки), обрабатываемая валянием, и волокна крапивы, равно как и неволокнистые материалы (кора, лыко деревьев, листья и стебли трав, ремешки из кожи и под.). Переработка неволокнистых материалов, таких, как стебли рогоза и тростника, солома, листья кукурузы, сохранилась на территории Словакии до XX в.

Из животных волокон использовались, помимо овечьей, также шерсть и щетина коров, коз, свиней, кроликов. С XVII в. начали разводить тутового шелкопряда и изготавливать шелк, а с XVIII в. более широкое распространение приобрел хлопок.

Технология переработки растительного сырья (льна и конопли) была относительно единой, благодаря одинаковым свойствам

обоих растений. А ручная обработка шерсти включала несколько видов. Свойства шерсти позволяли не только скручивать ее в нить, но и валять (сухим и мокрым способом), а также валять готовые (связанные или тканые) изделия – так получали войлок, валяный и неваляный текстиль.

Книга имеет резюме на английском языке и обширный вспомогательный научный аппарат, включающий Именной, Географический и Предметный указатели, Список иллюстраций и Список источников (277 названий).

Публикация будет полезна как этнографам, историкам ремесел, так и лингвистам и этнолингвистам, нуждающимся для полноценного описания семантики терминов и диалектизмов в знании технологического процесса изготовления ткани и способа использования инструментов.

© 2014 г. *М.М. Валенцова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Zajonc J. Sieťovanie a výšivka na sieti*. Bratislava, 2000.
2. *Zajonc J. Snovanie a tkanie plátna*. Bratislava, 2005.
3. *Zajonc J. Tkanie ripsu a kepru*. Bratislava, 2009.
4. *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Bratislava, 1995. D. 1, 2.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГОРОДЛО (1413–2013). ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В ЭПОХУ ГОРОДЕЛЬСКОЙ УНИИ»

2 октября 1413 г. польский король Владислав II Ягайло, великий князь литовский Александр Витовт, польские и литовские вельможи, собравшиеся в замке Городло на р. Буге, скрепили печатями документы об унии двух государств, пожаловании новых привилегий литовским боярам-католикам и их принятии (адопции) в польские гербовые братства. На фоне юбилейных мероприятий по случаю 600-летия Городельской унии выделяется научная конференция, состоявшаяся 20–21 сентября 2013 г. в Кракове и Неполомицах. Ее организовали Польская академия искусств и наук и Институт истории Литвы под почетным патронатом президента Польской республики Бронислава Коморовского. По замыслу организаторов обсудить Городельскую унию и ее эпоху были приглашены историки из Польши и Литвы, и лишь один участник представлял Россию.

Работа конференции началась 20 сентября в здании Польской академии искусств и наук. Участников поприветствовали председатель академии проф. А. Бялас, зачитавший обращение президента Польши, ректор Ягеллонского университета в Кракове проф. В. Новак, напомнивший о начале 650-го учебного года, директор Института истории Литвы Р. Микнис и посол Литвы в Польше Л. Закарявичене.

Первым прозвучал доклад *М. Сморгонь-Ружицкой* (Краков) о фресках в базилике Рождества Пречистой Девы Марии в Сандомире, выполненных при Ягайле, – судя по наличию в гербовом фризе герба его второй жены Анны Цилейской, между 1402 и 1416 гг. Обычно эти фрески характеризуют как пример увлечения Ягайла традициями православного искусства, однако, как показала докладчица, точнее говорить об их переплетении с элементами искусства католического. В интерьере типичного готического костела находятся характерные для Руси или Византии изображения Христа, святых и ангелов, снабженные латинскими надписями. По-русски и по-латыни также были выполнены надписи об основании костела, находившиеся при входе (сохранились лишь небольшие фрагменты). К сожалению, ничего не известно о восприятии этих росписей современниками. Но ясно, что они были призваны прославлять Бога и показывать короля во всем блеске его власти.

Серия докладов в первой сессии была посвящена политической сцене Польского королевства и Великого княжества Литовского (ВКЛ) в эпоху Городельской унии. *М. Кочерска* (Варшава) коснулась генезиса Городельской унии в связи с персональным составом окружения Ягайла. Она отметила широкое участие в заключении унии земских судей, постоянно контактировавших с местной шляхтой. По словам М. Кочерской, в Городле литовские бояре получили более узкий круг прав по сравнению с тем их набором, которым располагала польская шляхта. Она также затронула проблему: как согласовать термин *incorporare*, которым характеризовалось отношение ВКЛ к Польше, и институцию великого князя, санкционированную унией? По ее мнению, имел место компромисс обоих монархов, вербализованный в польской королевской канцелярии. Это был определенный этап развития польско-литовских отношений, поэтому данные формулировки не повторялись в униях 1430-х годов, а в следующие десятилетия Казимир Ягеллон, заняв польский престол, долго не подтверждал законы королевства. *Р. Петраускас* (Вильнюс) охарактеризовал позицию Витовта в польско-литовской унии до 1413 г. По его словам, 1401–1413 гг. были временем решающего укрепления власти Витовта как монарха: уси-

ливалась активность ВКЛ в отношении его восточных (в том числе русских) соседей, строились новые замки, а старые приспособлялись для целей репрезентации, были введены новые придворные должности, печать «маестатного» типа (с изображением монарха, сидящего на троне) и монеты, использовалась титулатура суверенного монарха (*dominus et haeres* – «господарь и наследник»), а на службе политике укрепления великокняжеской власти привлекались латинские юристы и секретари и русские книжники. Если в конце XIV и начале XV в. многочисленные князья по отдельности приносили присягу на верность Ягайлу и польской Короне, то в 1413 г. единственным таким князем остался Витовт, а ряд князей, – очевидно, недовольных усилением его власти, – покинули ВКЛ. Предпосылкой такого развития событий стала потребность литовской знати в правителе, который бы, в отличие от занявшего польский престол Владислава II Ягайла, постоянно находился в Литве. При этом тот не противодействовал усилению власти Витовта, а рассматривал его с династических позиций. В результате, по словам докладчика, хотя Витовт был вассалом Ягайла, влияние великого князя литовского в Польше было сильнее, чем польского короля (и одновременно верховного князя литовского) – в ВКЛ. В. Фалковский (Варшава) охарактеризовал отношения Владислава Ягайла с польской знатью в 1399–1413 гг. Смерть королевы Ядвиги в 1399 г. положила начало кризису легитимации Ягайла, и он вынужден был искать новые средства утверждения своей власти. Среди них было формирование общепольских органов власти – вального сейма и совета при короле, состоящего из двух «кругов» – доверенных лиц и прочих советников, что позволило королю меньше оглядываться на малопольскую знать, благодаря которой он занял престол (хотя она и не была полностью оттеснена от власти). В итоге Ягайло достиг своей цели: он прошел путь от положения короля-консорта к позиции короля, правящего с согласия общества, а в конечном счете положил начало династии Ягеллонов.

Следующим выступил В. Янкаускас (Каунас) с докладом о династическом кризисе – проблеме отсутствия наследников у Витовта. Согласно гипотезе докладчика (далеко не бесспорной), Витовт мог видеть наследника в князе Сигизмунде Корибутовиче, отправленном в 1422 г. его наместником в Чехию. К. Ожог (Краков) рассказал о Католической церкви в Польском королевстве в эпоху Городла. Вчерашний язычник, Ягайло, став польским королем, умело использовал шанс, данный ему духовной интеллектуальной элитой, на международных церковных форумах и во взаимоотношениях с соседями (в частности, с Тевтонским орденом), равно как и во внутренней жизни королевства, особенно в сфере образования. В начале XV в. польское духовенство и монархия впервые приняли участие в жизни всей Католической церкви, предложив на Констанцском соборе программу ее реформ.

Интересный доклад о боярстве Жемайтии в эпоху Городельской унии прочитал Э. Савищевас (Вильнюс). Жемайтия вернулась под власть Витовта лишь в 1411 г., – как оказалось, окончательно. Поэтому в эпоху Городла формирование класса бояр как военных слуг, чье благосостояние основано на монарших бенефициях, лишь начиналось, и они еще конкурировали с могущественными местными нобилиями. Докладчик проанализировал известные пожалования великих князей литовских 1411–1447 гг.: в том или ином виде сохранились 26 таких документов Витовта, 10 – Сигизмунда Кейстутовича и 29 – Казимира Ягеллона; документы о пожалованиях Свидригайла неизвестны. Выясняется, что все перечисленные правители жаловали земли и крестьян на пограничье. Витовт, как правило, жаловал одного–двух крестьян (исключения известны в окрестностях Медник, находившихся под сильным влиянием Ордена), иногда также неосвоенные природные объекты – леса и озера. Это объясняется тем, что социальная дифференциация в Жемайтии была слабой, крестьяне были тесно связаны с нобилиями, и пожалование первых нарушало бы всеобщие интересы. При этом бояре были местного происхождения (интересный момент – медленное распространение среди них христианских имен) и не располагали землями за пределами Жемайтии. Эти пожалования, как и появление привилеев для отдельных регионов ВКЛ, докладчик объяснил периодами ослабления великокняжеской власти. При Витовте и его наследниках в Жемайтии еще не сложились магнатские латифундии, однако он создал условия для их складывания (первой стала латифундия Кезгайлов). Периферийным регионам ВКЛ в контексте церковной истории посвятил доклад Д. Баронас (Вильнюс). Он поставил под сомнение возможность миссионерской поездки Витовта и Ягайла в Жемайтию с целью ее крещения осенью 1413 г., известной лишь по рассказу Яна Длугоша: итинерарий Ягайла и состояние дорог в регионе оставляют такой поездке слишком мало места. Длугош вполне мог «додумать» и список первых приходских костелов этой части ВКЛ. Скорее правители в это время завязали контакты с

влиятельными жемайтами, создавшие предпосылки для крещения. Вторая часть доклада была посвящена судьбе московской княжны Анны Васильевны, выданной в 1414 г. замуж на наследника византийского престола Иоанна Палеолога. О том, что за этим браком стоял не только отец Анны Василий I, но и ее дед Витовт, говорят серьезные аргументы – поездка Анны в Константинополь через Литву, а не обычной дорогой из Москвы по Дону, и отправка зерна в Константинополь Ягайлом, отмеченная Длугошем. Возможно, заключил докладчик, в этой связи Витовт рассчитывал на успех поставления Григория Цамблака на общерусскую митрополию в Константинополе. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Очень подробный обзор взаимоотношений Польши и ВКЛ с Чехией в конце XIV – начале XV в. дал *Я. Никодем* (Познань), автор книги о чешской политике Ягайла и Витовта и многочисленных работ по истории Польши и ВКЛ.

Первая сессия конференции завершилась дискуссией. *Т. Трайдос* (Варшава) подтвердил каноничность теологических взглядов Григория Цамблака и напомнил, что Ягайло и Витовт прежде всего преследовали цель не допустить пребывания митрополита, которому подчиняются их владения, вне этих владений. *Д. Шульц* (Люблин) коснулся аспектов прозвучавших докладов, так или иначе связанных с историей Люблинского воеводства, – критически оценил реставрационные работы П.П. Покрышкина над фресками в Малой Польше в конце XIX в., фактически уничтожившего часть надписи в люблинской часовне св. Троицы, напомнил о встрече Ягайла и Витовта в сентябре 1412 г. в Грубешове недалеко от Городла, и привлек внимание к топонимическим следам присутствия жемайтов в этом регионе. *Е. Грыгель* (Краков), автор биографии Сигизмунда Корибутовича, усомнился в достоверности известия Длугоша о планах передачи Силезии Польше (поскольку это был лен римского короля, а не наследственное владение), и провел аналогию между Бургундией и Великим княжеством Литовским (на которую, впрочем, уже обращал внимание Р. Петраускас).

Тематика второй сессии была связана с исторической памятью о Городельской унии. Открыл эту часть доклад *Д. Шульца* об использовании Городельских актов в связи с попытками возобновления унии при Александре Ягеллонике. Функционированию этих актов накануне Люблинской унии был посвящен доклад *М. Ференца* (Краков), который показал их использование польской стороной, нередко избирательное, при выработке принципов новой унии. Актуализацию Городельской унии в эпоху Сигизмунда III Вазы в свете анонимного памфлета 1632 г. «Fundamenta catholicae religionis» рассматривала *У. Аугустыняк* (Варшава). Она показала, что Городельскую унию использовали публицисты из католических кругов, стремясь подвести базу под исключение некатоликов (православных и протестантов) из общественной жизни и инкорпорацию ВКЛ в состав Речи Посполитой, а одновременно замалчивая решения Люблинской унии. *Ю. Кяупене* (Вильнюс) задалась вопросом: что было объединяющим фактором политической культуры многоязычного и поликонфессионального общества ВКЛ? Согласно ее рабочей версии, таким фактором было общее государство – Великое княжество Литовское. В дискуссии *А. Закиевский* (Варшава) напомнил о подобной роли статут ВКЛ, которые, даже оставаясь реликтом государства, конституировали самосознание шляхты былого ВКЛ вплоть до XIX в. *А. Новак* (Краков) рассказал о «юбилейной» памяти о Городельской унии в XIX в. Силою вещей эта уния обречена на то, чтобы всегда оставаться в тени Январского восстания, начавшегося 450 лет спустя. В дискуссии *Д. Шульц* напомнил о торжествах в память о Городельской унии в 1861 г. Российское войско не пропустило их украинских участников из-за Буга на встречу с поляками и литовцами, однако последним было позволено отслужить мессу и, в соответствии с польской традицией, в память о событии насыпать курган, который существует под Городлом до сих пор. Наконец, *З. Норкус* (Вильнюс) рассказал о развитии концепции Великого княжества Литовского как «непровозглашенной империи» в литовской общественной мысли. Эту концепцию вслед за Казисом Пакштасом развивал президент межвоенной республики Антанас Сметона, противопоставлявший националистический империализм (польский) государственному (или, в случае ВКЛ Витовта, династическому). Ошибкой литовских князей, по мнению межвоенных мыслителей, была экспансия на Русь вместо борьбы за единство «родственников»-балтов. Эти рассуждения очень близки к аналогичным упрекам в адрес Казимира III Великого и его наследников, популярным в послевоенной Польше. В наши дни к пониманию средневековой Литвы как империи вернулся С. Роуэлл, а также Гинтарас Береснявичюс, сделавший из этого и «практические» выводы о необходимости широко распространять влияние Литвы на постсоветском пространстве (впрочем, эти идеи, высказанные в 2003 г.

и несколько напоминающие польский прометеизм 20–30-х годов прошлого века, так и остались на бумаге).

Во второй день конференции заседания проходили в замке в Неполомицах – охотничьей резиденции польских королей со времен Казимира Великого. В этой связи о традициях Неполомиц говорил заместитель бурмистра *А. Твардовский*, обратившийся к участникам конференции с приветственным словом. *С. Роуэлл* (Вильнюс) представил эволюцию образа Польши и ВКЛ при Ягайле и Витовте от земель «неверных» к окраинам христианского (католического) мира. В эту эпоху в сознании европейцев они были отдельными странами, хотя и тесно связанными между собой. Ситуация изменилась лишь при общем монархе – Казимире Ягеллоне: если в 1421 г. бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа писал о Троках «в Литве», то в 1474 г. венецианский посол Амброджо Контарини размещал тот же город «в Польше».

Вслед за *С. Роуэллом Т. Трайдос* (Варшава) рассказал об организации Католической церкви на русских землях Польши и ВКЛ. Фактически речь шла лишь о диоцезах Львовского архиепископства, поэтому докладчик коснулся Киевского епископства, – по сути, фиктивного, – но даже не упомянул о других католических епископствах в ВКЛ – Виленском, Жемайтском и Владимирском (впоследствии Луцком). *Т. Трайдос* охарактеризовал позицию польского короля по отношению к Православной церкви как «пассивную охрану» ее имуществ. Тем не менее православие оставалось лишь терпимой конфессией, и попытки компромисса оканчивались неудачей (одну из таких попыток докладчик усмотрел в привилее для Перемышльской епархии, датированном 1407 г. – очевидно, ошибочно, поскольку упоминаемый в нем митрополит Киприан умер в 1406 г.).

К внешнеполитической проблематике вернул участников конференции *А. Шведа* (Торунь), прочитавший доклад о взаимоотношениях Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом. Хотя в документе Городельской унии говорится об угрозе со стороны крестоносцев, ее заключение пришлось на перерыв между двумя войнами – Великой войной 1409–1411 гг. и «голодной войной» 1414 г. Проанализировав хорошо документированный ход событий, автор задался вопросом: почему «вечный мир», заключенный в Торне в 1411 г., продлился всего три года? Причиной тому был «дух Грюнвальда», царивший в Польше, – ощущение собственных сил в отношениях с Орденом, который стремительно терял инициативу и превращался из субъекта политики в ее объект.

А. Шимчак (Лодзь) посвятила чрезвычайно интересный доклад отношению польской провинциальной шляхты к унии с ВКЛ. Исследование этого вопроса затрудняет фрагментарность источниковой базы: провинциальные шляхтичи появляются в сохранившихся источниках лишь спорадически, например в связи с судебными процессами; очень трудно бывает проследить их карьеру, отделить индивидуальную карьеру от семейной в свете пребывания при королевском дворе. Это затрудняет ответ на вопрос: кем были малоизвестные рыцари из Польши, участвовавшие в Городельской адопции? Согласно выводу докладчицы, ими были участники походов Ягайла и Витовта (сделать такой вывод позволило, в частности, сопоставление с перечнем родовых хоругвей в описании Грюнвальдской битвы у Длугоша). Несмотря на фрагментарную источниковую базу, известно несколько примеров карьеры польских шляхтичей в Литве. При этом они не порывали связей со своим родным регионом и именами, а нередко за время службы в Литве закладывали основу благосостояния семьи и дальнейшего продвижения по службе. По словам докладчицы, в начале XV в. заключались первые польско-литовские смешанные браки, носившие еще элитарный, придворный характер (впрочем, эта датировка небесспорна. На начальном этапе находился и широко известный процесс наплыва польской шляхты на Подляшье и русские земли Короны).

Т. Графф (Краков) посвятил доклад деятельности делегаций Польши и ВКЛ на Констанцском соборе 1414–1418 гг. Разные ее аспекты – отношение к учению Яна Гуса, попытка заключения унии Православной и Католической церквей, спор с Тевтонским орденом, направленная против Польши и ВКЛ «Сатира» Иоганна Фалькенберга – неоднократно освещались в литературе. По словам *Т. Граффа*, польская историография существенно переоценила роль польской делегации, поскольку ее деятельность имела не столько практические последствия, сколько пропагандистский успех – расширились знания о Польше, усилилось положительное мнение о ней, вырос престиж польского короля. Однако и это имело большое значение в тогдашнем мире, уменьшив наплыв рыцарства («гостей») в Тевтонский орден для войны с Польшей и ВКЛ.

Последним с докладом о Великом княжестве Литовском эпохи Витовта и Ягайла выступил *С. Полехов* (Москва). Доклад был основан на материалах летописей, которые ве-

лись вне ВКЛ – в Новгороде, Пскове, Твери и Москве; данные летописных памятников ВКЛ привлекались значительно реже. Внимание летописцев было приковано к действиям Витовта, между тем Ягайло появлялся на страницах летописей лишь эпизодически, хотя на Руси была известна его позиция. Докладчик высказал рабочую гипотезу об эволюции восприятия русскими книжниками Великого княжества Литовского – от близкой страны, населенной единоверцами, чуть ли не одной из русских земель, до иноверного и враждебного края, под властью правителей которого страдают «христиане» (православные). Непосредственной предпосылкой такой эволюции была уния ВКЛ с Польшей и крещение Литвы по католическому обряду в конце XIV в. После этого модератор сессии *Р. Петрускас* закрыл заседания конференции, поблагодарив польскую сторону за приглашение участников из Литвы.

После обеда и прогулки по Неполомицам участники конференции вернулись в Краков, где проф. *Л. Корчак* (Краков) и проф. *Ю. Кяупене* (Вильнюс) презентовали издание, заключающее в себе акты Городельской унии и исследовательские статьи, посвященные этим документам. Последовала дискуссия специально приглашенных ученых. Модератор *К. Бачковский* (Краков) сформулировал несколько вопросов об обстоятельствах заключения и значении Городельской унии. *С. Александрович* (Торунь) привлек внимание собравшихся к карте ВКЛ 1613 г. и предположил, что она могла быть приурочена к 200-летию унии. *Р. Микнис* (Вильнюс) рассказал о развитии литовской национальной мысли в XIX – начале XX в. и месте в ней унии с Польшей: речь шла об унии вообще, а не о Городельской унии. *К. Петкевич* (Познань) обратил внимание на «городельское происхождение» правящей элиты ВКЛ рубежа XV и XVI вв. *Э. Римша* (Вильнюс) вкратце изложил содержание своей чрезвычайно интересной статьи о бытовании в ВКЛ польских гербов, принятых в Городле в 1413 г. Согласно его выводу, в ВКЛ XV – первой половине XVI в. известно не более 10–15 польских гербов, использовавшихся наиболее влиятельными и многочисленными родами литовских вельмож. Их представители обладали фактической прерогативой занятия высших светских должностей, о которых идет речь в Городельском привилее. Между тем очень живучими оказались догородельские гербовые традиции – как литовские, так и русские. Как добавил *Э. Римша*, лишь в начале XVI в. на местных должностях появляются первые обладатели негородельских гербов, а с середины XVI в. в ВКЛ проникает множество носителей польских гербов (причина этого, впрочем, неясна). *Я. Тенговский* (Белосток) попытался ответить на вопрос о значении терминов *applicare* и *incorporare* в документах польско-литовской унии при помощи метафоры адопции Литвы в традицию западного христианства в Криве. С позиций историка права в полемику с ним вступил *В. Уруцак* (Краков). Вопреки традиции, восходящей к А. Левичкому и О. Бальцеру, он видит в *applicare* не инкорпорацию, а присоединение, а ВКЛ рассматривает как ленное государство (отсюда – сохранение институции великого князя). В продолжение дискуссии *Я. Вроншиевский* (Торунь) призвал рассматривать ситуацию в системе понятий и представлений XV в., в условиях, когда в польской королевской канцелярии не было формуляра подобного документа. Польско-литовскую унию этого времени он сравнил с Британским содружеством наций. В свою очередь, *Е. Вырозумский* (Краков) призвал дискутировать не о значении термина *applicare*, а о практической реализации этого решения. Завершил дискуссию *Ф. Зейка* (Краков), рассказавший о торжествах в память о польско-литовских униях во второй половине XIX в. (начиная с 1861 г.). Интересно, что в это время велись активные поиски места «русской» (украинской) традиции в памяти об унии, прервавшиеся лишь на рубеже XIX и XX вв., когда стало ясно, что украинское национальное движение окончательно разошлось с польским.

Как видно из приведенного содержания докладов, они охватывали самые разные аспекты истории Польши, Великого княжества Литовского и их соседей в эпоху Городельской унии. Многие из них стали объектом новаторского освещения. Думается, однако, что для полноты картины недоставало представления нескольких значимых аспектов. Так, не было сказано о правовом аспекте унии, шире – о политико-правовой мысли на рубеже XIV–XV вв. и на пограничье католического, православного и «варварского» мира. В нескольких докладах речь шла о католической Церкви в Польше и ВКЛ, но ни один доклад не был специально посвящен Церкви православной. Отдельного доклада достойна ситуация на русских землях Польши и ВКЛ «между интеграцией и сегрегацией» (как определили ее издатели одного сборника статей), которая до сих пор недостаточно осмыслена в сравнительном аспекте. Наконец, не освещенными остались взаимоотношения ВКЛ и Польши с их восточными соседями, а между тем они заслуживают самого пристального внимания: помимо широко известных фактов, можно вспомнить заявление Софьи Ви-

товтовны, специально приехавшей из далекой Москвы в Вильну, о нарушении Орденом ее прав как наследницы Жемайтии в 1413 г. или участие московского войска в походе на Пруссию летом 1414 г. Однако в целом конференция удалась, и в этом заслуга как организаторов, так и участников. О ее значении свидетельствует тот факт, что в качестве слушателей ее посетили многие известные ученые, в том числе из других городов Польши. В 2014 г. планируется издание сборника ее материалов. Судя по прочитанным докладам, он обещает стать важным шагом вперед в изучении истории Восточной и Центральной Европы в начале XV в.

© 2014 г. С. Полехов

Славяноведение, № 4

КОНФЕРЕНЦИЯ «РОМАНОВЫ В ДОРОГЕ: ПУТЕШЕСТВИЯ И ПОЕЗДКИ ЧЛЕНОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ ПО РОССИИ И ЗА ГРАНИЦУ»

В рамках второго Всероссийского совещания славистов в Институте славяноведения 12–13 ноября 2013 г. прошла межрегиональная конференция с участием иностранных докладчиков «Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу». Круг вопросов, поднятых участниками конференции, был весьма обширен и включал в себя исследование разновидностей поездок и путешествий по Империи, описания путешествий членов царской семьи как форму репрезентации монархии, ритуалы празднований, приветствий и подношений, церемониалы; их отражение в литературе, журнальной публицистике, мемуарах. Всего на конференции было зачитано 26 докладов.

С докладом на тему «Паломничества по святым местам первых царей из дома Романовых в XVII в. выступила Л.А. Черная (Московский государственный академический художественный ин-т им. В.И. Сурикова), отметив, что паломничества являлись важной составляющей жизни царского двора. Особое значение имел и обставлялся с большой торжественностью «Троицын ход», посещение Троице-Сергиевой обители, являя собой тем самым особую форму репрезентации царской власти. В докладе А.В. Топычканова (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Царская загородная резиденция vs. Москва: политические конфликты второй половины XVII в.» были проанализированы случаи противопоставления и противостояния царских загородных резиденций и Москвы в ходе бунтов, стрелецких восстаний и заговоров. Царь одобрял и поощрял символическое противопоставление этих политических пространств и использовал резиденции для трансформации политической системы и политической культуры России во второй половине XVII в.

Поездки по стране как инструмент решения актуальных внешнеполитических задач в эпоху Петра I были рассмотрены в докладе К. Штепана (Инсбрукский ун-т, Австрия) «Романовы как “экскурсоводы”: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям Российской империи». Эти путешествия были не только возможностью продемонстрировать новые военные, архитектурные и иные культурные достопримечательности молодой Российской империи, ее новой столицы, но и служили индикаторами взаимоотношений между приглашающим монархом и двором приглашенного дипломата. Н.Ю. Болотина (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) выступила с докладом на тему «Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых», раскрыв интересные подробности траурного церемониала.

В середине – второй половине XVIII столетия особое значение приобрели совершаемые государынями Елизаветой Петровной и Екатериной II масштабные путешествия по России. Посещение императрицей Елизаветой Петровной украинских земель был посвящен доклад С.С. Лукашовой (ИСЛ РАН): «Путешествие Елизаветы Петровны в Малороссию (1744 г.)». Официальной целью путешествия было паломничество, однако значительная часть современников была уверена, что императрица едет познакомиться с родиной своего морганатического супруга Алексея Разумовского. Докладчица пришла к выводу,

что правление Елизаветы является временем интеграции украинских земель в Российскую империю и сближения политических элит Малороссии и Великодержавии, что также было следствием личного знакомства Елизаветы со своими подданными. *Г.В. Ибнеева* (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т) продолжила тему докладом «Екатерина II и российское дворянство в церемониале императорского путешествия», центральной проблемой которого стало изучение взаимодействия императрицы Екатерины II с российским дворянством в ходе высочайших путешествий. Важным аспектом проблемы является анализ церемониала путешествий императрицы, который показывает значимость дворянства для верховной власти. Освещение путешествий Екатерины II по России русской периодической печатью стало темой доклада *Н.В. Бессарабовой* (Московский гуманитарный ин-т им. Е.Р. Дашковой) «Путешествия Екатерины II по России в публикациях газет “Московские ведомости” и “Санкт-Петербургские ведомости”». Печать, с одной стороны, демонстрировала официальную точку зрения на путешествия, позволяя Екатерине II создавать образ просвещенной государыни, а с другой – показывала интерес русского общества к поездкам императрицы.

Тема путешествий монархов в эпоху просвещенного абсолютизма была продолжена *О.В. Хавановой* (ИСЛ РАН) в докладе «Пребывание цесаревича Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: “умное” путешествие просвещенного монарха». Она отметила, что путешествия «инкогнито» были своеобразной традицией европейских монарших особ и будущий российский император, следуя этой традиции, смог совершить интереснейшее путешествие по Европе, осмотрев множество достопримечательностей. Тему путешествия как инструмента управления империей в эпоху просвещенного абсолютизма продолжила *М. Джокич* (Ин-т Восточной и Юго-Восточной Европы, Регенсбург) в докладе «Репрезентация и отправление монархической власти: “императорские” путешествия Иосифа II и Франца I (1768–1835)».

Особое место заняли доклады, посвященные передвижениям по стране и за ее пределами Александра I. Первым на эту тему выступил *И.В. Меркулов* (Санкт-Петербургский гос. ун-т) с докладом «Александр I при Главной квартире во время Отечественной войны 1812 г. и zahraniчных походов глазами государственного секретаря А.С. Шишкова». Докладчик подчеркнул, что готовя свои «Записки» к изданию, А.С. Шишков исключил из текста все, что могло хотя бы в малой степени девальвировать картину священной национальной войны или скомпрометировать императора. Внешнеполитической деятельности Александра I был посвящен доклад *Л.А. Кириллиной* (ИСЛ РАН) «Пребывание Александра I на конгрессе в Лайбахе в 1821 г.», основной темой которого стало участие императора в работе конгресса европейских держав под эгидой «Священного союза». Л.А. Кирилина отметила, что пребывание императора и его свиты в словенском городе явилось первым опытом общения словенцев и русских на протяжении более четырех месяцев, и он, несомненно, способствовал осознанию обеими сторонами языковой и культурной близости русского и словенского народов.

Е.В. Беспалая (Московский городской педагогический ун-т) в докладе «Последний путь странствующего императора Александра I» отметила, что многочисленные перемещения императора по России и за ее пределами были вызваны как рациональными причинами, такими, как стремление императора взять под свой контроль действия верховного командования русской армии в десятилетний период активного противостояния России наполеоновской Франции, необходимость присутствия монарха победившей державы на международных конгрессах для выработки совместного с союзниками нового миропорядка, желание Александра I ознакомиться с состоянием дел в Москве и российской глубинке после войны 1812 г., так и причинами сугубо психологического порядка, желанием императора заглушить постоянную тоску.

Особую значимость имели поездки Романовых по польским землям, сравнительно недавно вошедшим в состав Российской империи. Эта тема была поднята в докладе *О.С. Капитановой* (ИСЛ РАН) «Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи», в котором отмечалось, что пребывание в Царстве Польском, которое цесаревич первоначально воспринимал как ссылку, способствовало его сближению с польской политической элитой. Тему взаимоотношений Романовых с их польскими подданными продолжила *Н.М. Филатова* (ИСЛ РАН) в докладе «Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды», где были рассмотрены формы репрезентации императорской власти в Царстве Польском накануне и во время коронации, в частности позиционирование Николаем I себя как польского короля, а также особенности отражения церемонии в

польских и российских источниках (периодической печати, мемуарах, польской художественной литературе).

Тема ознакомительных поездок по России представителями династии Романовых была продолжена в докладе *В.П. Тотфалушина* (Саратовский гос. ун-т): «Посещение Саратова цесаревичем Александром Николаевичем во время его “Венчания с Россией” в 1837 г.». Доклад содержал множество интересных подробностей, касающихся организации визита цесаревича, его общению с представителями различных сословий. Посещение Александром III Кавказа было освещено *А.А. Мещениной* (Санкт-Петербургский гос. ун-т) в докладе «“Кавказ замер в трепетном ожидании...”» (к истории путешествия Александра III на Кавказ в 1888 г.». Как отметила докладчица, ко времени воцарения на престоле Александра III положение на Кавказе было уже достаточно стабильным, поэтому его поездка 1888 г. во многом носила инспекционный характер и была продиктована не только желанием увидеть результаты бурной колонизации недавно завоеванных территорий, но и представившейся возможностью показать их своим сыновьям, один из которых должен был унаследовать самодержавную власть.

С.А. Кочуков (Саратовский гос. ун-т) в докладе «Великий князь Александр Александрович на Балканах в 1877–1878 гг.» отметил, что наследник престола не был сторонником силового разрешения балканского вопроса, однако выражал поддержку национально-освободительному движению на Балканском полуострове. Положительное отношение еще более укрепилось за время пребывания наследника на театре военных действий и помогло ему утвердиться во мнении, что его пребывание на Балканском полуострове было познавательно не только с точки зрения военного дела, но являлось необходимой государственному деятелю школой.

Поездка последнего российского императора в недавно занятую русскими войсками австрийскую Галицию стала предметом доклада *М.Э. Клоповой* (ИСЛ РАН) «Посещение Николаем II Львова и Перемышля весной 1915 г.». В докладе было отмечено, что, несмотря на в основном деловой характер поездки, ее задачей было знакомство Николая II с недавно занятыми русской армией территориями, для нее были характерны и все элементы поездки презентационной, включающей в себя такие обязательные элементы, как общение с ранеными в госпитале, простыми галичанами, участие в молебне. По мнению докладчицы, это должно было закрепить в глазах общественности представление о Галиции как о исконно русской земле, возвращенной в состав Российской империи.

Тема частных поездок членов императорской семьи стала центральной в нескольких докладах. Первой выступила *О.В. Соколовская* (ИСЛ РАН) с докладом «Романовы в гостях у греческой королевы Ольги, середина XIX – начало XX в.». Тему продолжила *Л.В. Кузьмичева* (МГУ им. М.В. Ломоносова) с докладом «Семья великого князя Константина Константиновича Романова на европейских дорогах», а затем *Н.Г. Струнина* (ИСЛ РАН) – «Семья великих князей Петра и Николая Николаевичей Романовых в путешествиях конца XIX – начала XX в.». Все три выступления были посвящены поездкам представителей дома Романовых по Европе в гости к родственникам, их личным, иногда весьма непростым взаимоотношениям. Выступавшие отметили, что именно вдали от столиц, вне привычной среды, Романовы нередко раскрывали свою человеческую сущность.

Тема репрезентации самодержавной власти в последние десятилетия ее существования нашла отражение в докладе *В.В. Скурлова* (Русский отдел Аукционного дома «Кристи», Москва/Санкт-Петербург) «Фаберже и Романовы: подарки во время путешествий». Вручение ценных подарков, в том числе и изготовленных ювелирной фирмой К. Фаберже, было неотъемлемой составляющей императорского церемониала. Значительная часть так называемых кабинетных подарков вручалась во время многочисленных путешествий членов императорской фамилии. В целом, вручение подарков было важной составляющей системы презентации власти в Российской империи.

В докладе *Е.Е. Левкиевской* (ИСЛ РАН) «Путешествия Романовых в рамках 300-летнего юбилея династии» была рассмотрена семантика юбилейных путешествий семьи Романовых в 1913 г. как определенного «высказывания», предназначенного «граду и миру». Докладчица проанализировала выбор маршрутов царской семьи (путешествие по городам Московской Руси, связанным с событиями 1613 г. и избранием на царство Михаила Романова), маркированные места остановки (Нижний Новгород, Кострома, Москва) и их наполненность ритуальными событиями (открытием памятников, парадами, шествиями, приемами, торжественными обедами и т.д.) с точки зрения официального мифа о возведении на престол Михаила Романова. Таким образом, сам путь, выбранный в рамках

юбилейных торжеств, прочитывается как определенный «текст» в семиотическом смысле слова, обращенный правящей династией своим подданным.

Последние два доклада были посвящены восприятию представителей династии Романовых и их перемещений потомками. *М.В. Лескинен* (ИСЛ РАН) в докладе «Романовы в Финляндии XIX в.: утопический топос императоров и идеал подданных Империи» отметила, что лейтмотивом в области оценочных суждений стала лояльность всего народа, законопослушание и верность конкретных граждан Великого княжества, проявления которой бросались в глаза во время польских восстаний, кавказской войны и революций в Европе. Отношение к Финляндии и ее жителям особенно ярко проявлялось во время общения императоров с «простыми» финнами во время их семейного отдыха на самой «мирной» окраине Империи. Финляндия довольно долго (до 1890-х годов) ассоциировалась с идеальной имперской окраиной, подтверждая возможность взаимовыгодного, мирного и благополучного сосуществования разных народов Империи под самодержавным скипетром. *П.С. Куприянов* (Ин-т этнологии и антропологии РАН) в докладе «Михаил Романов на “краю земли”» сосредоточил свое внимание на том, как анатомия локального мифа интерпретируется в фольклоре поселка Нырб Чердынского района Пермского края, где погиб заточенный в яме дядя первого из царствующих Романовых и его тезка Михаил Романов. С течением времени в Нырбе возникла традиция почитания «царственного узника», поддерживаемая и в настоящее время.

Подводя итоги, можно отметить, что исследовательский акцент был в основном сделан на способах описания путешествий, когда сами эти описания являются важной частью практики репрезентации самодержавной власти в России и для внешнего, зарубежного потребителя. Выступавшие отмечали, что если избираемые (т.е. Романовыми и их официальным окружением) способы изображения перемещений царствующих особ были включены в общие «сценарии власти», то сведения, остающиеся в памяти потомков и живущие ныне своей жизнью, по меморативным способам и формам тяготеют к фольклору, именно благодаря им и оставаясь в массовом сознании.

© 2014 г. *М.Э. Клопова*

ПАМЯТИ ЛЮБОВИ НИКОЛАЕВНЫ БЕЛОШЕВСКОЙ (1946–2013)

11 ноября 2013 г. скончалась наша коллега Любовь Николаевна Белошевская. Она возглавляла группу научных сотрудников Славянского института Академии наук Чешской республики, занимавшихся исследованиями истории русской эмиграции в ЧСР. Не только российские слависты, но и специалисты по отечественной истории и литературоведению хорошо знали труды Л. Белошевской и ее саму как очень инициативного, увлеченного исследователя. Она сотрудничала с различными научными учреждениями России – Институтом славяноведения РАН, Домом Русского зарубежья, Институтом русской литературы (Пушкинским домом) РАН, Институтом российской истории РАН, ИНИОНОм, Институтом мировой литературы и искусства РАН и др. Любовь Николаевна брала на себя ответственность и возглавляла с чешской стороны многие проекты. Ее небольшая группа, можно сказать, стала объединяющим центром международных исследований по русской эмиграции, так как Белошевская поддерживала живые связи с учеными из Великобритании, Австрии, Эстонии и других стран, не раз являлась организатором и активным участником международных научных конференций. Среди коллег Любовь Николаевна пользовалась большим авторитетом за глубокие знания в профессиональной области, огромное трудолюбие, требовательность к себе и своим сотрудникам, тщательность подготовки научных трудов.

Любовь Николаевна родилась 27 августа 1946 г. в Москве. В 1969 г. она поступила на филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В рамках обмена в 1970 г. была направлена на учебу в Карлов университет в Праге, и в 1975 г. закончила философский факультет Карлова университета по специальности чешский язык и обществоведение. Случилось так, что в Праге Любовь Николаевна повстречала свою «вторую половину» и вышла замуж за талантливого журналиста и прекрасного человека Дмитрия Беларусь-Белошевского (из семьи русских эмигрантов). Жизнь складывалась не просто. В 1976–1982 гг. Л. Белошевская с мужем жили в Советском Союзе, где она работала на радио, но с трудоустройством супруга были проблемы, и они решили вернуться в Чехословакию. Любовь Николаевна устроилась на работу в театральное-литературное агентство «Дилия», а затем в 1986 г. стала сотрудницей Института чешского языка Чехословацкой академии наук. После смены режима в конце 1980-х, отмены идеологических запретов и открытия архивов и спецхранов Л. Белошевская стала заниматься проблемами русской эмиграции в ЧСР, практически не изученными, интересными ей и близкими в силу личных обстоятельств. В 1993 г., когда был воссоздан Славянский институт, Л. Белошевская перешла туда на работу. Уже в 1995 г. в сотрудничестве с М. Бубениковой, Л. Вахаловской и М. Задражиловой Любовь Николаевна опубликовала книгу «Альфред Людвигович Бем. Письма о литературе».

Вместе с историком З. Сладеком Л. Белошевская возглавила группу специалистов, интересовавшихся историей русской эмиграции. В результате их плодотворного сотрудничества увидели свет такие издания как «Документы по истории русской и украинской

эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / Составители З. Сладек, Л. Белошевская и коллектив авторов» (Прага, 1998), «Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939)» (Прага, 1999), получившие высокую оценку коллег.

Вместе со Сладеком Л. Белошевская подготовила и опубликовала сборник статей ученых из ЧР, России и США о покровителе русских эмигрантов, первом премьер-министре ЧСР Кареле Крамарже (К 65-летию со дня его смерти) (Karel Kramář Studie a dokumenty k 65. výročí jeho úmrtí / Uspořádali Ljubov Běloševská a Zdeněk Sládek. Praha, 2003).

Под общей редакцией Л. Белошевской в 2000–2001 гг. вышло двухтомное справочное издание «Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике», ставшее действительно большим подспорьем для ученых, занимающихся вопросами жизни и творчества русских эмигрантов. Как известно, подготовка к изданию сборников документов, справочной литературы, сборников статей, требующих перевода с иностранных языков очень трудоемка, требует больших усилий, внимательности и тщательного редактирования. Но Любовь Николаевна никогда не боялась сложностей. Одной из последних работ, потребовавших концентрации и больших усилий, явилась книга воспоминаний, дневников и бесед с русскими эмигрантами, большую часть которой занимают не сами тексты, а комментарии к ним.

Любовь Белошевская профессионально занималась литературоведением. Завершением многолетней исследовательской работы явилась антология поэзии русских поэтов-эмигрантов в Праге «Скит (1922–1940)» (2006), изданная в Москве издательством «Русский путь» с ее комментариями, большой вводной статьей и биографическими сведениями об авторах.

Л.Н. Белошевская в сотрудничестве с М.Ю. Досталь и Е.П. Серапионовой реализовала два проекта, в рамках которых были проведены научные конференции и опубликованы сборники статей – «Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии» (М., 2008) и «На рубеже культур: русская эмиграция в межвоенной Чехословакии» (М., 2012).

Л.Н. Белошевская многие годы была редактором периодического издания «Rossica» – Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике, выходившего в Праге на русском языке. Последний выпуск «Россики» вышел в 2012 г. и был посвящен судьбам чехословацких легионеров в России.

Мое знакомство с Любой произошло в 1995 г. на одной из первых больших международных конференций в Праге под названием «Русская, украинская, белорусская эмиграция между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов», материалы которой были в том же году в 2-х томах изданы в Праге. С того времени наше сотрудничество, переросшее в дружбу, не прерывалось. Любовь Николаевна ушла из жизни в результате тяжелой болезни. Но до конца она была полна творческих планов, старалась реализовать как можно больше из задуманного. Последний проект, над которым мы вместе работали, еще ждет завершения. Люба очень ответственно подходила к работе, прекрасно писала и любила книгу. Это заметно по тому, с какой тщательностью она составляла указатели, вниманием к обложке и отбору иллюстраций. Книжки, созданные ею приятно взять в руки и интересно читать.

Очень трудно терять близких людей, но пока мы о них помним, читаем и перечитываем их работы, они с нами. Светлая память Любви Николаевне – талантливому ученому и тонко чувствовавшему человеку.

© 2014 г. Е.П. Серапионова

CONTENTS

ARTICLES

- V.S., Zhelyazkova V.* (Moscow, Sophia). Towards a study of the vocabulary of the oldest Slavonic Old Testament manuscripts in comparison with the vocabulary of the New Testament manuscripts and other manuscripts of the «Old Slavonic Canon» 3

TO THE CENTENRY OF THE BROKE OF WORLD WAR ONE

- Sokolovskaya O.V.* (Moscow). Great ambitions of the small Greece in World War One 15
Kashirin V.B. (Moscow). Alexandru Averescu seen with the eyes of the Russian military reconnaissance: a portrait of the future marshal of Romania 27
Timoshinov A.A. (Moscow). Polish volunteer corps on the Russian side in 1914–1915 39

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

- Galcheva T.N., Golubovich I.V.* (Cofia, Odessa). Letters of Petr Bitsilli to Nikolai Astrov about Venedict Myakotin 48
Schruba M. (Bochum, Germany). The Harvard episode of Dmitry Chizhevsky's biography (based on his correspondence with Mikhail Karpovich) 57

REPORTS

- Kochegarov K.A.* (Moscow). The Cossack mission of Mikhail Rodkiewicz-Portyanka to the Sultan in 1667 65

FIFTEENTH INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS

- The Congress participants' remarks and impressions 73

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

- Zadorozhnyuk E.G.* A. Antoni Kamiński. Michał Bakunin. Życie i myśl 101
Zadorozhnyuk E.G. Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева 105
Kossik V.A. Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания 108
Korzo M.A. Л. Довга. Система цінностей в українській культурі XVII століття (на прикладі теоретичної спадщини Інокентія Гізеля) 111
Valentsova M.M. J. Zajonc. Premeny vlakna 113

SCHOLARLY LIFE

- Polekhov S.* Scholarly conference «Horodło (1413–2013). The Kingdom of Poland and the Grand Principality of Lithuania in the age of the Union of Horodło» 116
Klopova M.E. Conference «The Romanovs on the journey: travels and voyages of the tsar family members in Russia and abroad» 121

OBITUARIES

- Serapionova E.P.* In memoriam of Lyubov Nikolaevna Beloshevskaya 125

Сдано в набор 22.04.2014   Подписано в печать 18.06.2014   Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100¹/₁₆   Цифровая печать   Усл.печ.л. 10,4   Усл.кр.-отг. 2,8 тыс.   Уч.-изд.л. 12,1
Бум.л. 4,0   Тираж 233 экз.   Зак. 286   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6